

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

156

АНТИЧНОСТЬ И ВАРВАРСКИЙ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

156

АНТИЧНОСТЬ И ВАРВАРСКИЙ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарера, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. В. Шелов, А. Л. Якобсон

СТАТЬИ

И. Т. КРУГЛИКОВА

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Понятие «античная археология» очень многогранно. Оно связано с изучением материальной и духовной культуры античного общества, экономики и культуры античной Греции, а также народов, входивших в орбиту античного влияния от Средиземноморья до Северо-Западной Индии. Хронологически это обширный период от I тысячелетия до н. э. до раннего средневековья.

Для восстановления подлинно научной картины жизни людей в период античной рабовладельческой формации археологам-антиковедам надо учитывать данные разнообразных источников — не только археологических, но также и письменных, эпиграфических, нумизматических и памятников искусства.

Многообразие источников, требующих различной методики исследования, вызывает необходимость подготовки узких специалистов-антиковедов, исследователей античных лапидарной и керамической эпиграфики, нумизматики, архитектуры и искусства, полевой археологии. Происходит углубленная специализация как по отдельным видам источников, так и по археологии различных территорий, в большей или меньшей мере связанных с археологией Средиземноморья.

Если попытаться подвести итоги исследовательским работам в области советской античной археологии с 1973 по 1976 г. на основании опубликованных за этот период статей и монографий, мы получим яркую картину многогранности научной проблематики археологов-античников.

Главной проблемой, над которой работали археологи-античники, было исследование путей исторического, экономического и культурного развития античных государств Северного, Северо-Западного и Восточного Причерноморья. Античные государства (Боспорское, Херсонесское и Ольвийское) рассматриваются советскими археологами как единые организмы, включавшие города и их обширные сельскохозяйственные территории. В литературе неоднократно освещались вопросы градостроительства, ремесленного производства, торговых связей, искусства и архитектуры, религиозных культов, погребальных обрядов, этнического состава.

В предшествующие десятилетия многие из перечисленных вопросов были хорошо разработаны в трудах М. И. Ростовцева¹, А. Н. Зограф², В. Д. Блаватского³, М. М. Кобылиной⁴, В. Ф. Гайдукевича⁵, С. Ф. Стржеleckого⁶, И. Б. Зеест⁷, Н. И. Сокольского⁸, Д. Б. Шелова⁹ и других исследователей. Естественно, что должен был пройти более или менее длительный период накопления нового материала, прежде чем появилась необходимость написания новых работ по тем же разделам античной археологии. Археологические раскопки все время поставляют новые источ-

ники, заставляющие часто пересматривать выводы предшествующих исследователей.

Как положительное явление в развитии античной археологии в целом надо отметить расширенное изучение сельской территории античных государств Северного Причерноморья. Изучение города и его хоры — такую задачу ставят сейчас перед собой исследователи античных государств Причерноморья. За последние годы по этой проблеме получено особенно много нового материала в результате раскопок и разведок. Много новых сельских поселений открыто в бассейнах Днестровского, Березанского и Днепро-Бугского лиманов. Отметим раскопки Г. А. Дзис-Райко на восточном берегу Днестровского лимана у с. Надлиманское, где обнаружены землянки и полуземлянки VI—V вв. до н. э.

Важные материалы по истории сельскохозяйственной округи Ольвии получены при широких разведочных работах, проведенных на берегах Бугского и Днепровского лиманов В. В. Рубаном, К. К. Марченко, В. М. Отрешко, А. В. Бураковым, А. С. Русяевой и другими археологами. Там обнаружены десятки сельских поселений от позднеархаического времени до римской эпохи. Хорошо прослеживаются изменения в приемах домостроительства, в направлениях торговых связей, выделяются отдельные этапы исторического развития Северо-Западного Причерноморья. Очень интересна сельская усадьба, раскопанная В. В. Рубаном вблизи г. Николаев. Она позволяет говорить о характерных чертах северопричерноморских сельских усадеб античного времени.

Интенсивные разведки и раскопки развернулись в хоре Херсонесского государства. Работы А. Н. Щеглова¹⁰, И. В. Яценко, О. Д. Дашевской и В. А. Латышевой в Северо-Западном Крыму дали возможность проследить историю развития сельскохозяйственных поселений этой обширной территории, установить их типы. На Гераклеюском полуострове вблизи Херсонеса в настоящее время исследуются восемь усадеб от IV в. до н. э. по IV в. н. э. (раскопки И. Т. Кругликовой, Г. М. Николаенко, А. А. Зедгенидзе, С. Ю. Сапрыкина, О. Ю. Грабар, В. И. Кузицина, Е. М. Черкасовой). Ведутся исследования хоры европейской (Б. Г. Петерс, А. А. Масленников) и азиатской частей Боспора. Анапская экспедиция (руководитель Е. М. Алексеева) исследует отдельные сельские усадьбы и группы усадеб на хоре Горгииппии.

Важной проблемой античной археологии остается проблема греческой колонизации, расселения греков по берегам Черного моря и основания греческих городов.

Многочисленные гипотезы о характере греческой колонизации Причерноморья очень противоречивы. Последняя из монографических работ по этому вопросу — книга В. В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья» — встретила резкие возражения в печати¹¹. Однако новых обобщающих работ по данной проблеме пока не появилось. Повидимому, требуется накопление новых фактов и сопоставление их с материалами Средиземноморья. Вопросы греческой колонизации Северного Причерноморья дискутировались на симпозиуме, организованном Институтом археологии АН СССР и Институтом истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР в Цхалтубо с 4 по 14 мая 1977 г.¹² Симпозиум показал, что за последние годы по этой проблеме получены интересные материалы при раскопках на берегах Днестровского и Днепро-Бугского лиманов, на территории Ольвии и на острове Березань и особенно на территории Северо-Восточного и Восточного Причерноморья. К сожалению, материалы почти не опубликованы¹³, обобщающих работ нет. Остается до сих пор не ясным, существовали ли здесь оседлые поселения местных племен к моменту появления греческих переселенцев. Не менее спорен и вопрос о принадлежности и назначении многочисленных землянок, открытых в этих районах за последние годы¹⁴.

История освоения греками берегов Киммерийского Боспора также давно не привлекала внимания исследователей, хотя кое-какие новые материалы получены Таманской экспедицией под руководством Н. И. Сокольского и Пантикапейской экспедицией под руководством И. Д. Марченко. Очень важные материалы получила Н. А. Онайко при исследовании большой постройки вблизи Геленджика. Этот памятник она связывает с городом Ториком, упоминаемым у античных авторов¹⁵. Может быть, это открытие даст нам ключ к решению вопроса о характере первых греческих поселений в данном районе Причерноморья. Необычайно интересный, но пока еще не осмысленный полностью материал для решения проблемы о ранних греческих поселениях в Восточном Причерноморье, дали работы грузинских археологов в Пичвнари, вблизи курорта Кобулет, где А. Ю. Кахидзе раскопал два синхронных изолированных могильника с материалом V в. до н. э.¹⁶ В одном из них были похоронены пришлые греки, в другом — представители местного населения. Важные результаты дали раскопки в районе древней Диоскуриады, на городище Эшери, где Г. К. Шамба обнаружил остатки древнего оседлого поселения, относящиеся к VI в. до н. э.

С проблемой греческой колонизации Причерноморья связан вопрос об основании Гераклеей Херсонеса Таврического почти через два столетия после Ольвии. Условия и причины колонизации здесь могли быть иными. Я. В. Доманский предпринял попытку дать новое объяснение причин, заставивших Гераклею основать Херсонес Таврический¹⁷. Он, в противоположность принятому большинством исследователей мнению А. И. Тюменева о том, что в Херсонес выселились демократические элементы после победы в Гераклею олигархов, ищет причину выселения во внешнем факторе — разорении афинянами гераклеийской хоры. Эта гипотеза малоубедительна и требует еще доказательств. С проблемой миграций связан также вопрос о вторичной — «внутренней» — колонизации, приведшей к заселению греками всего побережья Боспора Киммерийского.

Новые материалы, характеризующие период основания греческих апоек в Северном и Восточном Причерноморье, требуют еще осмысления и обобщения. По-видимому, они должны показать отсутствие стандартизации и трафаретности в процессе освоения греками различных районов причерноморского побережья.

Еще одна важная проблема, над которой издавна работали археологи-античники, — взаимоотношения греков и варваров и роль местного варварского населения и пришлых варварских племен в жизни античных государств Северного и Восточного Причерноморья. Этой сложной проблеме посвящены статьи и монографии¹⁸, а также несколько недавно защищенных кандидатских диссертаций: В. Н. Корпусовой «Некрополи сельского населения европейского Боспора во II в. до н. э. — IV в. н. э.»; Ю. М. Десятчикова «Процесс сарматизации Боспора»; А. А. Масленникова «Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э.»; К. К. Марченко «Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I в. до н. э.»; М. М. Герасимовой «Население Северного Причерноморья в античную эпоху по антропологическим данным».

Благодаря интенсивным раскопкам на территории Синдики получены новые данные о синдах — народе, хорошо известном нам по письменным памятникам, но до последнего времени плохо уловимом археологически. Работы Геленджикско-Новороссийской экспедиции Института археологии АН СССР позволяют надеяться, что удастся выделить черты, характеризующие и другие племена азиатской части Боспора, — керкетов и торетов, упоминаемых в титулатуре боспорских правителей.

Несмотря на то что мы уже располагаем некоторыми выводами об этническом составе населения Причерноморья, основанными на изучении погребальных обрядов, лепной керамики, ономастики, свидетельств древ-

них авторов, строительных приемов и т. д., решение этой проблемы для каждого отдельного района и для каждого исторического периода требует проведения большой исследовательской работы и привлечения новых археологических и письменных источников.

Важной проблемой, которой, как нам кажется, последние годы уделялось недостаточно внимания, является история взаимоотношений причерноморских государств с Римом и римскими провинциями. После обобщающих работ М. И. Ростовцева, А. Н. Зографа, В. Н. Дьякова¹⁹ и В. В. Кропоткина²⁰ вопросы римско-причерноморских взаимоотношений нашли отражение в публикациях эпиграфических памятников²¹, в исследованиях по истории отдельных центров²², в работах по нумизматике Боспора²³.

Влияние средиземноморской и в частности римской архитектуры на архитектуру Северного Причерноморья исследовалось в кандидатской диссертации И. Р. Пичикяна «Ордерная архитектура Северного Причерноморья». Последние годы проблемой взаимоотношений Боспора и Римской империи занималась Г. А. Цветаева²⁴.

Новейшие раскопки в Восточном Причерноморье и особенно в Ибери²⁵, а также в Тире²⁶, Танаисе и его округе, в Кепях, Херсонесе и других пунктах Тавриды, новые предметы римского импорта, эпиграфический и нумизматический материал заставляют сейчас вновь вернуться к этой проблеме. В свете новых данных культурное и экономическое влияние Рима и его провинций, роль римских гарнизонов, торговые связи, а в отдельные периоды и политическая зависимость от римской администрации государств Северо-Западного, Северного и Восточного Причерноморья представляются очень ощутимыми.

Мало внимания исследователей до сих пор привлекала проблема интеграции античных государств Причерноморья в систему Понтийской державы Митридата VI Евпатора. Борьба Митридата с Римом и его стремление использовать античные государства для усиления своей экономической мощи оказали серьезное влияние на судьбу всего Причерноморья в I в. до н. э. Перед исследователями стоят задачи выяснения условий вхождения в державу Митридата каждого из государств, влияний понтийского господства на развитие этих государств, роли монет понтийских городов, получивших широкое распространение в Северном Причерноморье.

Накопленный к настоящему времени большой нумизматический и археологический материал, свидетельствующий о развитии торговых связей в I в. до н. э., о расширении городской чеканки, о развитии ремесел, еще ждет детального исследования и осмысления²⁷.

Проблема гибели античных государств Причерноморья и конца античной рабовладельческой формации остается до настоящего времени одной из наиболее трудных и неясных. Кроме недостаточного количества источников для ее решения, мы встречаемся еще с трудностями в использовании археологических материалов для выводов о социальном устройстве общества и об изменении способа производства. Сейчас этой проблемой занимается ряд исследователей: позднеантичный и раннесредневековый Херсонес изучает С. А. Беляев; материалы позднеантичного Танаиса — Танаисская экспедиция под руководством Т. М. Арсеньевой; Илурат — И. Г. Шургая. Интересные материалы получены при раскопках Тире, Феодосия, Фанагория, Гермонасса и Пантикапей, где над слоями античного времени лежат мощные средневековые отложения, должны помочь исследователям решить эту интересную проблему.

В Восточном Причерноморье интересные позднеантичные материалы дают исследования Пятиунта (экспедиция под руководством Г. А. Лордкипанидзе). Раскопки поселения у д. Ильичевка на территории азиатского Боспора, может быть, позволят выяснить вопрос о судьбе сельской территории азиатского Боспора в послегуннский период и о степени со-

хранения наследия античной культуры у раннесредневекового населения Боспора.

Значительное место в работах археологов-антиковедов занимает проблема античной культуры средиземноморских государств. Об этом свидетельствует большое количество исследований по вопросам торговых сношений Средиземноморья с причерноморскими государствами²⁸, распространения греческих и восточных культов²⁹, античного градостроительства³⁰, а также публикаций импортных средиземноморских изделий, найденных при раскопках в различных районах нашей страны³¹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что за последнее пятилетие общие вопросы средиземноморской археологии, так же как и археологии западных римских провинций, занимали мало места в работах советских исследователей. Исключением, пожалуй, является кандидатская диссертация Р. Д. Бондарь «Строительное дело нижнедунайского лимеса»³².

Средиземноморская античная тематика Западного Причерноморья и Балканского полуострова должна шире включаться в круг научных исследований. Желательна также постановка более широких проблем, в которых археология Северного и Восточного Причерноморья выступала бы как органическая часть общепантичной археологии. В поле зрения античной археологии все больше входит проблема восточной эллинистической культуры и ее влияния на культуру народов Средней Азии. Роль греко-македонцев в истории, градостроительстве и культуре восточных районов эллинистического мира исследовал Г. А. Кошеленко.

Античностью Средней Азии сейчас занимаются большие коллективы археологов УзССР, ТаджССР, ТССР, а также археологи Москвы и Ленинграда, проводящие раскопки на территории Бактрианы, Согдианы и Парфии³³. Находки в Средней Азии античных импортных вещей³⁴, великолепные образцы местной скульптуры и живописи, сохранившие влияние греческих традиций и элементов греко-римской мифологии, не оставляют сомнения в правомерности включения проблем восточной периферии античного мира в круг вопросов античной археологии.

Очень интересную и новую для истории античного общества проблему «человек и природа» исследовал В. Д. Блаватский³⁵, который осветил вопросы взаимодействия человека и географической среды и воздействия человека на окружающую его природу в античную эпоху.

Своеобразным итогом работ по изучению археологии Северного Причерноморья и демонстрацией достижений археологов-античников являются соответствующие тома «Археологии СССР». В процессе подготовки этого обобщающего издания выявился ряд белых пятен в античной археологии, требующих сейчас особого внимания.

Кроме тех проблем, о которых мы уже говорили выше, сейчас особенно остро встает необходимость упорядочения нашей источниковедческой базы. Своды археологических источников представляют для этого очень удобный тип издания. Насущной задачей археологов должно быть создание сводов орудий труда, типов чернолаковой, краснолаковой, расписной, простой круговой и лепной керамики, а также стеклянных сосудов из Северного Причерноморья. Необходимо провести классификацию, каталогизацию и установить хронологию костяных и бронзовых изделий, светильников, украшений, монументальной скульптуры, каменных надгробий и других предметов из Северного Причерноморья, выявить типы и обряды погребений.

Мало исследован быт населения античных городов и поселений Северного Причерноморья. Между тем, разработка этой темы позволит сделать интересные выводы об этническом составе населения, о развитии ремесла и торговли.

Античная археология тесно связана с эпиграфикой и особенно с памятниками керамической эпиграфики, столь многочисленными в Северном Причерноморье. Клейма на амфорах, черепицах, сосудах неопценимы

для решения вопросов о направлениях и интенсивности торговых связей, для уточнения датировок комплексов. Однако следует отметить, что хронология керамических клейм, особенно гераклейских и некоторых групп синопских, до сих пор является дискуссионной. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (IOSPE, т. III), составленный Е. М. Придиком и дополненный Б. Н. Граковым, до сих пор остается не опубликованным³⁶. За последние годы наблюдается некоторый спад интереса к керамической эпиграфике³⁷. Отсутствуют попытки новых обобщений и классификаций, ощущается заметный недостаток в подготовке специалистов по керамической эпиграфике. Между тем, граффити и дипинто часто дают прекрасный материал для истории культов, ономастики, метрологии, социальной жизни³⁸ и т. д.

В последние годы активизировались и полевые исследования. Работают археологические экспедиции в северо-западной части Причерноморья, в районе Белгорода, Одессы, острова Березань, но не все они получили должное освещение в печати (раскопки Тиры, Никония и на острове Березань).

Многолетние и систематические раскопки Ольвии позволили опубликовать ряд обобщающих исследований. Отметим две монографии, посвященные публикации раскопок ольвийского некрополя, и сборник «Ольвия», включающий публикации различных материалов, отчеты о раскопках и статьи по отдельным вопросам³⁹.

Заслуживают внимание статьи А. Н. Карасева и Е. И. Леви, в которых публикуются материалы раскопок ольвийской агоры⁴⁰, и сборник «Художественная культура и археология античного мира» (М., 1976). Из всех городов Северного Причерноморья агора — общественный центр античного полиса — исследуется только в Ольвии.

Заметна активизация коллектива археологов, занятых изучением Херсонесского государства. В. И. Кадеев защитил докторскую диссертацию на тему «Херсонес в I—III вв. н. э.» и опубликовал ряд обобщающих статей, где по-новому освещаются некоторые спорные вопросы истории Херсонеса о так называемом таврском могильнике в северной части Херсонеса, о «царствовании» Девы и др.⁴¹ Нашли отражение в печати основные направления исследовательских работ над херсонесскими материалами: публикации эпиграфических материалов (Э. И. Соломоник), исследования таврских памятников (О. Я. Савеля), вопросы метрологии (Г. М. Николаенко), культы и др. Херсонесской тематике уделено внимание и в нескольких сборниках⁴².

Исследование единственного пока в Северном Причерноморье античного театра — одеона — в Херсонесе было начато О. И. Домбровским еще в 1955 г., но результаты этих исследований пока не опубликованы⁴³. Вместе с тем из работы А. А. Зедгенидзе мы видим, что кроме самого факта открытия театра эти раскопки позволили поставить и уточнить целый ряд вопросов, связанных с размерами городской территории Херсонеса и развитием его экономики, а также с проблемой догреческого населения Херсонеса⁴⁴.

Оборонительные сооружения Херсонеса как средневекового, так и античного времени изучает И. А. Антонова.

Продолжаются раскопки крупных и малых городов Боспора — Феодосии, Китея, Нимфея, Илурата, Пантикапея, Порфмия, Танаиса, Фанагии, Гермонассы, Горгиппии⁴⁵. Интересны раскопки синдских могильников (работы Е. М. Алексеевой и В. Н. Карасева) вблизи Горгиппии и разведки малоизученной территории в районе Геленджика и Новороссийска, проводимые экспедицией под руководством Н. А. Онайко. Все больше входят в научный оборот интереснейшие материалы раскопок античных памятников на территории кавказских союзных республик. Вместе с тем необходимо отметить малое количество обобщающих исследований и исчерпывающих публикаций материалов раскопок.

Небольшой объем статьи позволил лишь в очень общей форме коснуться основных направлений, по которым шла работа археологов-античников в 1973—1976 гг. Мы не имели возможности перечислить все поднятые в литературе вопросы и остановились лишь на тех, которые иллюстрируют работу над основными, с нашей точки зрения, на данном этапе проблемами античной археологии.

- ¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
- ² *Зограф А. Н.* Античные монеты. — МИА, № 16, 1951
- ³ *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953; *он же.* Архаический Боспор. — МИА, № 33, 1954; *он же.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- ⁴ *Кобылина М. М.* Фанагория. — МИА, № 57, 1956; *она же.* Терракотные статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- ⁵ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М., 1949; *он же.* Виноделие на Боспоре. — МИА, № 85, 1958.
- ⁶ *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961.
- ⁷ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960.
- ⁸ *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- ⁹ *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956; *он же.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970; *он же.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.
- ¹⁰ Необходимо отметить вышедшую в серии «Археологические памятники Крыма» книгу А. Н. Щеглова «Полис и хора» (Симферополь, 1976). В этой популярной работе автор подводит итоги исследованиям хоры Херсонесского государства, в которую он включает не только Гераклеяский полуостров, но и всю территорию Северо-Западного Крыма. В книге, хотя и очень кратко, дана характеристика земельных наделов граждан Херсонеса и Прекрасной Гавани, описаны разные типы сельских поселений и отдельных усадеб, приведены примерные расчеты экономического потенциала отдельных хозяйств, сделаны реконструкции усадеб. Книга показывает успехи археологических исследований, проводимых в Северо-Западном Крыму, и вместе с тем говорит о назревшей необходимости научной публикации новых материалов.
- ¹¹ *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. См. рецензии Д. Б. Шелова и И. Б. Брашнинского (ВДИ, 1969, № 3, с. 161—171) и Ю. Н. Захарука (СА, 1968, № 4, с. 287—290).
- ¹² См.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов. Тбилиси, 1977; *Лордкипанидзе О. Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977.
- ¹³ Сообщения о них имеются в АО и в отдельных статьях.
- ¹⁴ *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА, 1975, № 2. Автор, характеризуя наземные жилища конца VII—VI в. до н. э., почти не касается землянок.
- ¹⁵ *Онайко Н. А.* Раскопки архаического здания в Геленджикской бухте. — АО 1974 г. М., 1975.
- ¹⁶ *Кахидзе А. Ю.* Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). Тбилиси, 1975 (на груз. яз. с русск. резюме).
- ¹⁷ *Доманский Я. В.* К предыстории Херсонеса Таврического. — В кн.: Античный мир и археология, вып. 2. Саратов, 1974.
- ¹⁸ *Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонеса. — ВДИ, 1973, № 4; *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаиской ономастики. — ВДИ, 1974, № 1; *Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан на Боспоре. — КСИА, 143, 1975; *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове. — СА, 1973, № 4; *он же.* Сатархи. — ВДИ, 1973, № 1; *Онайко Н. А.* О воздвигении греческого искусства на меото-скифский звериный стиль. — СА, 1976, № 3; *Масленников А. А.* Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов. — СА, 1976, № 3; *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 2; *Драчук В. С.* Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
- ¹⁹ *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, 1942. Там же (с. 3 и 4) приведена обширная литература.
- ²⁰ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; *он же.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. — САИ, вып. Д1-27, 1970.

- ²¹ *Блаватская Т. В.* Аспург и Боспор. — СА, 1965, № 3; *она же.* Рескрипты царя Аспурга I. — СА, 1965, № 2; *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса, ч. I. Киев, 1964; ч. II. Киев, 1973.
- ²² *Кузьмина А. Г.* К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического. — В кн.: Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972; *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в I в. до н. э.—III в. н. э. Автореф. докт. дисс. М., 1975.
- ²³ *Фролова Н. А.* Медные монеты Котиса I как исторический источник. — СА, 1976, № 3.
- ²⁴ *Цветаева Г. А.* Влияние римской культуры на Боспоре. — В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 474.
- ²⁵ Информации о раскопках см.: КСИА, 148, 1977.
- ²⁶ *Клейман И. Б.* К стратиграфии напластований римского времени в Тире. — МАСП, 8, 1976.
- ²⁷ Истории Митридата Евпатора посвящены популярная книга и статья *Е. А. Молева (Молев Е. А.)* Митридат Евпатор. Саратов, 1974; *он же.* Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре. — В кн.: Античный мир и археология, вып. 2. Саратов, 1974). Автор пользовался преимущественно письменными источниками и литературой, почти не употребляя данных археологии и нумизматики. Поэтому многие важные вопросы, связанные с историей Северного Причерноморья в эпоху Митридата VI, остались неосвещенными.
- ²⁸ *Шургая И. Г.* Вопросы боспорско-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи. — КСИА, 136, 1974; *Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А.* Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время. — СА, 1975, № 1; *Брашинский И. Б.* Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону. — КСИА, 145, 1976. Средиземноморская тематика нашла отражение в коллективной научно-популярной книге «Античная цивилизация» (М., 1973).
- ²⁹ *Сокольский Н. И.* Культ Афродиты в Кепах конца VI—V вв. до н. э. — ВДИ, 1973, № 4; *Белов Г. Д.* Терракотовая голова Геракла из Херсонеса. — СА, 1976, № 4; *Kobylina M. M.* Divinités orientales sur le littoral Nord de la mer Noire. Leiden, 1976; *Марченко И. Д.* О культе Афродиты на Тамани. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977.
- ³⁰ *Долгоруков В. С.* Градостроительный план Фурий. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977.
- ³¹ См., например, книгу: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973; *Сорокина Н. П.* Антиохийский расписной сосуд из Танаиса. — КСИА, 143, 1975; *Крушликова И. Т.* Бронзовая гидрия из Анапы. — КСИА, 143, 1975; *Лесницкая М. М.* Аттическая стела из Одесского археологического музея. — КСИА, 145, 1976; *Копейкина Л. В.* Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березань. — СА, 1973, № 2; *Неверов О. Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании ГЭ. — ВДИ, 1974, № 1.
- ³² См.: *Бондарь Р. Д.* Некоторые проблемы истории нижнедунайского лimesа. — ВДИ, 1973, № 3.
- ³³ См.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973; Древняя Бактрия. Л., 1974; Бактрийские древности. Л., 1976; *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда. Душанбе, 1977; *Пугаченкова Г. А.* О культах Бактрии в свете археологии. — ВДИ, 1974, № 3; *она же.* К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. — ВДИ, 1973, № 1; *Мухитдинов Х. Ю.* Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1973.
- ³⁴ *Пугаченкова Г. А.* Римский маскарон из Северной Бактрии. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977.
- ³⁵ *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1977.
- ³⁶ Хранится в архиве ИА АН СССР.
- ³⁷ См.: *Шелов Д. В.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975; *Василенко Б. А.* Заметки о древнегреческих керамических клеймах. — СА, 1973, № 3; *он же.* О характере клеймения гераклевских амфор в первой половине IV в. до н. э. — НЭ, XI, 1974; *Бадальянц Ю. С.* Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса. — СА, 1976, № 4.
- ³⁸ *Яйленко В. П.* К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1974, № 1; *он же.* Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора. — ВДИ, 1975, № 3; *Цветаева Г. А.* Кубок Мосхиона. — ВДИ, 1976, № 3.
- ³⁹ *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Київ, 1974; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974; Ольвия. Киев, 1975.
- ⁴⁰ См.: КСИА, 143, 1975.
- ⁴¹ См.: ВДИ, 1973, № 4; КСИА, 145, 1976.
- ⁴² См.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974; Античная древность и средние века, вып. 9. Свердловск, 1973; вып. 11. Свердловск, 1975.
- ⁴³ Имеются лишь краткие информации: Археология, т. X. Київ, 1957; АО 1972—1973 гг. М., 1973—1974; Сообщения Херсонесского музея, I, 1960.

⁴⁴ Зедгендзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе. — КСИА, 145, 1976, с. 28—34.

⁴⁵ Информации о раскопках, а также статьи, посвященные отдельным находкам или группам материала, публикуются в АО и КСИА. Следует отметить монографии, посвященные обработке экспедиционных материалов: Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1976; Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

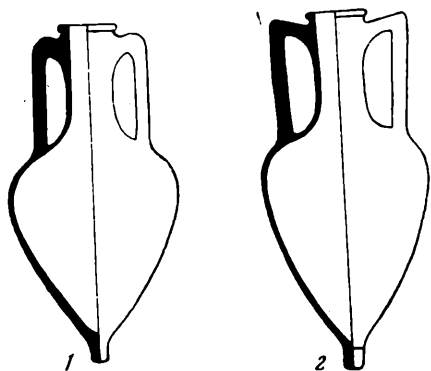
СТАНДАРТЫ РОДОССКИХ АМФОР

Керамическая тара Родоса является одной из наиболее широко распространенных групп остродонных амфор во всем эллинистическом мире. Не составляет исключения и территория Причерноморья.

Хотя находки целых родосских амфор в Причерноморье представляют большую редкость¹, число родосских амфорных клейм в Понтийском регионе чрезвычайно велико². Весьма широк и их ареал, который в последние годы все более расширяется³. Поэтому выяснение стандартных емкостей родосских амфор имеет первостепенную важность для изучения сравнительного объема импорта вина в керамической таре в различных районах и конкретных пунктах. При расчетах обязательен также учет «веса» родосских клейм, который значительно более низок, чем «вес» клейм на амфорах большинства других производственных центров⁴.

Я не буду здесь останавливаться на типологическом развитии родосских амфор, тем более что для ранних периодов, включая и IV в. до н. э., этот вопрос еще недостаточно ясен⁵. Напомню лишь, что недавно В. Грейс убедительно доказала принадлежность амфор с «грибовидными» венчиками, во многом сходных с амфорами типа Солоха I, продукции Родоса, назвав их «протородосскими»⁶. О стандартах этих амфор, датированных еще IV в. до н. э., пока судить невозможно, так как в нашем распоряжении еще нет целых сосудов этого типа, родосское происхождение которых можно было бы считать бесспорным (в частности, с заведомо родосскими клеймами). Поэтому рассмотрение родосских амфор мы начинаем с классических типов⁷. Одной из характерных особенностей более раннего их варианта является плавный изгиб ручки, в отличие от ломаной (остроугольной) формы ручек более позднего варианта. Датируются амфоры ранней разновидности первыми тремя четвертями (в основном второй и третьей) III в. до н. э.

О стандартах ранних амфор классического типа (рис., I) дают представление два целых сосуда, найденных в Мирмекии и в Несебре⁸. Глубина их вместилищ (H_0) равна 670—685 мм, высота верхней части (от линии максимального диаметра — H_1) — 325—330 мм, максимальный диаметр (D) — 350—360 мм, а диаметр устья (d) — 93—95 мм (внешний диаметр устья вместе с венчиком (d_1) — 115—119 мм). Имеются все основания предполагать, что эти величины соответствовали единицам длины (дактилям), исходящим из длинного (аттического) фута в 326,5 мм⁹. В таком случае они соответствовали 33; 16 (=1 футу); $16\frac{1}{2}$ (или $3\frac{3}{2}$), дактилям и $4\frac{1}{2}$ дактилям ($d_1=5\frac{1}{2}$ или $11\frac{1}{2}$ дактилям). Нетрудно заметить, что три из приведенных числовых значений в дактилях сводимы к числу 11 — одному из основных чисел, входящих в древние формулы вычисления объемов сложных тел вращения, в частности в формулу Герона для пифоида¹⁰.

Родосские амфоры

1 — III в. до н. э. 1 : 15; 2 — конец III—II в. до н. э. 1 : 15

(3072 куб. дактиля); ошибка составляет лишь 2,1%, что может быть признано вполне допустимым. Метрический эквивалент 8 аттических хоев равен 25 934—25 984 куб. см (25,9—26 л).

Столь выразительный результат позволяет с большой долей уверенности высказать предположение о восьмихоевом стандарте амфор рассматриваемого типа, которые вместе с тем должны быть причислены к амфорам «пифоидного» типа¹². Предположение о восьмихоевом стандарте рассматриваемых амфор, как кажется, находит косвенное подкрепление в фактических емкостях (измеренных водой или зерном) наиболее широко распространенных родосских амфор конца III—II в. до н. э. (как полного стандарта, так и фракционных).

Если согласиться с правомерностью приведенных выше вычислений гипотетических стандартов основных линейных размеров и объема родосских амфор III в. до н. э., то естественно допущение, что их фактические емкости должны были, как правило, несколько превосходить стандарт¹³. Для проверки этого мы располагаем, к сожалению, лишь одним фактически измеренным объемом амфоры рассматриваемого типа из раскопок афинской агоры. Объем амфоры, измеренный пшеницей, равен 27 000 куб. см¹⁴. Как видим, этот объем не противоречит вычисленному математически гипотетическому стандарту типа.

Наиболее широко распространены в Причерноморье, как и во всем эллинистическом мире, родосские амфоры конца III—II в. до н. э., характерной особенностью которых являются ручки с резким изломом (рис., 2). Хотя по общему облику поздние родосские амфоры классического типа сходны с более ранними, все же, помимо изменения формы ручек, наблюдаются и другие существенные отличия. Прежде всего изменяются пропорции сосудов. Если у ранних разновидностей отношение диаметра к высоте (D : H) составляет 1 : 2 или 1 : 2,1, а высоты верхней и нижней частей (по линии максимального диаметра — H₁ : H₂) — 1 : 1, 2, то у более поздних разновидностей эти пропорции соответственно 1 : 2,35—2,45 и 1 : 1. Высота амфор увеличивается и достигает 800—820 мм, глубина их вместительности — 730—750 мм, максимальный диаметр — 320—340 мм. Измеренные объемы этих амфор колеблются около 27 л, отклоняясь примерно одинаково как в большую (чаще), так и в меньшую сторону (см. Приложение)¹⁵. Анализ линейных размеров этих амфор приводит к заключению, что наиболее вероятно их изготовление, как и прежде, в единицах длины, исходящих из длинного (аттического) фута. Если это так, то H = 40 дактилям (H₁ = 20 дактилям), H₀ = 36 дактилям, D = 16 дактилям, или 1 футу.

Тот факт, что основные линейные размеры рассматриваемых амфор удобны для использования в древних формулах, побудило меня попытаться применить для вычисления их объема формулу Герона для пифоида, согласно которой объем сосуда подобного типа равен произведению $11/14$ на квадрат половины суммы максимального и минимального диаметров и на высоту (глубину). Вычисление по формуле объема несобрской амфоры дало следующий результат¹¹:

$$11/14 \times \left(\frac{16 1/2 + 5 1/2}{2} \right)^2 \times 33 = 3137,35 \text{ куб.}$$

дактилей, что лишь на 65,35 куб. дактилей отличается от объема 3 гектов или 8 аттических хоев

Для вычисления объемов этих амфор известные древние формулы неприменимы. Очевидно, для этого служила другая формула, не дошедшая до нас.

Результаты фактических измерений объемов рассматриваемых амфор приводят к предположению, что стандарт их не изменился по сравнению со стандартом предшествующих им сосудов и соответствовал скорее всего 8 аттическим хоям (см. Приложение). Этот стандарт, который, судя по клеймам на измеренных целых амфорах, относится к концу III и первой половине II в. до н. э., т. е. ко времени пергамского и карфагенского комплексов, вероятно, не был совершенно неизменным на протяжении всего периода развития родосской керамической тары. Для обоснованных суждений о его колебаниях материал еще недостаточен, однако имеются основания полагать, что эти колебания не были значительными.

В. Грейс считает возможным приблизительно наметить следующие тенденции в развитии стандартов родосских амфор¹⁶. К середине — третьей четверти II в. до н. э., по ее наблюдениям, сосуды достигают максимального фактического объема (28—29 л при наполнении до края). По ее мнению, такие же большие объемы возможны, судя по линейным размерам, и для наиболее ранней группы клейменных родосских амфор, датируемых началом III или концом IV в. до н. э. («протородосская» группа)¹⁷. В дальнейшем наблюдается тенденция к сокращению объемов, которые к первой четверти I в. до н. э. (время кораблекрушения у Антикиферы) достигают около 26 л, а во второй и третьей четвертях I в. до н. э. — менее 23 л. Однако, как полагает В. Грейс, до этого времени резких колебаний в стандартах родосских амфор не наблюдается.

Наряду с амфорами полного стандарта на Родосе изготовлялись и фракционные сосуды, которые, как и в других центрах, составляли в целом незначительную часть керамической тары.

Мне известны лишь три родосские амфоры половинного стандарта (полуамфоры). Две из них (Приложение, № 19, 21) происходят из Танаиса и имеют объемы 12,9 и 12,4 л (вода). На ручках одной из этих танаисских амфор есть клейма эпонима Аристодама и фабриканта Каллия, позволяющие датировать амфору временем пергамского комплекса¹⁸. Третья полуамфора, емкостью 12,7 л, происходит из Сирии и датируется клеймами эпонима Айнесидама и фабриканта Сократа близким временем (около 225 г. до н. э.)¹⁹. Можно предполагать, что линейные стандарты и этих полуамфор составляли в дактилях, исходящих из длины аттического (длинного) фута: Н — 30; Н₀ — 28 и D — 14 дактилей. Стандарт их объема, по-видимому, определяется в 4 аттических хоя (около 12,8 л). Правда, два из трех измеренных сосудов имеют несколько меньшую емкость, однако на основании этих единичных измерений было бы преждевременным отрицать вероятность их четыреххоевого стандарта. Впрочем нельзя отрицать и возможности того, что Родос пользовался не аттическими, а своими собственными единицами объемов, о чем речь впереди.

Помимо фракционных амфор половинного стандарта на Родосе изготовлялись и маленькие амфорки — объемом около 4 л (см. Приложение, № 22, 23)²⁰. Ручки этих миниатюрных сосудов обычно двустольные, и на них нередки анэпиграфные клейма в виде цветка или головы Гелиоса²¹, что наряду с морфологическими особенностями амфорок не оставляет сомнений в их родосском происхождении. Эти фракционные сосуды составляют, по-видимому, $\frac{1}{6}$ основного стандарта емкости (гемигект). Трудно сказать, для перевозки каких товаров они предназначались. Едва ли можно предполагать, что в них перевозили ординарное вино. Скорее их использовали под дорогостоящие продукты, потреблявшиеся в небольших количествах.

Наконец, имеются еще более миниатюрные родосские амфорки, схожие по типу с описанными выше, но имеющие вдвое меньший объем —

около 2 л (см. Приложение, № 24, 25). Очевидно, объем этих амфор составлял $\frac{1}{12}$ стандарта.

Таким образом, как видим, родосская керамическая тара позволяет проследить не только развитие ее основного стандарта, но и целый ряд его фракций — $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{12}$.

Такой возможности не предоставляет ни одна другая группа греческой керамической тары. Поскольку в античных мерах объема, в частности объема жидких тел, применялась двенадцатиричная система счисления²², кратность объемов родосских амфор дает основание для предположения, что в рассматриваемое нами время (период эллинизма) на Родосе пользовались метретом, который равнялся (или был близок) объему 8 аттических хоев. В таком случае отношение родосских мер объема к аттическим выражалось бы как 3:2. Это в свою очередь могло бы поставить вопрос и о соответствующем соотношении (3:2) мер длины. Если признать допустимость приведенной гипотезы, то можно было бы

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные размеры родосских амфор *

№№ п/п	H	H ₁	H ₀	D	d	V	Примечания
1	705	325	660	360	95	—	МИА, № 4, 1941, с. 134, рис. 40. Мирмекий
2	730	330	685	350	93	—	Лазаров М. Антични амфори... , с. 42, № 195. Несебр
3	757	350	710	367	—	27 000	Hesperia, XXXII, 3, 1963, № 7. Афины
4	765	340	715	356	—	25 140	Там же, № 9. Афины
5	768	340	710	—	—	—	Там же, № 6. Родос
6	805	420	740	330	110	30 400	ОИПК, № 1612/96. Усть-Лабинская
7	805	410	745	344	105	27 600	Танаис, Т-61, погребение 178
8	800	405	735	343	105	27 000	Танаис, Т-66, погребение 237, № 25.
9	820	410	750	330	—	26 790	TAPS, 55, 3, 1965, p. 7, fig. 2, 1. Антикифера
10	805	395	735	330	—	25 410	Там же, рис. 2, 3. Антикифера
11	800	400	730	321	—	—	Там же, рис. 2, 4. Антикифера
12	810	—	—	330	110	26 000	КСИИМК, XVI, 1947, с. 154, рис. 58. Ладожская
13	800	390	740	345	110	—	Calvet Y. Les timbres amphoriques Sa-lamine de Chypre. Paris, 1972, p. 12, fig. 9.
14	840	—	—	350	110	—	Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 103. Елизаветинская
15	800	390	750	352	—	—	МИА, № 23, 1951, с. 173, рис. 6, 9. Усть-Лабинская
16	785	390	735	336	114	24 000	Hesperia, Suppl., VIII, 1949, p. 186, № 5, Никозия
17	785	400	730	312	—	—	TAPS, 55, 3, 1965, p. 7, fig. 2, 2. Антикифера
18	760	—	715	350	—	—	Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 103. Елизаветинская
19	660	330	595	260	110	12 900	ГЭ, Тн. 87. Танаис
20	643	—	—	277	—	12 700	Hesperia, Suppl., VIII, 1949, p. 180, not. 21. Тель Биссек, Сирия
21	622	310	580	271	90	12 400	Танаис, ТН-69-С, погребение 261, № 85.
22	480	255	450	185	32	4000	ГЭ, № Б.7276
23	480	255	450	187	33	3900	ГЭ, № Б.7268
24	390	200	345	136	28	2150	ГЭ, № Б.2202
25	350	165	315	158	30	2000	ГЭ, № Б.7386

* Все линейные размеры приведены в мм, объемы — в куб. см.

предположить, что объемы родосских стандартных амфор соответствовали одному гипотетическому родосскому метрету, имевшему метрический эквивалент около 24—25 л, а фракционные сосуды соответствовали 6, 2 и 1 гипотетическим родосским хоям ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{12}$ стандарта)²³. К сожалению, для более обоснованных суждений и выводов мы пока не располагаем данными, и поэтому высказанные соображения могут рассматриваться в лучшем случае в качестве предварительной рабочей гипотезы²⁴.

Подведем краткие итоги. Можно считать установленным, что объем стандартной родосской амфоры в период массового импорта родосского вина в Причерноморье составлял 8 условных аттических хоев. Стандарт синхронной синопской амфоры был шестихоевым. Следовательно, соотношение объемов в данном случае равняется примерно 4:3; учет этого коэффициента необходим при соответствующих расчетах. Однако, как сказано выше, «вес» синопского клейма примерно вдесятеро превышает «вес» родосского, и поэтому необходимо введение в расчеты и данного коэффициента. Приведем один пример.

При раскопках ольвийской агоры и теменоса экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1956—1973 г. было найдено 724 родосских амфорных клейма и 154 синхронных им синопских. Обычно этот факт воспринимался как свидетельство резкого преобладания в Ольвии родосского импорта над синопским: даже при учете лишь половины родосских клейм, как это обычно принято, они составляли бы 70% против 30% синопских. Однако при внесении в расчеты указанных выше коэффициентов получится совершенно другая картина. Окажется, что товары, привезенные в родосских амфорах, составляют лишь 39,1% совокупного импортированного продукта, а в синопских — 60,9%. Этот пример отчетливо показывает, сколь большое значение при исследовании объема импорта в керамической таре наряду с учетом различных «весов» клейм имеет учет различных стандартов тары разных производственных центров.

¹ Мне удалось зарегистрировать лишь 16 целых амфор Родоса.

² Количество родосских клейм, найденных в Причерноморье, уже значительно превышает 10 тыс. Только в пределах Боспора Киммерийского до 1968 г. было зарегистрировано 5422 клейма. См.: *Бадальянц Ю. С.* Боспор и Родос в III—II вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1970, с. 5.

³ Так, в 1973 г. комплекс ранних родосских клейм конца IV—начала III в. до н. э. был открыт недалеко от Ставрополя. См.: *Гадло А. В., Найдено А. В., Гусаров В. Н., Кудло О. А.* Работы в Ставропольском крае. — АО 1973 г. М., 1974, с. 103 сл. В следующем году родосские клейма второй половины II—начала I в. до н. э. были впервые обнаружены на территории Армении при раскопках древней армянской столицы Арташата (*Зардарян М.* Амфоры из раскопок Арташата. — *Историко-филологический журнал*, 1977, № 3, с. 266 сл.).

⁴ «Вес» родосского клейма примерно в 10 раз меньше, чем «вес» фасосского, гераклейского или синопского. См.: *Брашинский И. Б.* Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье. — *КСИА*, 148, 1976, с. 11 сл.

⁵ Весьма вероятно, что Родос изготовлял собственную керамическую тару и раньше, но до сих пор амфоры более раннего времени, чем последние треть IV в. до н. э., для Родоса не определены.

⁶ *Grace V. R.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula. — *Hesperia*, XXXII, 3, 1963, p. 319 f. Ср.: *Délos*, XXVII, 1970, p. 291 f.

⁷ Типы 49 и 50 по И. В. Зеест. См.: *Зеест И. В.* Керамическая тара Боспора. — *МИА*, № 83, 1960, табл. XXIII, XXIV; *Grace V. R.* Notes..., fig. 1, 6—9.

⁸ *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. В.* Раскопки северной и западной части Мирмекия. — *МИА*, № 4, 1941, с. 134, рис. 40; *Лазаров М.* Античные амфоры (VI—I вв. пр. н. э.) от болгарского Черноморья. — *Известия на Народен музей в Варна*, IX (XXIV), 1973, с. 42, № 195, табл. XIX.

⁹ О методике исследования стандартов амфор см.: *Брашинский И. Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары. — *СА*, 1976, № 3, с. 87 сл.

¹⁰ Там же, с. 91 сл.

¹¹ При этом за минимальный диаметр принят d_1 , а не d , что было бы более логично, как показывают вычисления объемов амфор других центров.

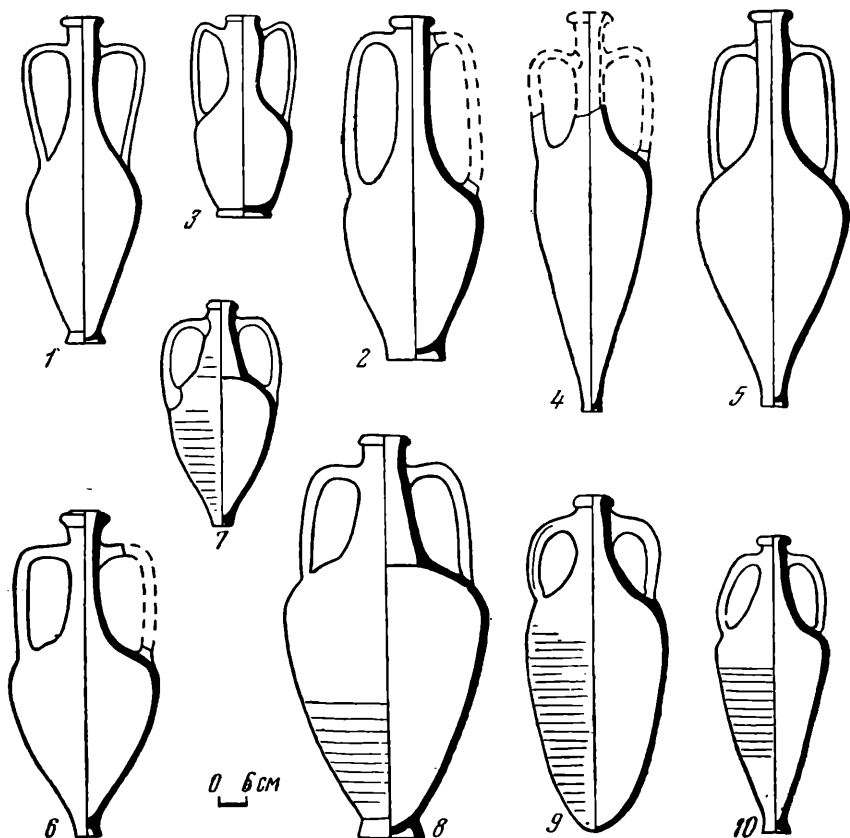
- ¹² Об амфорах «пифоидных» типов см.: Брашинский И. Б. Методика изучения... с. 96; он же. Методика выяснения стандартных емкостей античных греческих остродонных амфор. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов, ч. III. Киев, 1975, с. 23.
- ¹³ См.: Брашинский И. Б. Методика изучения... с. 95.
- ¹⁴ Grace V. R. Notes... , p. 333 f., N 7, fig. 1, 7. Амфора в значительной части реставрирована, поэтому нет полной уверенности в абсолютной точности восстановленных размеров. В. Грейс приводит лишь общую высоту (757 мм) и диаметр (367 мм) сосуда.
- ¹⁵ Лишь в одном случае (Приложение, № 6) объем амфоры, имеющей примерно одинаковые с другими линейные размеры, значительно превосходит средний и составляет более 30 л. Является ли эта амфора представителем большего стандарта или же разница в объеме связана с ошибкой при ее изготовлении, трудно решить из-за единичности случая.
- ¹⁶ Grace V. R. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck. — TAPS, 55, 3, 1965, p. 7. Ср.: Délos, XXVII, 1970, p. 298.
- ¹⁷ Grace V. R. The Commercial Amphoras... , p. 7, N 8.
- ¹⁸ В. Грейс (Délos, XXVII, 1970, p. 291) датирует теперь комплекс 210—175 гг. до н. э. и считает возможным относить эпонима Аристодама к 183—175 гг. до н. э.
- ¹⁹ Grace V. R. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. — Hesperia, Suppl., VIII, 1949, p. 180, N 21. В связи с некоторым изменением дат, предложенным теперь В. Грейсом, вероятно, и это клеймо следует датировать несколько более поздним временем.
- ²⁰ Ibid., p. 180, N 22.
- ²¹ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 104, тип 50а, табл. XXIV.
- ²² 1 метрет, как известно, равнялся 12 хоям, 1 хус — 12 котилам и т. д.
- ²³ В таком случае объем исходной единицы объема — котилы — равнялся приблизительно 166,66—173,6 куб. см. В пользу нашей гипотезы косвенно могло бы свидетельствовать то обстоятельство, что в античных письменных источниках синонимом метрета часто выступает амфора.
- ²⁴ Возможен и другой вариант гипотезы: родосскую амфору полного стандарта можно рассматривать в качестве «полуамфоры», и ее объем будет соответствовать 6 родосским гипотетическим хоям (рацио родосских и аттических мер объема в таком случае будет 3:4). Тогда минимальный фракционный сосуд соответствует не 1 хую, а 6 котилам, а объем последней равняется примерно 333,32—347,20 куб. см.

Д. Б. ШЕЛОВ

УЗКОГОРЛЫЕ СВЕТЛОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ. КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Среди керамического материала первых веков нашей эры из Северного Причерноморья видное место занимает группа узкогорлых амфор с профилированными ручками, сформованных из светлой желто-коричневой или желто-зеленоватой глины. Амфоры этой группы и их обломки составляют одну из самых распространенных категорий находок (а иногда, например в Подонье и Приазовье, и самую распространенную) как в античных городах, так и на поселениях и в могильниках варварских племен, связанных с северочерноморскими центрами. Изучение этих амфор, особенно их хронологическая классификация, очень важно не только потому, что оно открывает новые стороны экономических связей Причерноморья в первой половине I тысячелетия н. э., но и потому, что фрагменты этих амфор составляют нередко одну из основных групп сравнительно хорошо датированного материала на многих археологических памятниках.

Деление всех амфор первых веков нашей эры на две большие группы — светлоглиняных и красноглиняных — в достаточной степени условно, но оно широко принято в археологической практике и литера-

Светлоглиняные амфоры (1—10)

туре, представляет известные практические удобства и может быть сохранено до установления более подробной и обоснованной классификации всех амфор римского времени. Условность этого деления приводит к тому, что некоторые сосуды с трудом могут быть отнесены к той или иной группе. Так, амфоры описываемого ниже типа E IV—V вв. н. э. на основании коричневатого цвета их глины иногда относятся к группе красноглиняных¹, но более пристальное исследование показывает, что они принадлежат к категории поздних светлоглиняных узкогорлых². В этом отношении более надежно деление амфор на группы по морфологическим признакам: на узкогорлые и широкогорлые, круглодонные и остродонные и т. п. Но такое определение, удобное для целых сосудов, часто бывает невозможным, когда дело касается их фрагментов. Поэтому приходится сохранять обе системы определений.

Основу изучения светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками положила И. Б. Зеест в своей капитальной работе, посвященной амфорной таре Боспора³. Но твердую классификацию их оказалось возможным создать лишь после накопления значительного материала в ходе археологических раскопок в Нижнем Подонье, в Танаисе и окружающих его поселениях, где рассматриваемые амфоры особенно обильны. В результате предварительного изучения этого материала⁴ классификация узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками выглядит сейчас следующим образом.

*Тип А*⁵. Этому типу принадлежат амфоры с туловом яйцевидной формы и сравнительно широким донцем на кольцевом поддоне. Поверхность тулова гладкая. Горло узкое и высокое, венчик валикообразный,

ручки в сечении овальные, профилированные по наружной поверхности одним или двумя желобками (рис., 1)⁶. Амфоры этого типа довольно значительно отличаются друг от друга очертаниями тулова, изгибом и профилировкой ручек, шириной поддона, но варианты формы изучены пока недостаточно. Обычная высота этих амфор 50—60 см. По сопровождающему материалу амфоры типа А датируются I в. н. э., но может быть, они появились еще в последнем столетии до нашей эры⁷. Во всяком случае амфора из погребения 79 некрополя Танаиса, вряд ли принадлежащая к ранним образцам этого типа (рис., 2), встречается вместе с плакированной монетой императора Августа. В Ново-Филипповском могильнике найдена светлоглиняная амфора тоже на кольцевом поддоне, но значительно меньших размеров (высота всего 36 см); горло у нее пропорционально гораздо шире и в верхней части заметно раздуто (рис., 3)⁸. Она найдена в одной могиле со стеклянным кувшином, который должен быть датирован рубежом I и II вв. н. э. или даже началом II в. н. э.

Тип В. Для амфор этого типа характерно очень вытянутое веретенообразное тулово, прямолинейно или плавно расширяющееся от ножки к плечикам. На тулове иногда заметна слабая поперечная ребристость. Ножка имеет вид маленького кольцевого поддона, но настолько узкого, что амфора является остродонной. Длинное узкое цилиндрическое горло оканчивается валикообразным венчиком, иногда имеющим по внутреннему краю выступающий вверх гребень. Ручки, профилированные снаружи двумя асимметричными валиками, прикреплены к горлу значительно ниже венчика (рис., 4)⁹. Совершенно целые экземпляры таких амфор не найдены, но форма восстанавливается по обломкам довольно хорошо. Вариантные формы возникают главным образом за счет деталей оформления венчика, профилировки и изгиба ручек. И. Б. Зеест датировала этот тип амфор I в. н. э. И. С. Каменецкий на основании стратиграфических наблюдений на Нижне-Гниловском городище отнес их ко второй трети I—середине II в. н. э. С последней датировкой следует, видимо, согласиться.

Типы А и В не разделены непроходимой гранью. Существуют амфоры как бы переходной формы от одного типа к другому. Так, амфора из колодца 44 на Ново-Эспланадном раскопе в Керчи¹⁰ по форме тулова еще довольно близка сосуду из некрополя Танаиса, но вместо широкого поддона имеет узкую ножку, подобную ножкам амфор типа В (рис., 5). По типологическим признакам эта амфора должна быть несколько более ранней, чем амфоры типа В; условия находки датируют ее I в. н. э.

Тип С. Сосуды этого типа имеют такое же узкое и высокое горло с массивным выступающим венчиком, как и амфоры типа В, но тулово у них укороченное, часто со слабой ребристостью, заканчивающееся небольшой узкой ножкой в виде кольцевого поддона. Ручки различны в сечении, всегда сильно профилированы. Общая высота этих сосудов около 55 см, высота тулова 30 см (рис., 6)¹¹. Амфоры этого типа иногда называются «неапольскими» по находке почти целого такого сосуда в погребении воина в скифском Неаполе¹². Это погребение стратиграфическими условиями датируется концом II или III в. н. э., почему и амфоры типа С относятся обычно к этому времени¹³. Однако они принадлежат скорее II в. н. э., чем III. В неапольское погребение амфора попала уже поврежденной, без одной ручки; в Мирмекии, в помещении А (участок Б), хотя и погибшем уже в III в. н. э., амфора типа С найдена среди материала II в. н. э., в сопровождении боспорских монет от Рискупорида II до Евпатора¹⁴. Очень характерно, что амфоры этого типа, достаточно хорошо известные в Танаисе, ни разу не обнаружены вместе с амфорами следующего типа D в танаисских помещениях, сгоревших при разгроме города в 40-х годах III в. н. э.

Тип D. Самую распространенную в Северном Причерноморье группу узкогорлых амфор составляют маленькие сосуды с довольно коротким ту-

ловом, заканчивающимся маленькой ножкой с глубокой вдавленной снизу. Узкое сверху горлышко с довольно массивным небрежно профилированным венчиком постепенно расширяется книзу и незаметно переходит в плечики, поверхность тулова и нижней части горла ребриста (рис., 7)¹⁵. Амфоры этого типа изготовлены довольно грубо, но удивительно стандартно, общая их высота 40—42 см, высота тулова 25—27 см. Впрочем, изредка встречаются амфоры этой же формы, но несколько меньших размеров¹⁶. В 1974 г. в одном из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н. э. была найдена большая, достигающая 70 см в высоту, амфора той же формы. При сохранении всех пропорций и деталей профилировки горла, ручек и т. п. эта амфора снабжена четким круговым поддоном, подобно амфорам типа А (рис., 8).

На горлах амфор типа D иногда встречаются клейма, рельефные или энглифические, содержащие отдельные буквы, монограммы или сокращения имен. Известно более 60 разновидностей этих клейм¹⁷. Большинство клейменных амфор найдено в Танаисе и на нижнедонских городищах первых веков нашей эры, что объясняется особенно интенсивным распространением в этом именно районе амфор рассматриваемого типа. В Танаисе найдено много сотен целых таких амфор, не говоря уже об их обломках¹⁸, поэтому тип D называют иногда «танаисским». Датируются эти амфоры обычно II—III вв. н. э.¹⁹, но огромное число их в танаисских подвалах периода разгрома города в 40-х годах III в. н. э. и отсутствие в более ранних и более поздних комплексах позволяют уверенно датировать их первой половиной III в. н. э.²⁰

Тип Е. Позднейшие узкогорлые светлоглиняные амфоры имеют невысокое расширяющееся книзу горло, более небрежно выполненное, чем у амфор предыдущего типа, с валикообразным массивным венчиком. Ручки слабо профилированы, обычно немного перекручены. Тулово довольно большое, имеет овальную форму, слегка суживается книзу и оканчивается не ножкой, а округлым днищем (рис., 9)²¹. Последняя конструктивная особенность, отличающая рассматриваемые амфоры от узкогорлых сосудов всех других типов, могла бы заставить видеть в них совершенно обособленную группу, не связанную с остальными типами, но специальное морфологическое и петрографическое исследование показало генетическую преемственность типа Е от типов А—D²². Целые экземпляры амфор типа Е найдены в Херсонесе, Танаисе, на городище Басовка в Сумской обл. Фрагменты таких амфор встречаются часто. Наличие их в позднейших слоях Танаиса позволяет уверенно относить бытование амфор к концу IV и началу V в. н. э. Амфора из помещения 16 в Херсонесе также датируется V в. н. э. Но как рано в IV в. н. э. возникает этот тип амфор и насколько поздно он сохраняется в дальнейшем, пока остается неясным²³.

Тип F. Сравнительно небольшие узкогорлые амфоры с расширяющимся книзу горлом и нешироким коническим реберчатым туловом, заканчивающимся невысокой ножкой, иногда называются амфорами «инкерманского» типа (рис., 10) по сосуду, найденному в Инкерманском могильнике и опубликованному С. Ф. Стрелецким²⁴. Они широко распространены на памятниках черняховской культуры, сведения о находках их на территории лесостепной Украины собраны А. Т. Смиленко²⁵. Генетически этот тип несомненно связан с типом D, но датируется более поздним временем. В комплексах первой половины и середины III в. н. э. амфоры типа F никогда не встречаются, но они обычны в погребениях или в слоях конца III и всего IV в. н. э.²⁶ В отличие от сосудов типа Е, они, по-видимому, не заходят в V в. н. э.

Перечисленными типами, вероятно, не исчерпываются все разновидности светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками первых веков нашей эры. Стремясь пока сохранить уже существующую индексацию типов, мы не вводили здесь новых обозначений для форм,

ставших известными недавно, вроде большой танаисской амфоры на кольцевом поддоне III в. н. э. Очевидно, необходимая дальнейшая разработка классификации светлоглиняных амфор должна будет охватить все многообразие типов и вариантов на основании формализованного изучения количественных и качественных признаков, программа которого уже намечена и которое позволит с большей уверенностью применять статистический анализ, столь важный при исследовании массового амфорного материала²⁷. Однако и при современном состоянии наших знаний можно утверждать, что общее направление эволюции этой категории керамической тары определено и отдельные звенья этой эволюции на протяжении пяти столетий достаточно точно ориентированы во времени.

Можно считать решенным и спорный вопрос о том, одному или нескольким центрам принадлежал выпуск светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками²⁸. Наметившийся типологический эволюционный ряд, существование смешанных и переходных форм, единство многих деталей даже при наличии различий в общих габаритах и формах говорят в пользу единого происхождения амфор всех перечисленных типов²⁹. О том же свидетельствуют результаты химико-технологических и петрографических анализов, которые не только позволяют характеризовать исходное сырье и технические приемы его обработки, но и дают дополнительные критерии для хронологической классификации амфор и их фрагментов³⁰.

Что касается центра производства узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками, то точного определения его пока еще нет. Этот центр (или центры) искали в разных местах от острова Кос до Танаиса³¹. Но наиболее вероятно предположение о малоазийском происхождении всех рассматриваемых амфор, ныне признаваемое большинством исследователей³². Из малоазийских городов претендовать на роль центра производства узкогорлой светлоглиняной тары скорее всего может Синоп³³, но для подтверждения этой гипотезы требуются еще дополнительные исследования.

¹ *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, XV, 1951, с. 327, рис. 2, 8; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, рис. на с. 317.

² *Деоник Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. — СА, 1972, № 3, с. 100 сл.

³ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, с. 110, 117, 118, 121, 122, табл. XXVIII, 64, 65; XXIX, 66; XXXVII, 91—93; XXXVIII, 94; XLI, 104, 105.

⁴ *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. — КСИА, 94, 1963, с. 29 сл.; *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957). — В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 65 сл., 81, 82; *Деоник Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 100 сл.; *Деоник Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция...

⁵ Для обозначения типов мы применяем систему буквенной индексации, принятую в статье Д. В. Деоника и А. М. Карапетьянца и несколько отличную от системы, предложенной И. С. Каменецким. Но и авторы статьи, и И. С. Каменецкий именovali наши типы вариантами (А, В, С и т. д.) одного типа, что кажется не очень удачным, так как, во-первых, типы эти сильно различаются между собой, а во-вторых, внутри самих типов могут быть отмечены значительные отклонения в форме, размерах и деталях, которые и следует признать вариантами.

⁶ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 110, табл. XXVIII, 64б; *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). — МИА, № 98, 1961, с. 57, табл. XVI, 4.

⁷ Профилированные ручки светлоглиняных амфор встречаются в слоях I в. до н. э. См.: *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. — В кн.: Античные древности Подонья—Приазовья. М., 1969, с. 152.

⁸ *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 236—238, табл. V, 4; *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 110, табл. XXVIII, 65а.

⁹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 110, табл. XXIX, 66; *Каменецкий И. С.*

- Светлоглиняные амфоры... , с. 30—32, рис. 6В; *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса, с. 82, рис. 23.
- ¹⁰ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 110, табл. XXVIII, 64а.
- ¹¹ Там же, с. 118, табл. XXXVIII, 94.
- ¹² *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя скифского. — КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 170, рис. 556.
- ¹³ *Зеест И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. — МИА, № 33, 1954, с. 76; *она же.* Керамическая тара Боспора, с. 118; *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса, с. 82.
- ¹⁴ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — МИА, № 25, 1952, с. 170, рис. 64.
- ¹⁵ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 33, 117, 118, табл. XXXVII, 91—93; *Деоник Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы... , рис. 2.
- ¹⁶ *Книпович Т. Н.* Танаис. М.—Л., 1949, рис. 28А, з.
- ¹⁷ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 65, табл. 12; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... , с. 121.
- ¹⁸ *Книпович Т. Н.* Танаис, с. 72—74, рис. 28А, а—в; *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957 гг.). — В кн.: Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 12, рис. 6; *Коровина А. К., Шелов Д. Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.). — Там же, с. 47, 48, рис. 24; *Наливкина М. А.* Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). — Там же, с. 143, рис. 14; *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса, с. 65 сл., рис. 9, 10; *он же.* Танаис и Нижний Дон... , с. 117 сл.
- ¹⁹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 33, 117; *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры... , с. 33.
- ²⁰ *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон, с. 118. Ср.: *Щукин М. Б.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. — СА, 1968, № 2, с. 42, 43.
- ²¹ *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII. — МИА, № 34, 1953, с. 213 сл., рис. 63; *Коровина А. К., Шелов Д. Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса, с. 53, 54, рис. 29; *Сымонович Э. А.* Северная граница памятников черняховской культуры. — МИА, № 116, 1964, с. 32, рис. 3, 8.
- ²² *Деоник Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция...
- ²³ *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья, с. 326, 327.
- ²⁴ *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. — СА, IX, 1947, с. 292, 293, рис. 7.
- ²⁵ *Смиленко А. Т.* Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. — Археологія, VI, 1952, с. 53, 54, табл. I, I; *Брайчевська А. Т.* Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов'ян з кримськими містами. — Археологія, X, 1957, с. 111, 112, рис. 1. Ср.: *Щукин М. Б.* Вопросы хронологии... , с. 41, 42.
- ²⁶ *Ebert M.* Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka». — Prähistorische Zeitschrift, V, 1-2, 1913, S. 91, Abb. 101; *Анфимов Н. В.* Позднесарматское погребение из Прикубанья. — В кн.: Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952, с. 210 сл., рис. 7; *Vulpe R.* Izvoare. București, 1957, p. 296, fig. 315, 1; *Брайчевська А. Т.* Деякі археологічні дані... , с. 113; *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I. — СА, 1963, № 2, с. 188, рис. 6, 6.
- ²⁷ *Деоник Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы...; *Деоник Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция...
- ²⁸ *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры... , с. 35, 36; *он же.* Опыт изучения... , с. 147; *он же.* К теории слоя. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 87, 88, рис. 3. И. С. Каменецкий не только считает все узкогорлые светлоглиняные амфоры с профилированными ручками происходящими из одного центра, но присоединяет к ним и другие категории светлоглиняных амфор — с двустольными ручками, с желобом под венчиком и др. Такое объединение требует еще дополнительной аргументации и главное большей серии петрографических и химических анализов.
- ²⁹ *Зеест И. Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. — ВДИ, 1951, № 2, с. 115; *она же.* К вопросу о торговле Неаполя, с. 75, 76; *она же.* Керамическая тара Боспора, с. 33, 118.
- ³⁰ *Круг О. Ю., Бажанов Э.* Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. — СА, 1967, № 1, с. 52 сл.; *Деоник Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция...
- ³¹ *Штаерман Е. М.* Керамические клейма из Тирры. — КСИИМК, XXXVI, 1951, с. 40 сл.; *Книпович Т. Н.* Танаис, с. 29, 30, 136; *Зеест И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя, с. 76; *Шелов Д. Б.* Сухо-Чалтырское городище. — ВДИ, 1953, № 2, с. 191. Ср.: *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... , с. 120.
- ³² *Зеест И. Б.* Новые данные... , с. 115; *она же.* Керамическая тара Боспора, с. 33—37; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, № 25, 1952, рис. 114, 4; *он же.* Илурат. — МИА, № 85, 1958, с. 34, 35, рис. 20; *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 206; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон... , с. 121.
- ³³ *Гайдукевич В. Ф. К. Majewski.* Importy rzymskie na ziemiach sławiańskich. Wroclaw, 1949 [реп.]. — ВДИ, 1951, № 2, с. 190; *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков, 1970, с. 131, 132, 139, 143, 144.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭМИССИИ МЕДИ САВРОМАТА I (92—123 гг. н. э.)

В процессе работы над монетами Савромата I¹ было выявлено сходство изображений царя на лицевых сторонах датированных статеров и медных монет. Это обстоятельство позволило выделить среди всей меди Савромата I монеты, чеканка которых была одновременна первым выпускам золотых монет Савромата I 390 г. боспорской эры=93 г. н. э. (рис., 1; ГЭ, 670) и 393 г. боспорской эры=96 г. н. э. (рис., 2; Британский музей). Эта первая серия меди состоит из монет двух групп, типологически близких друг другу.

Первая группа (93—96 гг. н. э.)

Сестерции. Знак ценности — МН (48).

- 1) Л. с.: ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΤΙ·ΙΟΥΛΙΟΥ. Бюст царя вправо. О. с.: портрет императора Домициана. МН (рис., 3; ГИМ, 4180).
- 2) Л. с.: то же. О. с.: Ника, М-Н (рис., 4; ГИМ, 4171).
- 3) Л. с.: то же. О. с.: венок, МН (рис., 5; ГИМ, 4173).
- 4) Л. с.: то же. О. с.: бюст богини вправо, М-Н. Изображение заключено в венок (рис., 6; ГЭ, 28114).

Присутствие в этой группе монет, имеющих на оборотной стороне портрет, близкий портрету Домициана на статерах 93—96 гг. н. э., позволяет считать, что и на медных монетах помещен портрет императора Домициана. Представленному на боспорских монетах образу Домициана присущ ряд весьма характерных черт, которые прослеживаются и на монетах с портретом императора, выпущенных в Риме². Эти особенности в трактовке образа Домициана позволяют датировать первую группу медных монет концом правления этого императора — 93—96 гг. н. э. (рис., 3—6). Таким образом, начальная дата выпуска первой группы устанавливается по близости штемпелей лицевых сторон меди и золотых монет, помеченных 93 г. н. э., т. е. годом вступления на престол Савромата I, а конечная дата выпуска — 96 г. н. э. — годом смерти императора Домициана.

Вторая группа (93—99 гг. н. э.)

Вторая группа состоит из сестерциев трех типов. На лицевой стороне всех монет надпись: ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΤΙ·ΙΟΥΛΙΟΥ.

- 1) Л. с.: бюст царя влево. О. с.: бюст богини Афродиты Урании влево, М-Н. Изображение заключено в венок (рис., 10, 11; ГИМ, 4246, 4248).
- 2) Л. с.: то же. О. с.: Ника, М-Н. Изображение заключено в венок (рис., 12; ГИМ, 4251).
- 3) Л. с.: то же. О. с.: городские ворота с двумя фланкирующими башнями, слева дерево и фигура коленопреклоненного пленника (рис., 13, 14; ГИМ, 4254, 4256).

Монеты этой группы чеканены общими штемпелями лицевой стороны. Одним из них чеканены монеты всех трех типов: с изображением Афродиты Урании (рис., 11), Ники (рис., 12) и городских ворот (рис., 13). Другим штемпелем лицевой стороны чеканены монеты двух типов с изображением богини (рис., 10) и городских ворот (рис., 14). Одинаковые штемпели, использованные для чеканки монет всех трех типов, свидетельствуют об одновременности их выпуска. Штемпели лицевых сторон этой меди близки штемпелям золота 495—496 гг. боспорской эры=98—99 гг. н. э. (ср. рис., 7, 8; Вена; ГИМ, 416).

Монеты Савромата I

1, 2 — статеры 93 и 96 гг. н. э.; 3—6 — сестерции первой группы (93—96 гг. н. э.); 7, 8 — статеры 98 и 99 гг. н. э.; 9 — статер 109 г. н. э.; 10—14 — сестерции второй группы (93—99 гг. н. э.); 15 — медь 109—113 гг. н. э.

Предложенная датировка монет второй группы 93—99 гг. н. э. подкрепляется следующими фактами: портрет Савромата, помещенный на этих монетах, отличается от всех портретов Савромата, имеющих на меди, выпущенной в течение всего его царствования. Грубое, схематично выполненное воспроизведение черт его лица не находит себе аналогий среди других медных эмиссий этого правителя. Кроме того, эти монеты вряд ли могут быть выпущены в конце правления Савромата I, так как по весовым данным они намного превосходят всю прочую медь, чеканенную на протяжении всей жизни царя.

Обращает на себя внимание не встречающееся на монетах последующих выпусков изображение царя влево в сочетании с изображением Афродиты Урании, повернутым тоже влево. Возможно, что появление монет такого типа в самом начале правления Савромата I отвечало религиозным убеждениям боспорцев: уверенности в том, что власть дана царю только богом и что только волей последнего он призван на трон. Иными словами, вполне вероятно, что в монетах такого рода нашла свое выражение идея монарха божьей милостью³. По предположению М. И. Ростовцева, божеством, дающим власть, на Боспоре считалась Афродита Урании⁴, культ которой засвидетельствован здесь еще со второй половины IV в. до н. э.⁵ Почитание этой богини настолько прочно вошло в жизнь Боспора, что ни культ римских императоров, ни культ местных царей не в состоянии были вытеснить из религиозного мировоззрения боспорцев богиню Афродиту, которая постепенно становилась официальной главной богиней всего царства⁶.

В свое время против гипотезы М. И. Ростовцева выступил С. Я. Лурье, который полагал, что богиней царской династии на Боспоре была не Афродита, а Артемида — МА-ПАРТЕНОС⁷. На основе анализа многочисленных изображений Афродиты в боспорском художественном ремесле, короπλαстике и монументальной скульптуре доказано, что на монетах Боспора помещено изображение именно Афродиты Урании, верховной богини Боспорского государства⁸.

Оставшиеся два типа оборотных сторон монет этой группы — Ника и городские ворота с пленником возле них — связаны с военной тематикой. Ника как богиня победы и городские ворота как символ защиты города⁹ — яркое свидетельство военной мощи Боспорского государства и успешной борьбы его с варварскими племенами.

Эти данные нумизматики полностью подтверждаются и эпиграфическими документами¹⁰. Надпись КБН, 32 повествует о победе Савромата I над скифами и о больших строительных работах, направленных на укрепление границ Боспорского государства. О возведении заново городских стен Горгииппии для расширения городской территории и повышения обороноспособности города сообщает надпись КБН, 1122, изданная Т. В. Блаватской¹¹ и переизданная А. И. Болтуновой¹². Издатели датировку ее концом I — началом II в. н. э.

Используя совокупность нумизматических и эпиграфических данных, можно установить, в какие годы правления Савромата I происходили эти события. Решающим элементом должны служить сами монеты. Сравнительная черта лица Савромата I на меди с его изображениями на золотых статерах, приходим к выводу, что медные монеты с портретом Савромата и городскими воротами с пленником чеканены в два приема. При чеканке было использовано два одновременных штампера лицевых сторон. Один из этих штамперей во многом сходен со штамперами лицевых сторон золотых монет, выпущенных в период между 93—96 гг. н. э. (рис., 1, 2). Другой штампель (рис., 15) лицевой стороны сестерциев чрезвычайно близок штамперам золота, помеченным 406, 407 и 410 гг. боспорской эры = 109, 110 и 113 гг. н. э. (ср. рис., 9).

Оборотные стороны медных монет, чеканенных вторым штамперем, тоже отличаются от реверсов монет первого штампера. Изображение ко-

ленопреклоненной фигуры дано не слева, как на монетах, битых первым штемпелем аверса, а справа (рис., 15, плохая сохранность). Следовательно, имеется особый тип монет, чеканка которых производилась несколько позже — в 109—113 гг. н. э.

Принимая предположение, что и монеты рассматриваемых типов, и надписи, указанные выше, повествуют об одних и тех же событиях, можно уже с большей уверенностью утверждать, что за короткий промежуток времени Савромат I дважды успешно отражал нападения скифов: первый раз — в 93—96 гг. н. э., а второй раз — в 109—113 гг. н. э. Таким образом, установленный факт чеканки меди с изображением крепостных ворот и пленника возле них в два приема позволяет уточнить и время тех событий, о которых говорится в надписи КБН, 32, и предположительно датировать их временем от 93 до 113 г. н. э.

По поводу происхождения монетного типа с изображением городских ворот, фланкированных двумя башнями, и пленника со связанными назад руками возле одной из башен были высказаны различные предположения. М. И. Ростовцев считал, что фигура варвара представляет собой персонафикацию победенной страны. Ворота на монетах как Рискупорида II, так и Савромата I он считал принадлежащими одному и тому же городу, а именно столице Боспора — Пантикапею¹³.

Существует, однако, предположение, что на монетах этого типа представлена горящая вражеская крепость¹⁴. С ним вряд ли можно согласиться. Скорее всего изображение ворот, помещенное на монетах, дает наглядное представление о внешнем облике оборонительных сооружений одного из городов Северного Причерноморья¹⁵. Трактовка этого изображения как сцены сожжения неприятельской крепости основана на субъективном восприятии отдельных деталей монетного типа — изображения ветвей деревьев, принимаемых за языки пламени. Но в них трудно видеть что-либо иное, кроме ветвей деревьев¹⁶. Помимо этого, нельзя забывать, что на монетах Савромата I с большой точностью передан тот же облик ворот, фланкируемых двумя башнями с зубцами, что и на монетах Рискупорида II¹⁷. Отличие заключается лишь в том, что на монетах Рискупорида II дано изображение триумфальных ворот, венчаемых конной статуей Рискупорида II, а на монетах Савромата — изображение крепостных ворот города. Воспроизведение ветвей деревьев за стенами крепости станет понятным, если учесть замечание М. И. Ростовцева об отличии триумфальных ворот от крепостных: за крепостными воротами очень часто строились другие городские ворота, а пространство между ними образовывало небольшой двор, который, вероятно, мог быть засажен деревьями, для того чтобы у врага создавалась полная иллюзия города, начинавшегося сразу же за этими первыми воротами¹⁸.

¹ Имя царя Боспора Тиберия Юлия Савромата I, сына предшествующего ему царя Рискупорида II (69—93 гг. н. э.), засвидетельствовано рядом надписей, найденных на территории Боспора. См.: КБН, 42, 43, 44, 45, 1254.

² *Mattingly H., Sydenham E. Roman Imperial Coinage, v. II. London, 1926, N 421, pl. VII, 106; Mattingly H. A Catalogue of the Roman Coins in the British Museum, v. II. London, 1966, p. 406, N 475, pl. 80, 10.*

³ *Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 49, 1913, с. 14—18; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 179.*

⁴ *Ростовцев М. И. Представление о монархической власти... , с. 27.*

⁵ КБН, 13, 17, 75, 1111, 971, 972, 1043; *Фармаковский Б. В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Пг., 1921, с. 6 сл., табл. III, V; Харко Л. П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. — КСИИМК, XIII, 1946, с. 138—141; он же. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в. — ВДИ, 1950, № 1, с. 199—202; Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, с. 193, 209, табл. XLV, 12, 13; L, 11—13; Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 196, 197; Кругликова И. Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 110 сл.*

- ⁶ *Ростовцев М. И.* Научный интерес истории Боспорского царства. — В кн.: Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914, с. 207, 208.
- ⁷ *Лурье С. Я.* Култ Матери Девы в Боспорском царстве. — ВДИ, 1948, № 3, с. 210, 211.
- ⁸ *Иванова А. П.* К вопросу о культе Афродиты на Боспоре. — ВДИ, 1950, № 3, с. 104—109.
- ⁹ *Mattingly H.* The Roman Coins. London, 1961, p. 203.
- ¹⁰ КБН, 32; *Граков Б. Н.* Термин *Σχίστα* и его производные в надписях Северного Причерноморья. — КСИИМК, XVI, 1947, с. 86, 87.
- ¹¹ *Блаватская Т. В.* Строительная надпись из Горгиппии. — ВДИ, 1951, № 2, с. 117—119.
- ¹² *Болтунова А. И.* Надписи Боспора. — ВДИ, 1959, № 4, с. 101—105.
- ¹³ *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти. . ., с. 22.
- ¹⁴ *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, вып. 2. СПб., 1889, с. 23, рис. 18; *Блаватская Т. В.* Строительная надпись из Горгиппии, с. 119.
- ¹⁵ *Блаватский В. Д.* Античная архитектура Северного Причерноморья. — В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 2. М., 1948, с. 37, табл. 5, 4; *он же.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 154, рис. 77.
- ¹⁶ *Спасский Г.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846, с. 71, № 3, табл. III, 22; *Кене Б. В.* Описание музеума князя В. В. Кочубея, т. II. СПб., 1857, с. 249, № 7; *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 202, табл. XLVII, 8; *Smith E.* Architectural Symbolism of the Imperial Rome and the Middle Ages. Princeton, 1956, p. 38, 39, fig. 15.
- ¹⁷ *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884, табл. XXVII, 125—127.
- ¹⁸ *Ростовцев М. И.* Ворота городские. — Новый энциклопедический словарь. Издатель: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Т. 11, стлб. 671—673; *он же.* Ворота триумфальные. — Там же, стлб. 673—677.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. М. СЕКЕРСКАЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК
В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ НИКОНИЯ

Изучение нижнеднестровских памятников античного времени в последние годы приобретает все более систематический и планомерный характер. К числу этих памятников относится городище у с. Роксоланы на левом берегу Днестровского лимана. Уже давно была высказана мысль, что это городище следует отождествлять с Никонием, упоминаемым древними авторами¹. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи².

Систематическое археологическое изучение Никоניה было начато только в 1957 г. М. С. Сеницыным. В результате его работ здесь вскрыто около 2000 кв. м площади (рис. 1) и получен обширный материал, позволяющий установить основные хронологические этапы жизни города, проследить развитие его экономики и культуры³.

Исследования, начатые М. С. Сеницыным, продолжает в настоящее время в центральной части городища Одесский государственный университет⁴, а в западной и юго-западной — Одесский археологический музей АН УССР.

Работы в западной и юго-западной частях городища сосредоточены на площади более 1000 кв. м. Культурный слой начинается сразу же от современной дневной поверхности, и мощность его достигает 5 м. Выявлены строительные остатки следующих периодов: второй половины VI—первой четверти V в. до н. э., второй половины V—начала IV в. до н. э., второй—третьей четвертей IV в. до н. э. и II—III вв. н. э.

Культурный слой второй половины VI—первой четверти V в. до н. э. сильно разрушен, однако удалось открыть шесть прямоугольных в плане земляночных жилищ, состоявших из одного или двух помещений, углубленных в материковый грунт на 1—1,2 м. Площадь исследованных землянок различна — от 11 до 25 кв. м. Такие жилища сооружались для небольшой семьи ее собственными силами. Наземные части возводились, по-видимому, из сырцовых кирпичей. Пол землянок представлял собой материковую глину, в которую были втопты мельчайшие обломки керамики и костей животных. Отопление производилось при помощи жаровен, следы которых хорошо заметны на полах помещений. В полах встречаются ямки и опорные камни от столбов перекрытий.

К этому же времени относится единственное пока на городище наземное жилище, сложенное из сырцовых кирпичей. Площадь его 22 кв. м, стены сохранились в высоту на 0,5 м, ширина их 0,4 м. В помещении исследовано два глинобитных пола. Между ними найдены обломки пухлогорлых амфор Хиоса VI в. до н. э., фрагменты ионийских кувшинов

VI—V вв. до н. э., фрагмент терракотовой коринфской статуэтки (аналогичные терракоты Л. Ф. Силантьева датирует началом V в. до н. э.)⁵, 12 медных литых истрийских монет с изображением колеса на лицевой стороне и надписью ΙΣΤ — на оборотной, самые ранние экземпляры которых датируются V в. до н. э.⁶ Этот материал позволяет предположить, что настилка второго пола относится к началу V в. до н. э.

В VI—V вв. до н. э. основным занятием населения было земледелие, о чем свидетельствуют большие ямы-зернохранилища, железные серпы, зернотерки. В непосредственной близости от города находились плодородные равнины с малогумусными черноземами, которые при достаточном количестве осадков обеспечивали хорошие урожаи и корм для скота.

Найденные кости животных дают представление о составе никонийского стада в VI—V вв. до н. э. Преобладал мелкий рогатый скот (52,2% всего количества найденных костей), затем шел крупный рогатый скот (30,4%), на долю лошади приходится 13,1%, и совсем незначителен процент костей свиньи⁷. Ведущая роль мелкого рогатого скота вообще характерна для животноводства северопонтийских городов того времени⁸. Находки костей животных позволяют считать, что мясная пища обеспечивалась скотоводством. Возможно, существовала как промысел и охота: найдены кости дикого кабана, благородного оленя⁹. Однако малочисленность подобных находок показывает, что охота не могла иметь сколько-нибудь серьезного хозяйственного значения.

Занималось население и рыбной ловлей, что засвидетельствовано многочисленными находками рыболовных грузил из камня и глины, бронзовых крючков для рыбной ловли, а также рыбьей чешуи и костей различных рыб.

Не подлежит сомнению, что в Никоний уже в то время часть населения занималась ремеслом, однако данные об этом весьма ограничены. В одном из помещений найдена глиняная форма для отливки мелких поделок скорее всего из бронзы. О кожевенном ремесле свидетельствует находка каменного орудия для обработки шкур. Многочисленные грузики для ткацкого станка и пряслиц говорят о ткачестве.

Главная масса находок архаического слоя — фрагменты керамики — подчеркивает греческий характер поселения и тесные его связи с ионийскими центрами Средиземноморья. Самая многочисленная группа этих находок принадлежит изделиям Хиоса, и можно предполагать, что связи с этим центром были особенно оживленными. Аттическая продукция представлена единичными находками, датируемыми первой четвертью V в. до н. э. Фрагменты терракот принадлежат статуэткам родосско-ионийского типа¹⁰. Лепная керамика, преимущественно скифских форм¹¹, встречается в этих слоях в небольшом количестве и составляет 2—3% всей кухонной и столовой посуды.

Подводя итоги наблюдениям над материалом рассматриваемого периода, можно сделать вывод, что Никоний был небольшим поселком с довольно незначительным, по большей части небогатым населением со сравнительно слабой имущественной дифференциацией. Свободный труд играл здесь большую роль.

Во второй половине V и в начале IV в. до н. э. в городе появляются каменные подвальные помещения, площадь которых достигает 25 кв. м, а иногда бывает и больше. В кладках часто используется хорошо тесанный камень, что свидетельствует о высоком уровне каменотесного дела. Наряду с понтийским известняком-ракушечником в кладках встречаются камни эгейского происхождения, завезенные сюда греческими купцами¹². Глубину подвалов установить не удастся, так как камень из верхних частей кладок выбран еще в древности, а гнезда для балок перекрытий не сохранились. В подвальных помещениях использовались для облицовки и сырцовые кирпичи. Иногда в одном и том же помещении применялись оба материала: сырцовая стена, как правило, возводилась на ка-

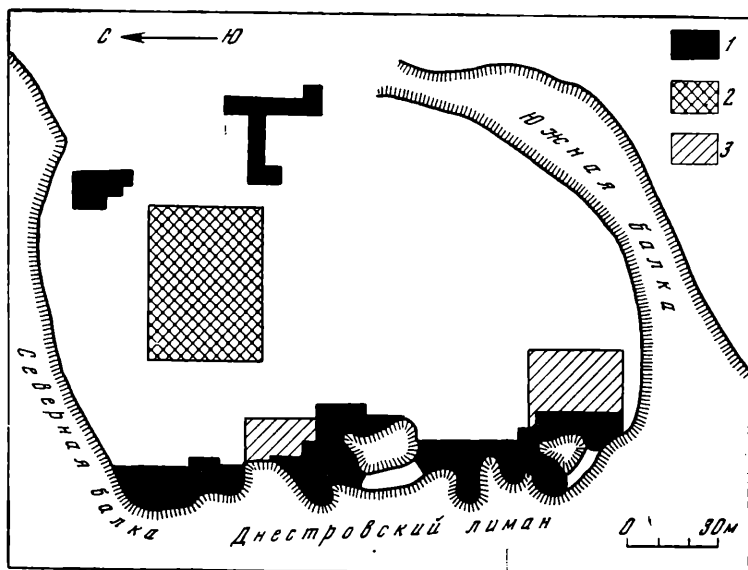

Рис. 1. План Никония

1 — раскопки М. С. Синецина; 2 — центральный участок; 3 — западный и юго-западный участки

менном основании. Сырцовые стены сохранились в высоту до 1,3 м. Стены во многих случаях были покрыты глинистой обмазкой. Полom чаще всего служила материковая глина. В полах прослеживаются многочисленные ямы хозяйственного назначения. Наземные постройки этого периода пока не открыты, на исследованной территории они уничтожены во время строительных работ во второй—третьей четвертях IV в. до н. э. Сохранившиеся глинобитные полы наземных помещений позволяют проследить два-три одновременных уровня. Для этого периода характерно мощение улиц и дворов речной галькой и черепками. Во дворах находились круглые печи диаметром до 1 м. Под их всегда тщательно обмазан глиной и состоит из чередующихся слоев глины, черепков и речной гальки; в нижней части — слой песка; верхние части печей не сохранились.

Хозяйственная деятельность населения Никония в этот период оставалась прежней. Основу хозяйства составляло земледелие. Найдены в большом количестве зернотерки, ямы-зернохранилища как на территории самого городища, так и за его пределами. Диаметр ям доходит до 3 м, сохранившаяся глубина достигает 2,5 м. Процентное соотношение мелкого и крупного скота в стаде оставалось прежним.

Продолжало развиваться ремесленное производство: ткачество, обработка кож, металла, кости, камня. К продукции косторезного ремесла относятся не только бытовые вещи — ручки ножей, иглы, орудия для обработки кож, но и стили, и такие высокохудожественные предметы, как статуэтки Кибелы и Пана¹³.

Собственной монеты Никоний не имел, но находки иногородних монет довольно многочисленны, что указывает на оживленную внутригородскую торговлю. Основная масса найденных монет происходит из Истрии¹⁴. Существует предположение, что литые «колесики» некоторых типов выпускались в Никонии¹⁵, но убедительных доказательств в пользу этого предположения пока нет.

Судя по керамике в слое того времени, Никоний, сохраняя тесные связи с ионийскими центрами, резко усиливает торговые и культурные контакты с Атикой. Насыщенность культурного слоя аттической керамикой значительна. Так, только в одной из хозяйственных ям обнару-

жены три чернолаковые солонки и 17 фрагментов чернолаковых киликов с резным орнаментом, которые можно датировать второй половиной V в. до н. э.¹⁶ Широко представлена краснофигурная керамика аттического производства. В основном это продукция рядовых ремесленных мастеров, но есть и высокохудожественные образцы¹⁷. Для второй половины V—начала IV в. до н. э. характерны аттические статуэтки. Это изображения Деметры, Афродиты и образы, связанные с их культами¹⁸. Обнаруженные граффити близки по содержанию памятникам этого рода из других греческих колоний Северного Причерноморья¹⁹. Клейма на ручках и горлах амфор говорят об интенсивных связях с Хиосом, Гераклеей, Фасосом²⁰. Большой интерес представляет находка клейма города Менды. Штемпель очень слабый, но позволяет различить обрамленное пояском жемчужника изображение Диониса, возлежащего на осле. Никонийский экземпляр наиболее близок клейму из Ольвии, хранящемуся в Эрмитаже и датирующемуся последней четвертью V в. до н. э.²¹ Нечеткий штемпель клейма из Никония не дает возможности определить, была ли в его поле надпись, как на ольвийском.

Во второй—третьей четвертях IV в. до н. э. в городе происходили большие перестройки. Широко применялись подведенные под стены субструкции, мощность которых достигает 2,5 м. Наземные части возводили из камня или сырца. Площадь домов в тот период достигала 120 кв. м, т. е. дома были тех же размеров, что и в других городах Северного Причерноморья. Некоторые дворики и улицы были вымощены речной галькой и черепками, а также камнем, главным образом местного происхождения, хотя встречаются и привозные породы. Так же, как и в предшествующий период, для хозяйственных целей сооружали каменные подвалы из одного или двух помещений площадью 15—18 кв. м (рис. 2).

Основную роль в хозяйстве продолжало играть земледелие. Ямы-зернохранилища открыты не только на территории городища, но и далеко за его пределами, на расстоянии до 5 км. Диаметр ям доходил до 3,5 м, глубина достигает 3 м. Скотоводство занимало большое место, но несколько изменился состав стада. Сократилось по сравнению с раннеклассическим периодом количество мелкого рогатого скота и возросло количество крупного рогатого скота²².

Железные шлаки и льячки свидетельствуют о дальнейшем развитии обработки металла. В кожевенном ремесле широко применялись костяные и каменные орудия труда. Кроме игл и проколов встречаются заостренные кости, которые могли служить скобелями при обработке шкур. Каменотесы находили применение своему ремеслу не только в строительстве. Они изготовляли каменные лутерии, хозяйственные корыта, зернотерки. Ткачество по-прежнему занимало большое место в домашнем производстве.

Город, как можно судить по находкам керамики и монет, поддерживал торговые связи с Атикой, Гераклеей Понтийской, Фасосом, Хиосом, Синопой, Херсонесом, Истрией, Ольвией, Тирой²³. Увеличивалось количество лепной керамики скифо-гетского облика, которая по отношению к кухонной и столовой привозной керамике составляла 12—17%²⁴.

Период второй—третьей четвертей IV в. до н. э. завершил время расцвета Никония. О жизни в городе в последней четверти IV в. до н. э. и первой половине III в. до н. э. позволяют судить только отдельные находки. Прежде всего это клейма Гераклеи, Фасоса, Синопы²⁵. К середине III в. до н. э. жизнь в городе окончательно замерла вплоть до первых веков нашей эры.

К сожалению, верхние слои городища, в которых находятся строительные остатки римского времени, очень разрушены глубокой вспашкой и выборкой камня. Тем не менее удалось открыть остатки каменных фундаментов, вымостки улиц и двориков, ямы хозяйственного назначения. Для строительства этого периода характерно возведение на каменных

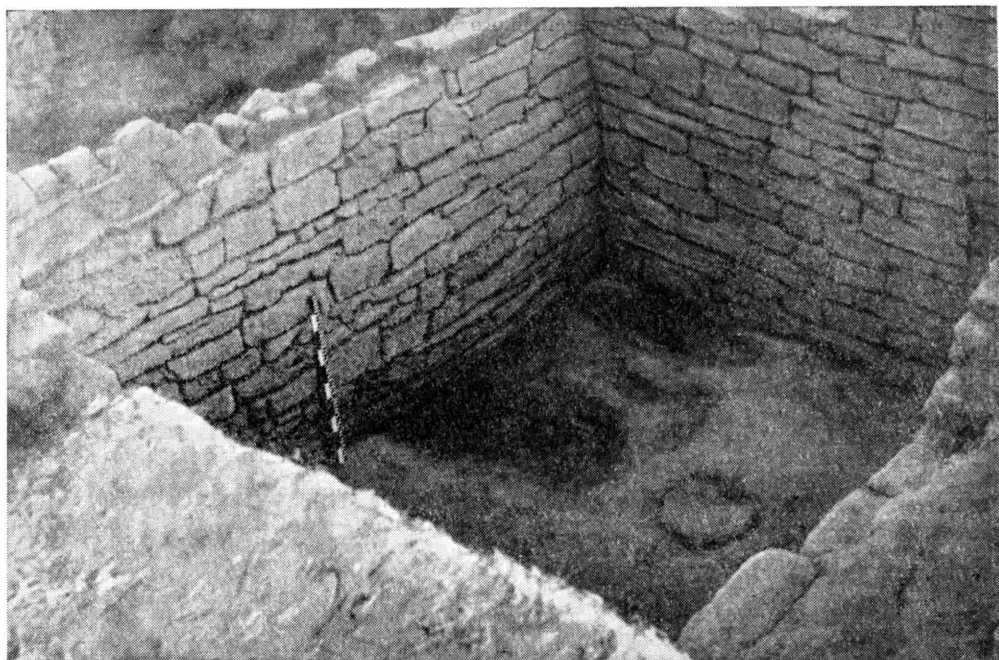

Рис. 2. Подвальное помещение IV в. до н. э.

фундаментах глинобитных стен, в вымостках двориков широко использовали камень из более ранних построек.

Основу хозяйственной деятельности населения в первые века нашей эры, как и в предшествующее время, составляло земледелие. Подтверждается это не только многочисленным археологическим материалом (серпы, зернотерки), но и распространением у жителей Никония культа плодородия.

В жилых помещениях открыто 31 погребение. Это детские погребения в сосудах: тело ребенка, вероятно завернутое в ткань, помещали в сосуд, головой по направлению к устью. Инвентарь малочислен, а чаще вообще отсутствует. Сосуд с погребением ставили в неглубокую ямку в полу возле стены. Погребения имели разную ориентировку. Наиболее часто для погребений использовали красноглиняные кувшины II в. н. э. с широким туловом на воронкообразном поддоне.

Серьезные изменения происходили в первых веках нашей эры в составе никонийского стада. Крупного рогатого скота стало больше (43% от общего количества), доля мелкого рогатого скота снизилась до 28%, а лошадей — увеличилась до 20%²⁶. О ремесленном производстве этого периода судить трудно из-за недостатка данных. Можно говорить о ткачестве, обработке кости и металла. По-видимому, и в этот период ремесло играло лишь вспомогательную роль. Многочисленный керамический материал первых веков нашей эры содержит большую группу находок различных центров Средиземноморья и бассейна Черного моря. Хронологические рамки его ограничиваются II—III вв. н. э. Эту датировку подтверждают и монеты²⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что расцвет жизни в Никонии в первые века нашей эры пришелся на II—III вв. н. э. В этот период в Тире, на правом берегу Днестровского лимана, были сосредоточены римские отряды, и можно предполагать, что Никоний был одним из поставщиков сельскохозяйственных продуктов для Тиря. В середине III в. н. э. Никоний прекратил свое существование, что можно связать с нашествием готов. Жизнь в городе никогда более не возрождалась.

- ¹ Беккер П. В. Берега Понта Евксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям. — ЗООИД, III, 1853, с. 174.
- ² Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. I. Киев, 1951, с. 13; Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища. — МАСП, 5, 1966.
- ³ Синицын М. С. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. — ЗОАО, I (34), 1960; он же. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беллевского района Одесской области в 1957—1961 гг. — МАСП, 5, 1966.
- ⁴ Загинайло А. Г. Раскопки Роксоланівського городища. — АДУ 1969, IV, 1972.
- ⁵ Силантьева Л. Ф. Коринфские терракотовые статуэтки из Пантикапея. — ТОАМ, XIII, 1972, с. 37, 38, рис. 4.
- ⁶ Карышковский П. О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. — ВДИ, 1957, № 2, с. 138—140; Preda C. Monedele histriane cu roata și legenda IȘT. — Studii și cercetari de numismatică, III, 1960, p. 21—38.
- ⁷ Сушко В. И. Фауна. — МАСП, 5, 1966, с. 149.
- ⁸ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА, № 53, 1960, с. 93, 99 сл.
- ⁹ Сушко В. И. Фауна, с. 142.
- ¹⁰ Клейман И. Б. Терракоты. — МАСП, 5, 1966, с. 100.
- ¹¹ Кузьменко В. И., Синицын М. С. Лепная посуда. — МАСП, 5, 1966, с. 56—61, рис. 1, 1—5, 7; 2, 8, 9.
- ¹² Петрунь В. Ф. К петрографической характеристике камня. — МАСП, 5, 1966, с. 135.
- ¹³ Андрунина Н. М. Костяные статуэтки из Никония. — МАСП, 7, 1971, с. 227—229.
- ¹⁴ Загинайло А. Г. Монетные находки на Роксоланском городище. — МАСП, 5, 1966, с. 100 и сл.
- ¹⁵ Там же, с. 109.
- ¹⁶ Sparkes V. A., Talcott L. Black and Plain Pottery. — In: The Athenian Agora, XII. New Jersey, 1970, N 492, 501, 504, 505, 510, 532—534, 543, 546, 581, 583, 585, 614, 616, 781, 782.
- ¹⁷ Андрунина Н. М. Чернофігурна пеліка з Ніконія. — АДУ 1969, IV, 1972, с. 193—195.
- ¹⁸ Клейман И. Б. Терракоты, с. 100.
- ¹⁹ Головки И. Д. Эпиграфические находки. — МАСП, 5, 1966, с. 77—88; Секерский П. М. Граффито на фигурном сосуде из Никония. — МАСП, 7, 1971, с. 226, 227.
- ²⁰ Василенко Б. А. Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана. — МАСП, 7, 1971, с. 137 сл.
- ²¹ Брашинский И. Б. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. — НЭ, III, 1962, с. 46, 47, табл. 1, 3.
- ²² Сушко В. И. Фауна, с. 149.
- ²³ Загинайло А. Г. Монетные находки..., с. 100 и сл.
- ²⁴ Кузьменко В. И., Синицын М. С. Лепная посуда, с. 72.
- ²⁵ Василенко Б. А. Древнегреческие керамические клейма..., с. 141, 145, 147, 149.
- ²⁶ Сушко В. И. Фауна, с. 149.
- ²⁷ Загинайло А. Г. Монетные находки..., с. 113, 114.

В. В. РУБАН

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В УРОЧИЩЕ ДИДОВА ХАТА НА БУГСКОМ ЛИМАНЕ

В последние годы, в связи с расширением археологических исследований на территории ольвийской периферии, представилась возможность во многом уточнить, а отчасти и изменить прежние взгляды на хронологию памятников и на структуру хоры Ольвии в различные исторические периоды. До недавних пор считалось, что селища и городища были единственными типами памятников на территории ольвийской периферии и определяли ее структурный и социально-экономический облик¹. Однако в настоящее время, базируясь на открытии населенных пунктов новых типов в этом районе, можно уверенно констатировать, что структура хоры

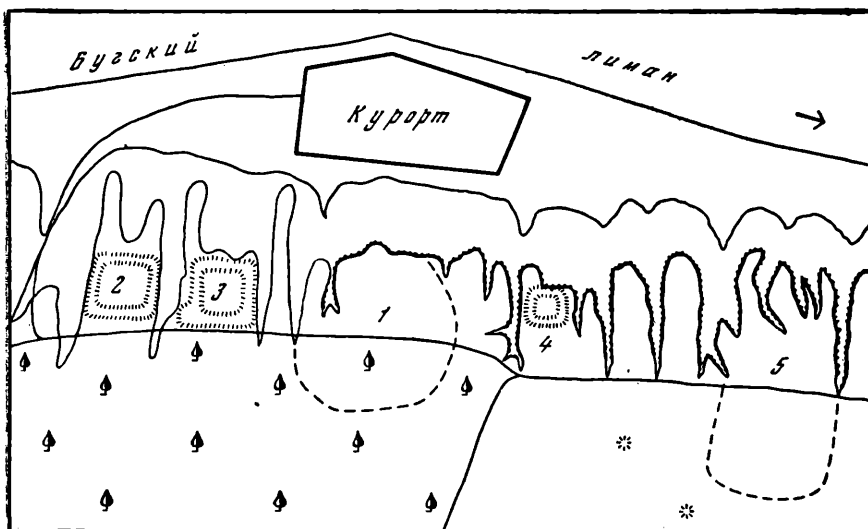

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников IV — первой половины III в. до н. э. в урочище Дидова Хата

1 — поселение Дидова Хата I; 2 — вилла 1; 3 — вилла 2; 4 — вилла 3; 5 — грунтовой некрополь

Ольвии была намного сложнее и на разных этапах исторического развития обладала существенными различиями.

В этом аспекте одним из наиболее интересных в Нижнем Побужье представляется комплекс археологических памятников античного времени в урочище Дидова Хата, находящийся примерно в 28 км к северу от Ольвии и в 2 км к западу от с. Малая Корениха, на правом берегу Бугского лимана. Поселение Дидова Хата I открыто сотрудниками Николаевского музея еще в 1926 г.² Подъемный материал из поселения впервые был изучен И. В. Фабрициус, датировавшей его временем начиная с V—IV вв. до н. э.³ В 1950 г. здесь провела раскопки Ф. М. Штителъман, которая определила памятник как городище, зачислив его в разряд приольвийских населенных пунктов IV—III вв. до н. э., жизнь на которых прекратилась во II в. до н. э.⁴

В 60—первой половине 70-х годов Николаевский краеведческий музей проводил в районе урочища систематические разведки и раскопки, в результате которых здесь были открыты новые памятники, определена их хронология и типологическая принадлежность. Комплекс состоит из упомянутого поселения, трех сельскохозяйственных вилл, грунтового и курганного некрополей (рис. 1) и остатков военного лагеря римского времени.

Появление первого античного поселения в этой местности предположительно можно относить ко второй половине VI в. до н. э. Хотя само поселение того времени еще не обнаружено, о возможности его существования говорят находки керамики второй половины VI—первой четверти V в. до н. э. на поселении периода поздней бронзы Дидова Хата II и наличие позднеархаического погребения в курганном некрополе. Керамические материалы последних двух третей V в. до н. э. в районе урочища Дидова Хата отсутствуют, что не противоречит общей ситуации в Нижнем Побужье того времени⁵.

Анализ датирующих материалов показывает, что поселение Дидова Хата I возникло в первой четверти IV в. до н. э. Керамический и нумизматический материал, а также наблюдения над стратиграфией памятника позволяют высказать предположение о его гибели примерно на рубеже второй и последней третей этого же столетия, что можно связать с похо-

дом Зопириона на Ольвий в 331 г. до н. э.⁶ В ходе изучения особенностей микрорельефа памятника и его стратиграфии не удалось обнаружить никаких признаков, которые позволили бы признать его городищем, как это считала Ф. М. Штительман⁷ в противовес мнению И. В. Фабрициус. Мы уже отмечали, что расплывшиеся холмы на окраинах поселений того времени, судя по стратиграфии и по находкам, представляют собой мусорные свалки и не могут рассматриваться как остатки фортификационных сооружений⁸.

Второй горизонт поселения, выделенный как стратиграфически, так и по содержащемуся в нем материалу, свидетельствует о том, что жизнь на поселении возобновилась после событий 331 г. до н. э. К этому же времени относится и появление в хоре Ольвии сельскохозяйственных вилл, три из которых обнаружены близ поселения Дидова Хата I⁹.

В 1973 г. были начаты исследования виллы 1, в ходе которых удалось проследить основные отличия подобных памятников от уже известных населенных пунктов ольвийской хоры, а также выработать методику поисков остатков вилл, которая полностью оправдала себя на практике и привела к обнаружению новых памятников такого типа во многих местах Нижнего Побужья¹⁰.

Остатки виллы 1 в урочище Дидова Хата до раскопок представляли собой замкнутый прямоугольник с валообразными всхолмлениями по сторонам и с ложбиной посередине. Как показали стратиграфические наблюдения, всхолмления образовались в результате распыла завалов сырцовых стен и саманной кровли здания. Под завалом были погребены каменные покольные кладки и различные вещи, находившиеся на полах помещений. Завал содержал значительное количество обгоревшей глиняной обмазки с отпечатками тростника. Каменные кладки и полы во многих местах сохранили следы воздействия огня. Такие же следы заметны на стенках столовых сосудов. Все это наводит на мысль о том, что вилла погибла внезапно, в огне пожара. Это подтверждается также и тем, что на полах помещений *in situ* оказалось огромное количество целых вещей.

Под валообразными всхолмлениями были открыты ряды помещений, которые располагались по четырем сторонам внутреннего двора (рис. 2). Здание виллы имело в плане форму, приближающуюся к квадрату. Общая площадь здания составляла около 1200 кв. м, площадь двора — 620 кв. м (к сожалению, всю площадь двора исследовать не удалось из-за современных строений). Все здание было разделено на 12 отдельных жилищ, в западном и восточном рядах они были двукамерными, в северном и южном — трехкамерными; площадь каждого помещения составляла от 9 до 10 кв. м в первом случае и до 12 кв. м — во втором.

Каменные кладки, образующие цоколи стен высотой в среднем от 0,3 до 0,5 м, были иррегулярными. Они сложены из местного рваного известняка на глинистом растворе. Ширина внешних стен здания виллы достигала 1 м, ширина внутренних стенок — 0,5 м. На каменных цокольных кладках базировались сырцовые стены, на которых покоилась кровля из камыша, обмазанного глиной. Полы помещений в основном глинобитные, иногда целиком, а иногда частично вымощены каменными плитами. Вымощены были северо-западный и юго-западный углы двора.

Вилла представляет собой закрытый археологический комплекс, содержащий огромное количество вещевого материала, даже краткую характеристику которого дать здесь невозможно. Отметим лишь, что характер находок свидетельствует о сравнительно скромном достатке обитателей виллы, основным занятием которых были земледелие и рыболовство.

К востоку от остатков виллы 3 находится грунтовой некрополь. К настоящему времени охранными раскопками здесь вскрыто 15 погребений, которые по обряду и набору инвентаря находят ближайшие аналогии в ольвийском некрополе. Судя по датирующим материалам, некрополь синхронен поселению Дидова Хата I и виллам 1—3.

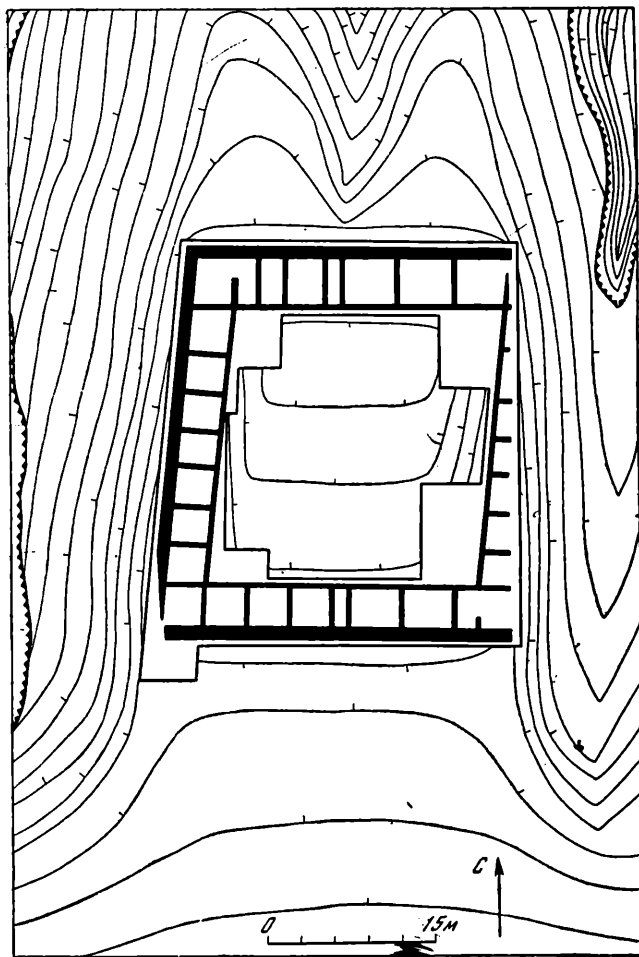

Рис. 2. План остатков виллы 1

Аттическая керамика, амфорные клейма и ольвийские монеты свидетельствуют, что поселение Дидова Хата I и виллы погибли во второй четверти III в. до н. э. Материалы времени развитого эллинизма в окрестностях урочища Дидова Хата не обнаружены.

К первым векам нашей эры здесь относится единственный памятник — римский военный лагерь, исследования которого начал в 1975 г. С. Б. Буйских.

Краткая характеристика комплекса археологических памятников античного времени в урочище Дидова Хата показывает, что населенные пункты на территории ольвийской хоры были более разнообразными, чем это представлялось прежним исследователям. Одной из главных задач в изучении ольвийской периферии в ближайшем будущем должно быть тщательное выявление своеобразия отдельных групп памятников и надежное определение их хронологии.

¹ Шгительман Ф. М. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1952; она же. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. — МИА, № 50, 1956; Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975, p. 169.

² Шгительман Ф. М. Отчет о раскопках городища Дидова Хата в 1950 г. (рукопись в архиве Николаевского краеведческого музея, с. 1).

- ³ *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1. Киев, 1951, № 174.
- ⁴ *Штительман Ф. М.* Городища..., с. 11—22; она же. Поселения античного периода..., с. 272.
- ⁵ *Рубан В. В.* Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, II. Киев, 1975, с. 88; она же. Разведка по правобережью Бугского лимана. — АО 1974 г. М., 1975, с. 346; она же. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975, с. 131.
- ⁶ *Жебелев С. А.* Милет и Ольвия. — В кн.: *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М., 1953, с. 47; *Каришковский П. И.* З історії Ольвії в IV в. до н. е. — ПОДУ, т. 146, сер. істор. наук, вип. 5, 1956, с. 167—169.
- ⁷ *Штительман Ф. М.* Городища..., с. 11.
- ⁸ *Рубан В. В.* О периодизации..., с. 132.
- ⁹ *Рубан В. В.* Античная усадьба на побережье Бугского лимана. — АО 1973 г. М., 1974, с. 335, 336.
- ¹⁰ *Рубан В. В.* Открытие античных усадеб на территории ольвийской хоры. — В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов. Ереван, 1976, с. 367, 368.

Е. И. ЛЕВИ

РАСКОПКИ ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ И ТЕМЕНОСА (1971—1974 гг.)

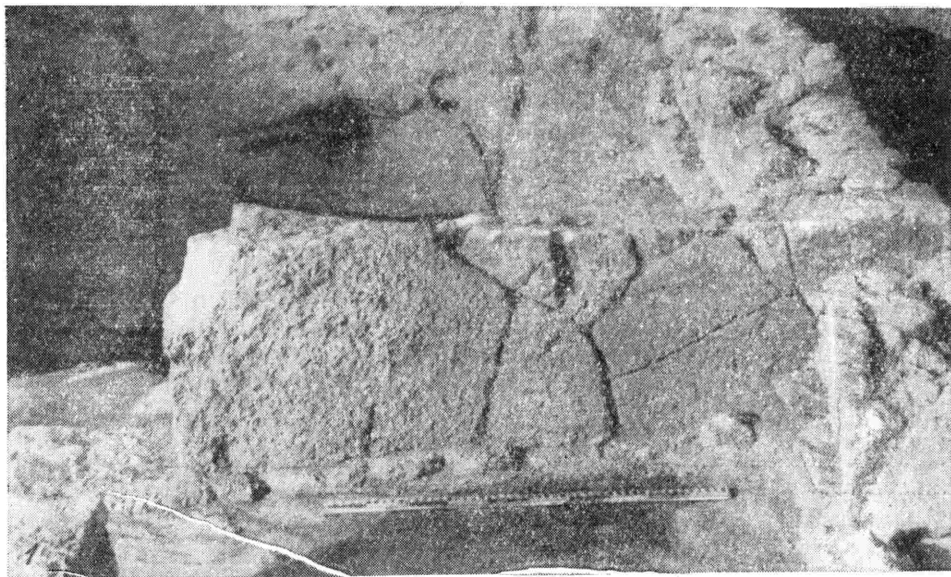
Ольвийская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1971—1974 гг. продолжала изучение Ольвии ранней поры в районе агоры (раскопы Е₃ и Е₄), исследование памятников самой агоры (раскоп Е₈), поиски южной границы теменоса VI—начала V в. до н. э. (раскоп Е_{центр}).

Вполне естественно, что в многослойном памятнике, каким является Ольвия, ранние культурные слои сильно нарушены при строительных работах более позднего времени. От города архаической поры до последнего десятилетия дошли лишь комплексы ям, и только по фрагменту полигональной кладки, открытой еще Б. В. Фармаковским около Зевсова кургана¹, мы могли судить о характере строительной техники этого периода. Тем более ценными представляются обнаруженные в Верхнем городе, в районе, прилегавшем к агоре с северо-запада, и к западу от Зевсова кургана, напластования VI—V вв. до н. э. со сравнительно хорошо сохранившимися строительными остатками.

Еще в 1968—1969 гг. к западу от дикастерия III в. до н. э. был выявлен архаический слой с остатками полуземлянки, отдельными подвальными помещениями и ямами². С 1970 г. началось исследование первого архаического здания Ольвии с четко выраженной планировкой. В результате пятилетних раскопок полностью раскрыто одно здание³ и завершается изучение второго аналогичного строительного комплекса⁴.

Здание 1, вытянутое с юго-востока на северо-запад, состояло из двух наземных помещений и подвала.

Сравнительно хорошо сохранившиеся кладки цоколя, на которых некогда возвышались стены из сырцовых кирпичей, дают наглядное представление о технике ранней полигональной кладки; обращает на себя внимание тщательность обработки плит и возведения кладки (рис. 1). Стены подвального помещения высотой около 2 м, целиком возведенные из камня, уцелели частично, но план подвала четко определяется по границам котлована в материке.

Рис. 1. Архаическое здание I

1 — деталь кладки цоколя восточной стены с востока; **2** — развал южной стены подвального помещения с севера

Вход в здание был с юга; здесь, около угловых частей фасада, крупные плиты основания цоколя слегка выступают из общей линии, образуя своего рода анты. С оформлением входа связана, очевидно, и небольшая кладочка дугообразной формы из мелких камней, которая примыкает на востоке и западе к выступам плит, замыкая свободное пространство перед входом в здание. Не исключено, что неглубокий портик, первоначально открытый, позднее был замкнут. В таком случае апсидообразная форма кладки может быть объяснена стремлением несколько расширить центральную часть узкого портика.

Архаическое здание было частично разрушено в V в. до н. э. при устройстве грунтовых подвалов. Один из них, содержащий большое количество сероглиняных лесбосских амфор, прорезал южное помещение. Позднее в подвал вписался и слоевой фундамент здания IV—III вв. до н. э., а в северное помещение — каменная цистерна того же времени. Все это привело к тому, что вещевые находки, относящиеся ко времени архаического здания, малочисленны. Все же они, наряду со стратиграфическими данными, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что оно было построено еще в третьей четверти VI в. до н. э. и прекратило существование на рубеже VI—V вв. до н. э.

Второе архаическое здание, раскрытие которого началось в 1973 г., находилось на расстоянии 2,5 м к югу от юго-западного угла первого. В отличие от него оно было ориентировано с юго-запада на северо-восток, но также представляло собой в плане вытянутый прямоугольник и включало два наземных помещения: восточное, почти правильной квадратной формы (5,50×5,30 м), и примыкавшее к нему с запада узкое помещение, раскрытое не полностью. Вход был, очевидно, с запада, однако устройство его пока неясно, для этого требуется расширение раскопа в западном направлении.

Цоколи стен восточного помещения, которые также были возведены в технике полигональной кладки, сохранились более или менее полно. Здание, построенное в третьей четверти VI в. до н. э., прекратило существование на рубеже VI—V вв. до н. э.: время разрушения четко определяется благодаря углублениям и грунтовым подвалам с материалами V в. до н. э., врезавшимся в восточное помещение здания после его гибели.

Оба здания имели общественное назначение. Об этом свидетельствует не только их планировка (типа мегарона), применявшаяся в ту эпоху в восточноионийских центрах главным образом для сооружений, принадлежавших полису, но и местоположение. Исследуемый участок довольно значительно возвышается на древней топографической карте Ольвии, на что указывает высокий уровень залегания полевки. Здания, стоявшие на всхолмлении, четко выделялись на общем фоне района, находившегося в непосредственной близости от теменоса и агоры. Весьма показательны также, что и в последующие столетия этот участок был занят постройками, принадлежавшими городу. На месте архаических сооружений в конце IV—начале III в. до н. э. было возведено монументальное здание, от которого до нас дошли слоевые фундаменты и частично лежавшие на них плиты основания кладки. Оно повторяло ориентировку сооружений VI в. до н. э., и местами его слоевые фундаменты были возведены непосредственно на цоколях последних. Очевидно, этот городской район с самого начала был районом общественных построек.

С целью выяснения, как далеко распространяется архаический слой в западном направлении, в 1973 г. на расстоянии 10 м от западной границы участка Е₃ с архаическими зданиями был заложен разведочный раскоп Е₄⁵. Были выявлены остатки слоевого фундамента и каменный подвал с хорошо сохранившейся каменной лестницей и цистерной (рис. 2). Определено, что здание, которому они принадлежали, в течение довольно короткого периода — последней четверти IV—III в. до н. э. —

Рис. 2. Общий вид раскопа Е₄ (1973—1974 гг.) с востока

пережило несколько перестроек. Кроме того, выяснено, что слоевой фундамент в нижней части впущен в архаический слой.

В 1974 г. было раскрыто еще одно подвальное помещение — II, при-мыкавшее к подвалу I 1973 г. с юга. Прослежено продолжение слоевого фундамента в западном направлении и выявлен поворот его к северу, что позволяет определить юго-западный угол здания. Учитывая, что восточная граница этого монументального сооружения эпохи эллинизма была открыта (еще в 1970 г.) в непосредственной близости от дикастерия⁶, можно определить длину здания, равную 39 м. Раскрытие здания еще далеко не завершено, поэтому говорить о планировке и функциональном назначении этого сооружения, игравшего, несомненно, большую роль в полисе, пока преждевременно.

В 1974 г. в помещении I была очищена до глубины 6,50 м цистерна, заполненная материалом эллинистического времени⁷.

Раскопки показали, что культурный слой архаического времени на этом участке залегает глубже, чем на участке с архаическими зданиями I и II, и что ранние сооружения на исследованной площади почти полностью уничтожены. Зато здесь были открыты архаические ямы. Две из них содержали весьма интересные материалы. Так, впервые в Ольвии найден значительный фрагмент клазоменской амфоры с изображением женщин с бубнами в руках, флейтистки и силенов. В засыпи этой же ямы (18) оказались и обломки самосской амфоры с богатой росписью в виде растительных и орнаментальных мотивов, выполненных с применением пурпурной краски; несколько фрагментированных сероглиняных лощеных сосудов; два кухонных горшочка, сохранившихся полностью, и др. Из находок в другой яме (15) заслуживает особого упоминания основание ножки чернолакового килика конца VI—начала V в. до н. э. с вырезанным по его окружности полным греческим алфавитом. Не исключено, что эти ямы, находившиеся в непосредственной близости от архаических зданий типа мегарона, были с ними связаны.

На агоре основные работы были направлены на исследование гимнасия, системы водоснабжения, связанной с ним, и раскрытие ближайшего окружения гимнасия с востока (раскоп Е₃; рис. 3)⁸.

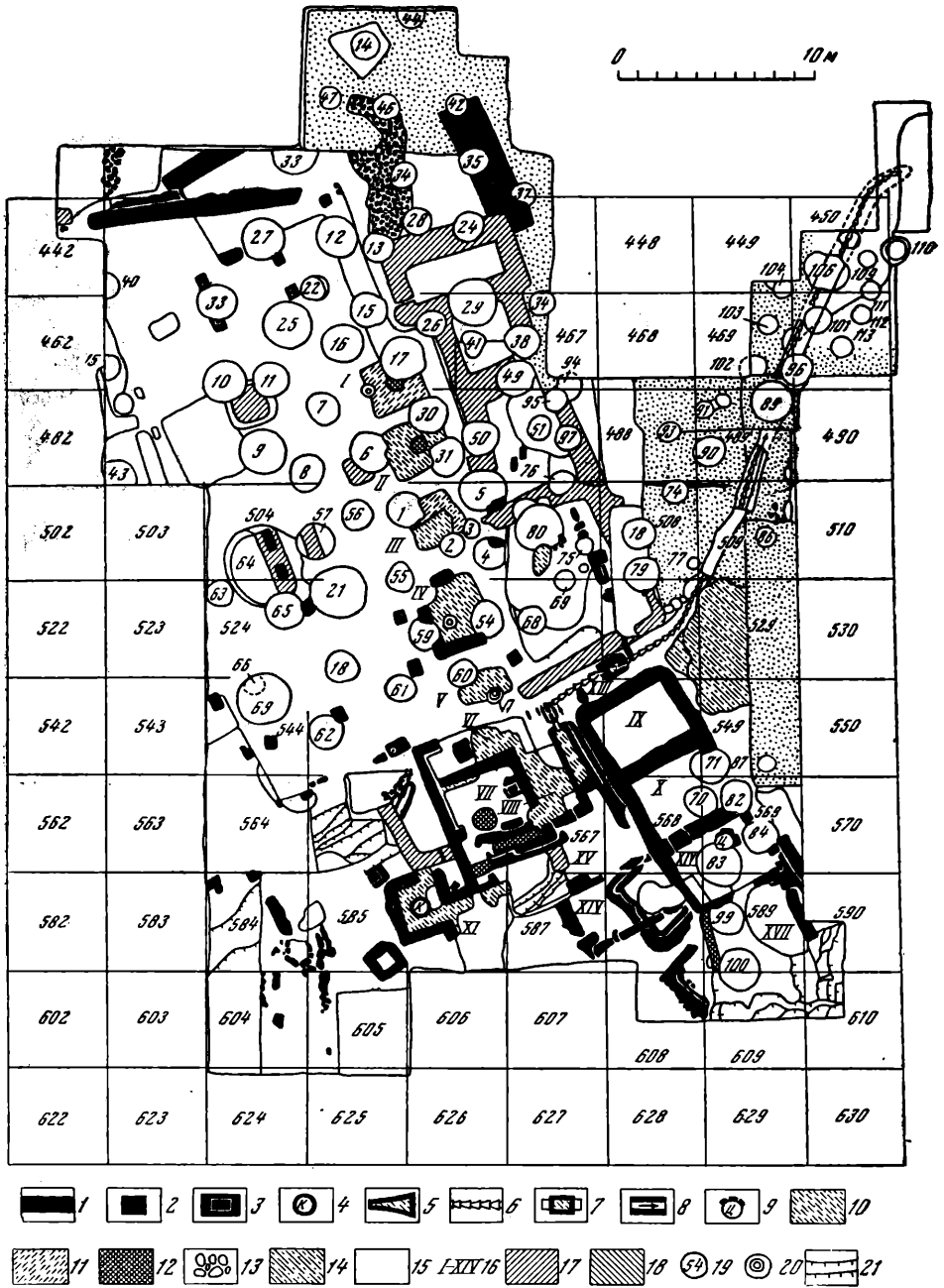

Рис. 3. План раскопа Е₃

1, 2 — каменные кладки, отдельные плиты; 3 — колонны; 4 — колодец; 5 — каменный резервуар; 6 — водопровод из гончарных труб; 7 — смотровой колодец; 8 — каменный водосток; 9 — цистерна; 10 — вымостка из каменных плит; 11 — полы из черепиц; 12 — очаги; 13 — камни; 14 — вымостка площади; 15 — углубления в материке; 16 — номера помещений; 17 — слоистые фундаменты; 18 — засыпь траншеи водопровода; 19 — ямы; 20 — пифос; 21 — склоны углубления в материке

Дальнейшее расширение раскопа в 1971—1972 гг. к югу показало, что гимнасий в этой части разрушен второй поперечной балкой, образовавшейся на месте оборонительного рва первых веков нашей эры. Поэтому точно определить южную границу здания не удалось. Однако имеются некоторые данные, позволяющие полагать, что здание заканчивалось около начала позднего рва.

В 1972 г. было в основном завершено изучение системы водоснабжения, начатое в 1968 г. Напомним, что к 1971 г. были открыты: 1) глубокий колодец (очищенный на глубину 12,5 м), сооруженный еще в V в. до н. э.; 2) три каменных резервуара конца IV—III в. до н. э., в которых осуществлялся подогрев воды с помощью горячего воздуха, подаваемого по гончарным трубам в жаропроводные каналы, находившиеся под днищами резервуаров; 3) линия водопровода из керамических труб, начинавшаяся от наиболее позднего резервуара⁹. Прекрасная сохранность линии позволила выявить ряд деталей, к числу которых относятся, например, устройство каменного канала, под прямым углом менявшего направление водопровода; смотровой колодец для проверки уровня заполнения труб; характер водоупорной промазки мест стыков и т. д. Для создания системы, которая могла бы транспортировать горячую воду на значительное расстояние, ольвиополиты укладывали трубы в траншею, вырытую в материковом лёссе, и плотный лёсс служил надежным теплоизоляционным слоем.

В 1971 г. в квадрате 588 были открыты остатки еще одного наиболее раннего резервуара IV, очевидно связанного со временем сооружения колодца. К эпохе эллинизма, когда были созданы новые резервуары, он уже не функционировал.

Водопроводная линия в 1970 г. была прослежена на протяжении 20 м. Траншея для укладки труб, пересекая Восточную улицу, прорезала вымостку V в. до н. э. и далее уходила под раннюю вымостку¹⁰. Этот неясный в то время факт получил объяснение в итоге раскопок 1971 г. Выяснилось, что в квадрате 489 траншея с трубами переходит в штрек шахты с полуцилиндрическим сводом высотой и шириной 1 м (рис. 4). В отрезке штрека, открытом в 1972 г., было выявлено шесть труб водопровода, из них пять — в полной сохранности, а последняя, северная, оказалась посередине срезанной. Несколько изменилось общее направление линии: в квадрате 431 она повернула под углом 25° на восток, в сторону района театра. В месте обрыва трубы и окончания штрека наблюдалось резкое падение материка, указывающее на начало склона к нижележащей террасе. Может быть, водопровод около склона выходил на поверхность, поэтому он далее полностью разрушен.

В 1971—1972 гг. были продолжены работы по расчистке колодца в помещении XI и определены западная и южная границы котлована, вырытого в материке при устройстве колодца. Колодец был очищен до глубины 15 м (дальнейшее углубление пришлось отложить до получения соответствующего оборудования). Диаметр колодца (1 м) и тщательность кладки одинаковы по всей открытой глубине. Определились границы котлована, вытянутого с запада—юго-запада на восток—северо-восток. Длина его около 36 м, ширина — около 14 м. Колодец занимал в котло-

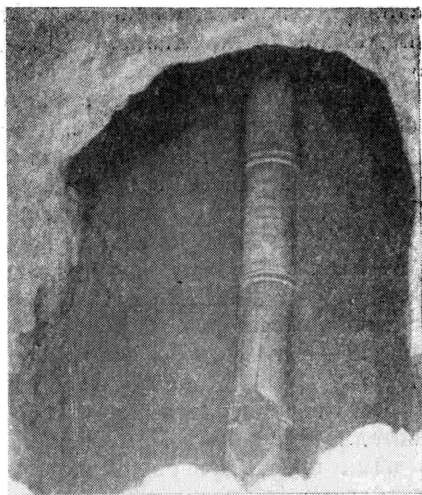

Рис. 4. Штрек шахты с водопроводом из гончарных труб. Вид с юга

ваде центральное положение. По-прежнему четко фиксировались два периода засыпи котлована, относящиеся к концу VI—началу V в. до н. э. и к IV в. до н. э.¹¹

В засыпи котлована на раскопе E₈ найдены, в частности, фигурный сосуд в виде головы силена (рис. 5, 4) и значительный фрагмент сероглиняной лощеной курильницы, отверстие которой было оформлено в виде входа в храм *in antis* (рис. 5, 5).

Одновременно с исследованием гидросистемы проводилось исследование двух зданий, примыкавших к гимнасию с востока. Одно из них — Северное, воздвигнутое на слоевых фундаментах, граничило с востока с залом гимнасия; другое — Южное, от которого уцелел подвальный этаж, примыкало к подсобным помещениям гимнасия, группировавшимся в его южной части. Между ними оставался незастроенный участок шириной около 2 м, по которому проходила водопроводная линия.

От Северного здания до нас дошли лишь слоевые фундаменты. Оно состояло из четырех помещений различных размеров, расположенных в один ряд с севера—северо-запада на юг—юго-восток, соответственно гимнасию. Четко выявлена органическая связь Северного здания с гимнасием.

Южное здание подобно Северному было вытянуто в одну линию вдоль Восточной улицы. Ось его на юге слегка отклонялась от общего направления оси гимнасия к востоку. Южная часть здания разрушена второй поперечной балкой, но, по-видимому, за пределы гимнасия оно не распространялось. Частично сохранились четыре подвальных помещения почти одинаковых размеров (2,90×4 м). Стены их были выложены камнем. Два средних подвала (X и XIV) объединялись посредством дверного проема, а крайние — были изолированы.

Особое внимание привлек подвал XIV. Еще в 1970 г., при раскрытии его северной части, были найдены 15 однотипных миниатюрных флакончиков, необычно толстостенных, сходных с лекарственными флаконами, и 50 монет. А. Н. Карасев высказал предположение, что подвал XIV мог служить складом медикаментов аптеки¹². При исследовании южной части подвала в 1971 г. было обнаружено еще несколько аналогичных сосудиков и много монет. Всего в помещении XIV оказалось 19 однотипных флакончиков и 104 монеты. Следует учитывать, что южная часть помещения сильно разрушена ямами зернохранилища первых веков нашей эры. Два флакончика и 14 монет обнаружены в засыпи цистерны, занимающей северо-восточный угол подвала. Большое количество монет свидетельствует о том, что здесь находились предметы, поступавшие для продажи в помещение наземного этажа. Таким образом, раскопки 1971 г. подтвердили выводы А. Н. Карасева об особом назначении помещения XIV. С юга к нему примыкало сильно разрушенное помещение XVII.

Здание выходило фасадом на Восточную улицу. Оно было расположено при входе на агору, со стороны южных районов города. Не исключено, что Южное здание представляло собой небольшой торговый ряд, подобно небольшим торговым помещениям, расположенным на той же Восточной улице к северу от агоры.

Исследование теменоса с остатками храмов, алтарей, сбросом храмового инвентаря было завершено в основном в 1960 г.¹³ Однако вопрос о северной границе теменоса до сих пор остается открытым. Не вполне ясна и южная граница культового участка архаического периода. Большая стоя, отделявшая теменос от агоры в эпоху эллинизма, была сооружена в конце IV в. до н. э. Еще А. Н. Карасев, руководивший раскопками теменоса, высказал предположение, что в конце VI—начале V в. до н. э. теменос распространялся к югу за пределы стои¹⁴, т. е. в эпоху эллинизма территория культового участка была сокращена за счет расширения агоры.

Рис. 5. Керамика из Ольвии

1 — фрагмент чернофигурного килика с посвящением Аполлону Дельфинию (Ол. 1973 № 1369; Ол. 1974 № 244); 2 — обломок края чернофигурного килика с изображением Афины с копьем в руке (Ол. 1974 № 457); 3 — обломки стенок чернофигурного килика с сигнатурой мастера Саконида (Ол. 1973 № 1378; Ол. 1974 № 458); 4 — фигурный сосуд в виде головы силена (Ол. 1973 № 1204); 5 — фрагмент сероглиняной лощеной курильницы (Ол. 1973 № 1203)

Первоочередная задача полного раскрытия монументальных памятников агоры эллинистического времени заставила отложить на время выяснение этого вопроса, для которого требовалось исследование незастроенной части площади. В 1973 г. оказалось возможным приступить к решению этой задачи.

Разведочные квадраты были разбиты в непосредственном соседстве с Большой стоей (раскоп Е_{центр}).

Результаты двухлетних работ¹⁵ отчетливо показали правильность предположения А. Н. Карасева. Открыто большое углубление V длиной около 10 м и шириной около 5 м¹⁶, вырытое в материке и состоявшее из ряда ям, заполненных в течение VI—начала V в. до н. э. сбросом имущества из храма Аполлона Дельфиния. Об этом свидетельствуют 15 новых посвящений, вырезанных на чернофигурных и чернолаковых киликах. Ранее на территории теменоса найдено 47 сосудов с посвящениями Аполлону Дельфинию. Таким образом, их число в настоящее время достигло 62.

Новое собрание посвячительных граффити содержит не только почти полностью сохранившиеся надписи, но и довольно редкие полные формулировки. Так, на фрагменте высокой ножки чернолакового килика VI в. до н. э. было вырезано: Ἀπόλλωνος ἐμίτῳ Δελφινίῳ, т. е. «Аполлону Дельфинию принадлежу». На другом значительном фрагменте чернофигурного килика IV в. до н. э. с фризом пасущихся животных сохранилось посвящение некоего Тихона: Τύχων Ἀ[πό]λλωνι Δελφινίῳ ἀνέθ[ηκεν]. На территории теменоса уже был найден фрагмент чернофигурного килика с посвящением Тихона, сына Гекатокла¹⁷. Возможно, это одно и то же лицо. На крае чернолакового килика сохранились две начальные буквы надписи: Τύ — возможно, начало имени того же Тихона. На другом чернолаковом килике с изображением скачущих всадников имя жертвователя не сохранилось, зато полностью читается окончание надписи: ἀνέθ[ηκεν], т. е. «посвятил» (рис. 5, 1). Несколько посвящений содержат лишь эпитет божества либо полностью (Δελφινίῳ), либо в сокращенной форме (Δελ).

Вместе с посвячительными граффити найдено большое количество фрагментов ранних амфор и других сосудов. Отметим фрагмент аттической чернофигурной амфоры с изображением эфебов, сильно измельченные обломки самосской амфоры с изображением комастов и др.

Особенно интересен обломок края чернофигурного килика с силуэтным изображением Афины с копьем в руке (рис. 5, 2). Создателем этого шедевра аттического искусства был, как убедительно доказала К. С. Горбунова¹⁸, вазописец Саконид: сигнатура этого мастера обнаружена на черепке, найденном в засыпи углубления: Σακονίδης ἐγρ[άψεν] (рис. 5, 3). На внутренней стороне килика было вырезано посвящение, от которого остались лишь окончание имени лица, сделавшего приношение, и начало имени его отца: ---ος Διογέ[νης ἀνέθ[ηκεν]. Таким образом, характер находок из углубления V с несомненностью свидетельствует о том, что оно находилось в пределах теменоса и, вероятнее всего, было расположено вдоль его южной границы. Весьма любопытно, что новое углубление лежит на одной линии с храмом Аполлона и углублениями I и II¹⁹. Углубление II содержало особенно много посвящений Аполлону Дельфинию. Отметим, что и два других углубления (III и IV) теменоса также лежат на одной оси, почти параллельно углублениям I и II.

С 1974 г. коллектив нашей экспедиции включился в изучение ольвийской хоры. Периферийный отряд под руководством К. К. Марченко и Я. В. Доманского провел первичное обследование территории к северу от Ольвии по обеим сторонам лимана и предпринял небольшие шурфовки. Начаты стационарные работы на поселении Козырка II, где открыты остатки двух жилых комплексов середины IV—первой половины

III в. до н. э. и одного поселения конца VI—первой половины V в. до н. э.

На левом берегу шурфовка позволила выявить следы античного поселения Лиманы I, существовавшего со второй половины IV до середины III в. до н. э., а также поселения архаического времени.

- ¹ *Фармаковський Б. В.* Розкопування Ольбії, р. 1926. Одеса, 1929, с. 44, рис. 26.
- ² *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. — КСИА, 130, 1972, с. 40; *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. — КСИА, 143, 1975, с. 11.
- ³ *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА, 1975, № 2, с. 194, рис. 7.
- ⁴ Работы на раскопе Е₃ велись под руководством Л. В. Копейкиной.
- ⁵ Работами на раскопе Е₄ в 1973 г. руководил Я. В. Доманский, в 1974 г. — В. И. Пругло.
- ⁶ *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г., с. 15.
- ⁷ Расчистка цистерны ввиду окончания экспедиции не была доведена до дна; цистерну прикрыли крышкой и присыпали.
- ⁸ *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г., с. 15 сл. Работы на раскопе Е₆ велись под руководством Ю. Г. Виноградова, Н. С. Беловой, Я. В. Доманского, К. К. Марченко, Н. В. Головачевой.
- ⁹ *Карасев А. Н.* К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия. — КСИА, 143, 1975, с. 3—10.
- ¹⁰ *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г., с. 15 сл.
- ¹¹ Там же, с. 20.
- ¹² Там же, с. 16, 17.
- ¹³ *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 27.
- ¹⁴ Там же, с. 34, 36.
- ¹⁵ Работы в 1973 г. вели Н. В. Шебалин, Р. Ш. Левина, А. Зерепкин, в 1974 г. раскопками руководили Ю. Г. Виноградов, Р. Ш. Левина.
- ¹⁶ Исследование углубления V в северном направлении, где оно частично уходит под более поздние черепяные вымостки, как и в западном, не завершено.
- ¹⁷ *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 145, 149, рис. 16.
- ¹⁸ Доклад на конференции ЛОИА АН СССР (март 1975 г.), посвященной итогам полевых исследований 1974 г.
- ¹⁹ *Карасев А. Н.* Монументальные памятники... , с. 33, рис. 4.

В. И. ПРУГЛО

РАСКОПКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РАЙОНА ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ В 1975 Г.

В 1975 г. работы Ольвийской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР были сосредоточены в северо-западной части агоры (раскоп Е₃), между остатками здания архаического периода¹ и постройкой эллинистического времени с подвалами и цистерной, исследование которой велось в течение 1973—1974 гг. Раскопками 1975 г. на площади около 275 кв. м полностью исследованы слевые фундаменты, частично обнаруженные в 1974 г., а также открыты остатки сооружений, относящихся к различным периодам истории города (рис. 1).

До начала работ участок, на котором было намечено вести исследование, представлял собой довольно ровную поверхность с небольшим уклоном к западу. На значительной его части гумусный слой был снят бульдозером. Непосредственно с современной поверхности городища начинались культурные напластования периода эллинизма. Ввиду многократных перепланировок и перестроек, производившихся здесь за долгую историю Ольвии, наиболее ранние строительные остатки сохранились

крайне фрагментарно. К их числу относится здание, остатки которого обнаружены на границе квадратов 250 и 251. Правда, в раскрытой части оно полностью разобрано, но прекрасно сохранился ров шириной 1 м и глубиной 1,2 м, в который был впущен фундамент восточной стены здания. Длина раскрытого дугообразного отрезка рва немногим более 3 м. Западный конец рва уходит под западный борт раскопа, другой его конец прослежен на соседнем квадрате 231, но раскопкам эта часть не подвергалась. Поскольку основная часть постройки еще не раскрыта, ее план восстановлению пока не поддается. Но уже сейчас можно говорить, что это было монументальное сооружение, о чем свидетельствуют глубина и ширина рва и размеры отдельных сохранившихся на его дне плит, из которых был сложен фундамент. Засыпь рва по найденным в ней материалам датируется первой четвертью V в. до н. э. Следовательно, к указанному времени постройка была разобрана. Для решения вопроса о времени ее возведения данных пока нет. Необходимо расширить раскоп к западу, что позволит полностью выявить сохранившиеся остатки этой постройки и связанные с ней культурные напластования.

Возможно, из этих разрушенных еще в древности напластований происходит обломок верхней части ойнохой из светлой желтоватой глины с небольшим количеством очень мелких частиц слюды. Снаружи фрагмент покрыт обмазкой кремового цвета и расписан черным лаком. Горло сосуда украшали изображения двух обращенных друг к другу в профиль голов, среднюю часть тулова — фигура с поднятыми за спиной крыльями — очевидно, демон (см. ниже рис. 4, 1). Фигура демона и профильные изображения на горле даны силуэтом. Черты лиц, отдельные детали фигуры и крыльев демона выполнены в технике «пропущенных линий». Пурпуром обозначены головная повязка и крестообразная перевязь на груди демона. Полосы пурпура имеются также на крыльях. В качестве дополнительного орнамента использованы розетты из четырех точек и четырех неправильной формы квадратиков. По характеру росписи этот сосуд близок вазам стиля Фикеллура середины VI в. до н. э.²

К раннему периоду застройки исследованного участка относится также раскопанное в квадрате 253 грунтовое сооружение типа круглой землянки, впущенное в материк на глубину 1,38—1,40 м (рис. 2, 3). Южная половина сооружения частично перекрыта остатками более поздней стены или вымостки. Среди материала, обнаруженного при раскопках, найдены обломок горла амфоры с валикообразным окрашенным бурой краской венчиком и с написанными под венчиком красной краской буквами ΙΣ, фрагментарно сохранившаяся чернолаковая чаша рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э. В глинистом слое на дне рассматриваемого сооружения найдены амфоры второй половины VI в. до н. э. Одна из них — хиосская, другая — самосская, с широкими полосами на тулове (рис. 2, 2).

Удалось выявить еще одно земляное сооружение — углубленную в культурный слой нижнюю часть небольшого подвальчика прямоугольной формы (1,6×2,8 м) со слегка скругленными углами (рис. 3, 1). Высота его земляных стен 0,68—0,80 м. Пол подвальчика фиксировался по затоптанности грунта. На полу обнаружены два стоявших на ребре каменных блока и несколько лежавших плашмя необработанных известняковых плит. В засыпи этого сооружения оказались фрагменты керамических сосудов конца VI—первой половины V в. до н. э.

Возможно, в один строительный комплекс с этим подвалом входила яма 31, выявленная примерно на том же горизонте, что и подвал, но восточнее него. Яма 31 была выкопана с горизонта погребенного гумуса в материке. Диаметр ее горловины 0,70—0,80 м, стенки плавно расширяются к плоскому дну диаметром 1,45 м. В ее засыпи найдены обломки хиосских пухлогорлых и лесбосских сероглиняных амфор, фрагменты миниатюрных позднеархаического коринфского скифоса и, по-видимому,

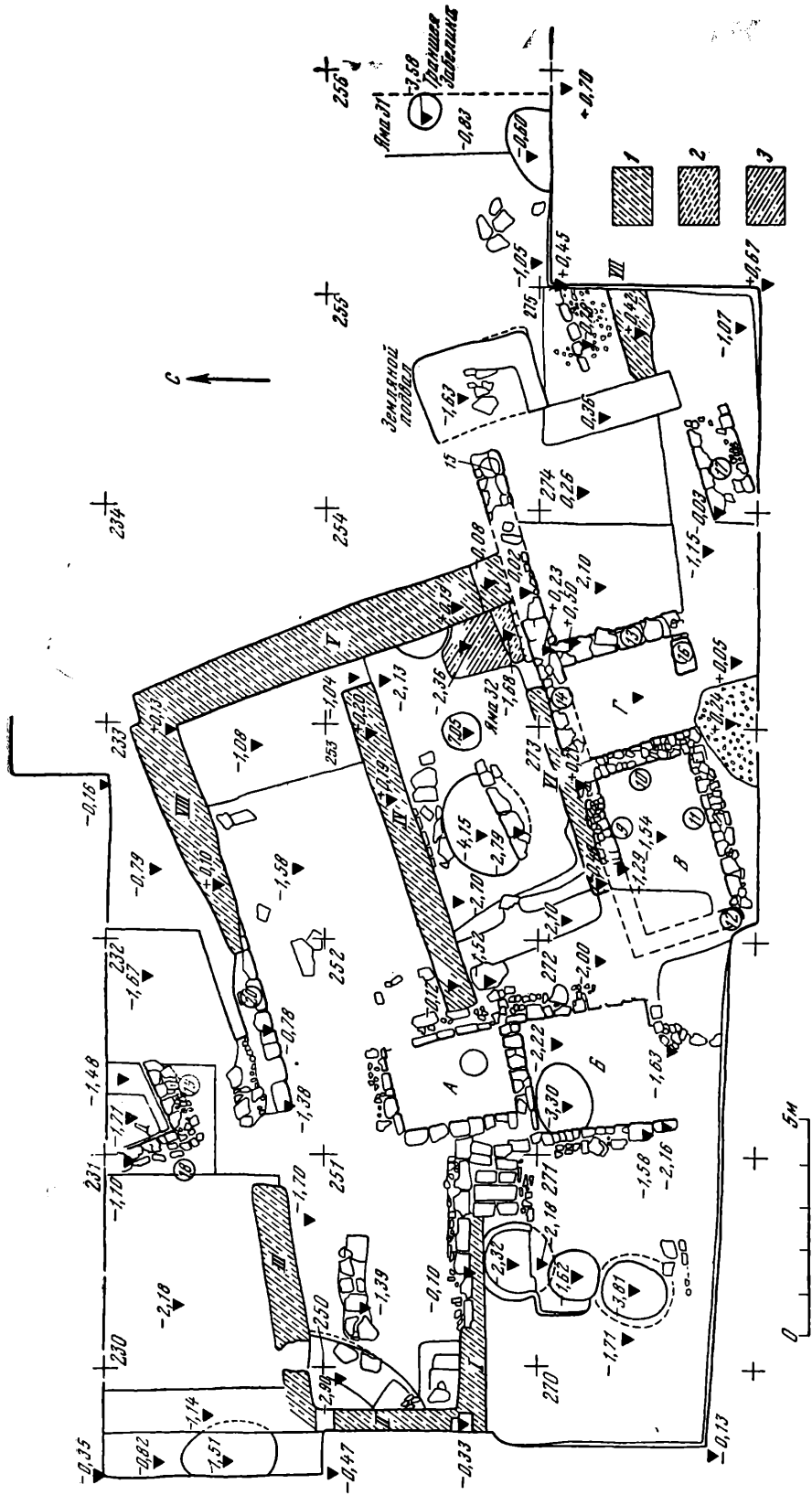
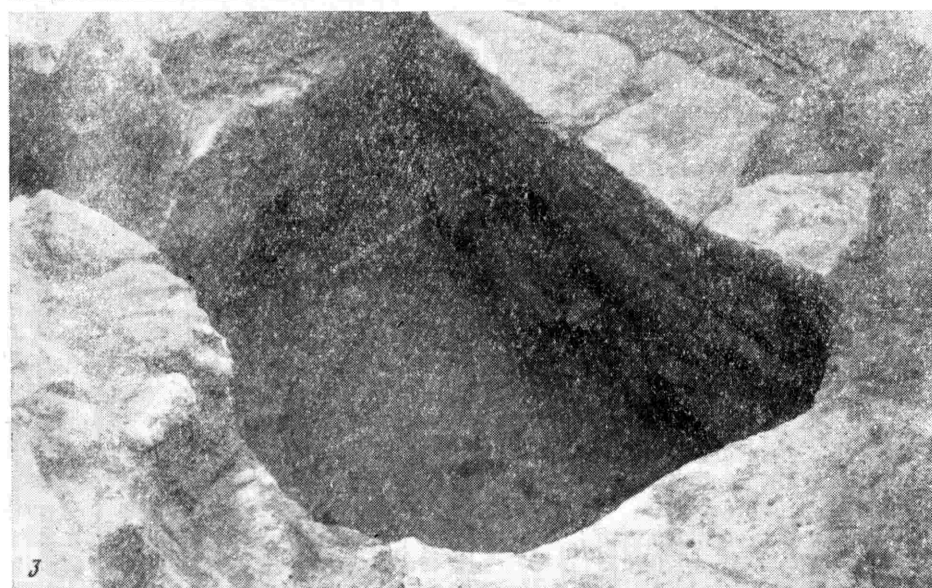
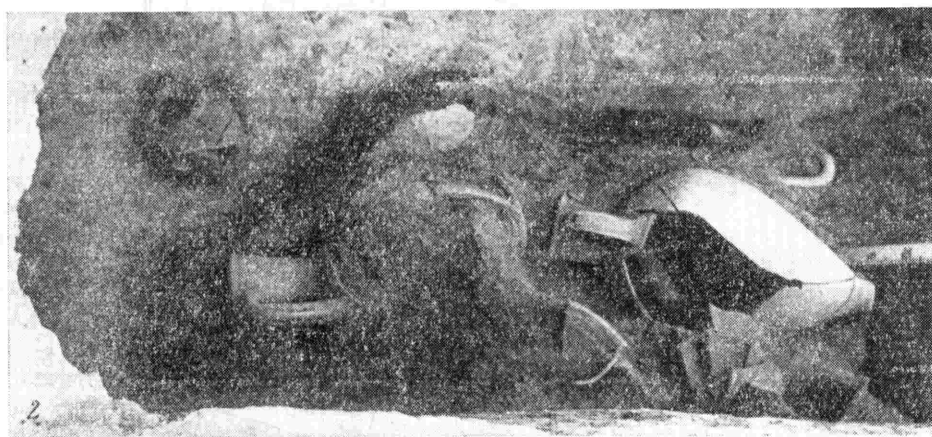

Рис. 1. План строительных остатков на западных квадратах раскопа Е₃ (1973—1975 гг.)

1 — слоевые фундаменты; 2 — трамбовка; 3 — полвка

Рис. 2. Строительные остатки

1 — общий вид центральной части раскопа 1975 г.; **2** — амфоры, обнаруженные при раскопках круглого грунтового сооружения; **3** — круглое грунтовое сооружение

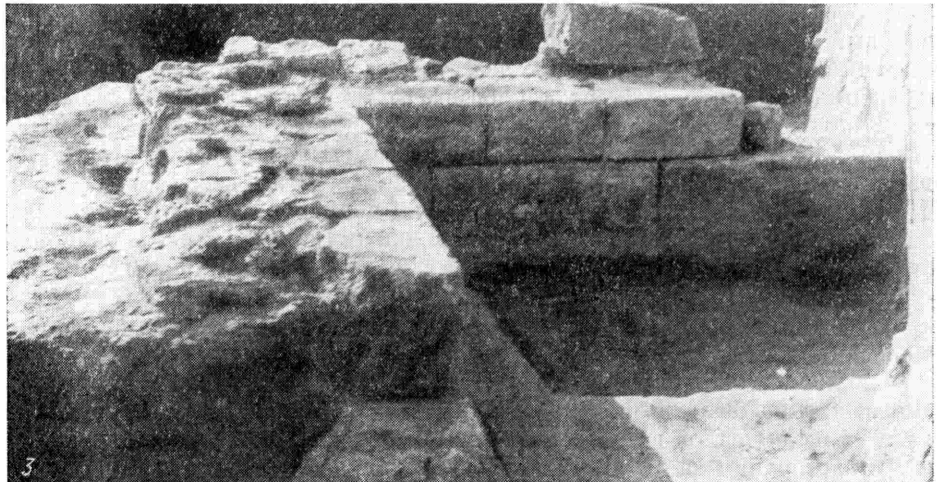
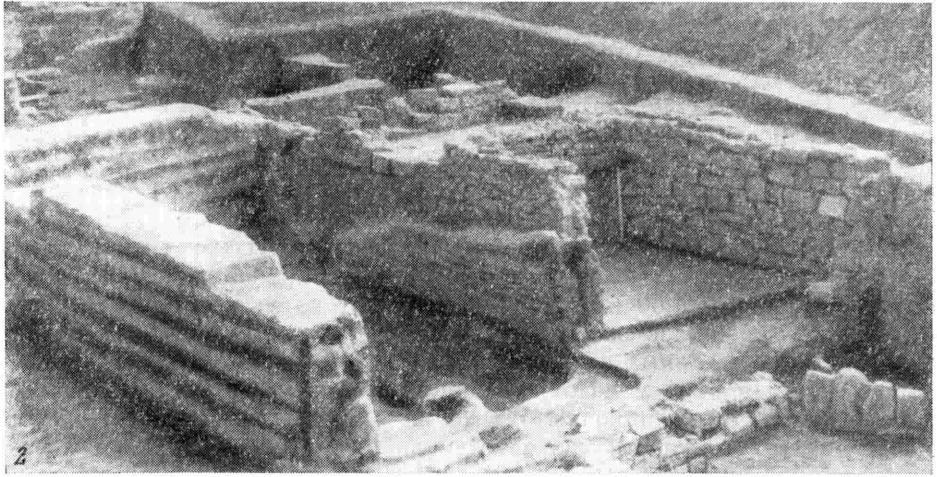
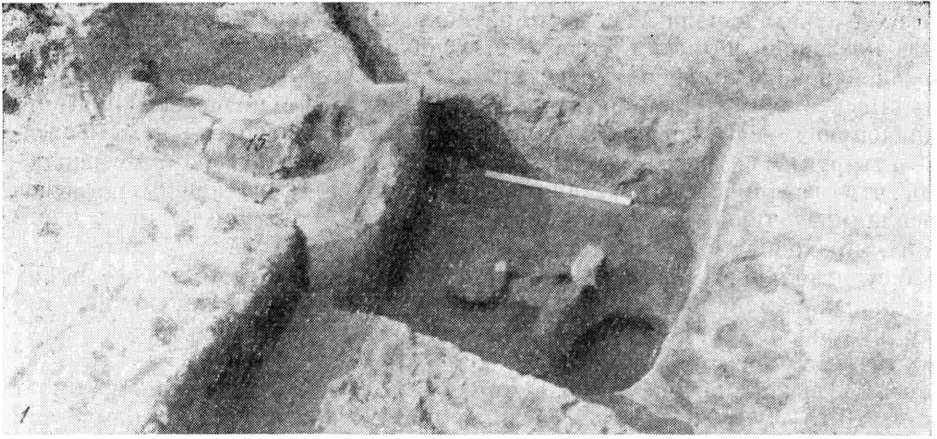

Рис. 3. Строительные остатки

1 — грунтовой подвальчик; 2 — общий вид строительных остатков, раскрытых в 1975 г. на южных квадратах; 3 — остатки каменных стен подвала Д

хиосской ольпы начала V в. до н. э., покрытые черным лаком ручки киликов последней четверти V в. до н. э., обломок стенки килика с чернофигурной росписью (рис. 4, 3), серия маленьких медных «дельфинчиков». Весь этот материал позволяет заключить, что по своему прямому назначению яма 31 перестала использоваться, вероятно, в конце последней четверти V в. до н. э. и была засыпана бытовым мусором. Не исключено, что засыпка ямы связана с какими-то производившимися здесь перепланировочными работами, возможно, с устройством на этом месте улицы, проходившей с востока — северо-востока на запад — юго-запад.

К строительным остаткам IV в. до н. э. относятся стены (15 и 20) подвальных помещений, принадлежавшие, как можно предположить, одному зданию, и яма 32, выявленная восточнее уже рассмотренной землянки (рис. 2, 1).

Яма 32 выкопана в материке. Ее горловина, почти круглая в плане, имеет диаметр 0,75—0,80 м. Глубина ямы 4,40 м. Стенки полого расширяются к плоскому дну овальной формы (поперечник с востока на запад 1,78 м, с севера на юг — 2,00 м). Верхняя часть ямы (на глубину 0,63 м) оказалась пустой. Ниже шел глинистый слой, содержащий значительное количество бытовых камней, обломки амфор и различных сосудов, битую черепицу. Основная часть материала из ямы 32 датируется IV в. до н. э., хотя встречались отдельные керамические обломки V в. до н. э. Из находок специального внимания заслуживает прекрасно сохранившаяся аттическая терракотовая статуэтка рубежа IV—III вв. до н. э., изображающая «педагога с учеником» (рис. 4, 7).

Стена 15 сохранилась на протяжении 5 м. Ее фасы сложены из плит известняка с довольно грубо обработанными поверхностями. Сохранившаяся высота стены 1,60 м. Подошва ее лежит на материке. Эта стена, имеющая направление с востока — северо-востока на запад — юго-запад, разделяла два подвальных помещения. Помещение, примыкавшее к стене 15 с севера, полностью уничтожено при производившейся здесь в конце IV в. до н. э. перепланировке. В смежном южном помещении уцелел устроенный на поверхности материка глинобитный пол. В глинистых напластованиях, лежавших выше пола, найдены литая медная ольвийская монета 390—350 гг. до н. э. (рис. 4, 5)³ и частично поврежденный чернолаковый канфар последней четверти IV в. до н. э. с накладной росписью. Кроме того, при раскопках этих напластований обнаружены обломок ручки синопской амфоры с клеймом и медная пантикапейская монета 330—315 гг. до н. э.

Возможно, тому же сооружению, к которому относилась стена 15, принадлежала и стена 20, выявленная ниже основания слоевого фундамента VIII, о котором речь пойдет ниже. Работами 1975 г. эта стена открыта на высоту 0,82 м, ее сохранившаяся длина (в пределах исследованной части) 5,5 м. Сложена стена из больших блоков, прямоугольных по фасаду (рис. 2, 1). Кладка однорядная, что позволяет определить стену 20 как стену подвального помещения. Ее ориентировка аналогична ориентировке стены 15.

Сооружение, включавшее стены 15 и 20, выделялось значительными размерами. Оно было возведено в IV в. до н. э., причем при устройстве его глубоких подвалов все более ранние строительные остатки и культурные напластования на этом участке были удалены: от построек предшествующего времени сохранился (западнее стены 15) лишь фрагмент слоевого фундамента VI, расположенного с востока — северо-востока на запад — юго-запад, т. е. примерно в том же направлении, что и указанная стена. В конце IV в. до н. э. сооружение со стенами 15 и 20 уже не функционировало, его наземные части были полностью разобраны, в значительной части были выбраны и стены его подвальных помещений. В течение первой четверти III в. до н. э. эта территория, по-видимому, была свободна от застройки. Примерно на рубеже первой и второй

Рис. 4. Вещевые находки раскопа Е₃ (1975 г.)

1 — верхняя часть расписной ойнохои; 2 — свинцовая штампованная фигурка крылатой Артемиды; 3 — обломок стенки чернофигурного киллика; 4 — костяная пластинка; 5 — медная литая монета; 6 — медный литой асс; 7 — терракотовая статуэтка

четвертей III в. до н. э. здесь были заложены монументальные слоевые фундаменты (IV, V, VIII), принадлежавшие зданию значительных размеров, наземные части которого не сохранились.

В северо-западной части раскопа, где работы были завершены на уровне 1,90 м от современной поверхности, выявлен культурный слой последней четверти V в. до н. э., в значительной степени разрушенный глубоким (до 1,30—1,40 м) прокопом с мешаным материалом V—IV вв. до н. э. В числе находок, извлеченных из этого разрушенного слоя, наряду с обломками амфор хиосских (пухлогорлых и IV в. до н. э.), лесбосских и фасосских, встречались обломки гераклейских амфор, причем один из них (горла) — с клеймом. Интересна обнаруженная в этом слое костяная пластинка с надписью ΕΠΙΚΡΑΤΗΣ (рис. 4, 4).

Севернее стены 20 открыты остатки стен (18 и 19) каменного подвала Д из прекрасно обработанных блоков известняка (рис. 3, 3). В пределы раскапываемой площади попал юго-западный угол подвала. Ориентировка осевой линии его южной стены (19) примерно совпадает с направлением стен 15, 20 и слоевых фундаментов IV и VIII. От стены 19 сохранился отрезок длиной 1,70 м. Западная стена (18) в пределы исследованного участка попала на протяжении 1,60 м, северный ее конец уходит в борт раскопа. Сохранились два нижних ряда кладки и часть глинобитного пола в углу, образованном стенами 18 и 19. Котлован для подвала был вырыт в культурных отложениях V в. до н. э., однако позднее эти отложения были полностью разрушены примерно до уровня пола подвала. Очевидно, это произошло в то время, когда рассматриваемая постройка прекратила свое существование и была разобрана. Из разрушенного культурного слоя V в. до н. э. происходят изготовленная из свинцовой пластинки фигурка крылатой Артемиды (рис. 4, 2) и литой асс третьей четверти V в. до н. э. (рис. 4, 6) с сохранившимся на нем остатком ткани, в которую он, по-видимому, был завернут. Керамический материал, найденный в напластованиях глинобитного пола подвала, невыразителен. Он позволяет предварительно отнести время сооружения подвала к концу III или началу II в. до н. э. Обломок венчика краснолаковой чаши I в. до н. э., найденный в месте выборки стены 19, дает основание говорить, что к этому времени сооружение в значительной степени было разобрано.

На нижних квадратах участка 1975 г., кроме слоевого фундамента VII и стены 17, которые пока можно лишь суммарно датировать периодом эллинизма, были раскрыты остатки каменной постройки с двумя помещениями (В и Г), ориентированной длинной осью с востока—северо-востока на запад—юго-запад (рис. 3, 2). Помещение В размерами 2,15 × 3,70 м было подвальным. Его северо-западный угол оказался разрушенным. В остальной части стены помещения В сохранились на высоту 1,60—1,70 м. Котлован для сооружения этого подвала был вырыт в культурном слое (при этом оказался частично срезанным слоевой фундамент VI) и доведен до уровня полевки, служившей полом подвала. Стены подвала В сложены из плохо обработанных блоков и плит известняка различного размера. В грунте, заполнявшем этот подвал, были найдены обломки «мегарских» чаш, части различных кухонных сосудов, обломки буролаковой чаши II в. до н. э. с витой ручкой. Для датировки засыпи рассматриваемого подвала большое значение имеют найденные на разной глубине обломки лягиноса с белой обмазкой, датированного второй половиной II в. до н. э.

К востоку от подвала В располагалось наземное помещение Г (2,25 × 2,50 м). От его стен сохранились лишь нижние ряды кладки. Из культурных напластований, перекрывавших остатки помещения Г, были извлечены обломки амфор, сероглиняной посуды (в частности, края рыбных тарелок с желобками по краю венчика), незначительные обломки чернолаковых сосудов, обломок края позднеэллинистической буролаковой

чаши, а также терракотовая статуэтка Пана, играющего на сиринге. Возможно, что к помещению Г с востока примыкало еще одно помещение, входившее в тот же строительный комплекс, но его стены оказались полностью разрушенными.

Таким образом, в результате работ 1975 г. установлено, что на исследованной части городской территории интенсивное строительство велось по крайней мере со второй половины VI до II в. до н. э. Хотя на протяжении столетий сооружения здесь подвергались коренным перестройкам, осевые линии различных построек имели примерно одинаковую ориентировку, по-видимому совпадающую с основным направлением существовавших здесь улиц. Характер строительных остатков, выявленных в центральной части участка и относящихся к рубежу второй и третьей четвертей III в. до н. э., в настоящее время точному определению не поддается. Едва ли, однако, они принадлежали жилым или хозяйственным сооружениям. Вернее предположить, что эти здания имели общественное назначение. Что касается постройки с помещениями В и Г и дома, включающего подвал Д, то оба эти сооружения могли быть и торговыми, и жилыми.

¹ Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период. — СА, 1975, № 2, с. 194 сл.

² Cook R. M. Fikellura Pottery. — ESA, XXXIV, 1933—1934, p. 15, pl. 5, 6; CVA, Deutschland, 17, 1959, Altenburg I, Tabl. 10—12.

³ Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.—IV в. н. э.). Автореф. докт. дисс. Л., 1969, с. 12. Согласно А. Н. Зографу (Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, с. 124), эти монеты относятся к концу IV в. до н. э.

В. А. ЛАТЫШЕВА

РАСКОПКИ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ МАСЛИНЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В последние годы отряд Харьковского университета Северо-Крымской археологической экспедиции Института археологии АН УССР ведет раскопки трех античных поселений в Северо-Западном Крыму. Поселения вытянулись цепочкой вдоль берега Каркинитского залива к северо-востоку от с. Межводное (Черноморский р-н Крымской обл.) на расстоянии 7,5 км (Гроты), 13 км (Скалистое), 21 км (Маслины) от него (рис.1).

Главным объектом раскопок является поселение, получившее название «Маслины»¹. Оно неоднократно подвергалось обследованию², но систематические раскопки на его территории ведутся с 1972 г.³

Поселение лежит на берегу небольшой бухты. Оно протянулось с запада на восток примерно на 300 м. На западе оно ограничено низкой песчаной балочкой, часто затопляемой морем; на востоке приблизительной границей может служить ныне заброшенный карьер по разработке камня; с юга и юго-востока, где простирается равнинная степь без заметных ориентировок, условной, но довольно точной границей поселения служит грунтовая дорога⁴. Таким образом, площадь древнего поселения колеблется в пределах 1—1,2 га.

Мощность и степень насыщенности культурного слоя не одинаковы. Наибольшей мощностью (до 1,5 м), обилием строительных остатков отличается культурный слой западной части поселения. Здесь в береговом обрыве море обнажило значительные россыпи камня, торцы каменных

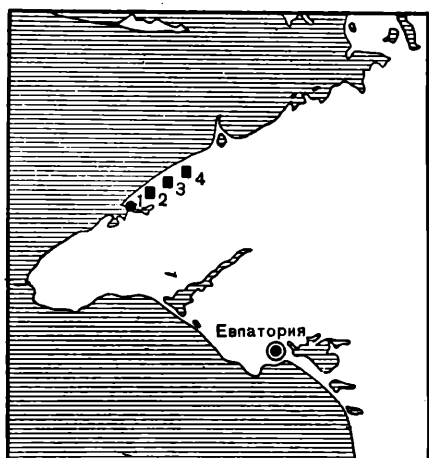

Рис. 1. Схема расположения поселений античного времени в Северо-Западном Крыму

1 — Межводное; 2 — Гроты; 3 — Скалистое; 4 — Маслины

света. Длина отдельных камней достигает 2 м при ширине 0,80 м и высоте 0,40—0,50 м. С особой тщательностью обработана внешняя поверхность блоков, оформленная четко выраженным рустом (рис. 3). Такая техника обработки камня обнаруживает манеру греческого мастера. Она применялась как в крупных центрах Северного Причерноморья⁵, так и на менее значительных поселениях — например, Чайка⁶ и Беляус⁷, представляющих более близкие аналогии нашему памятнику в территориальном отношении. Кроме лицевой поверхности блоков, тщательно обработаны и все стыкующиеся грани. На камнях хорошо заметны следы инструмента, которым производилась подтеска; на многих из них видна отбитая древним каменотесом линия, по которой клали блоки следующего ряда. Метки каменотесов на блоках не обнаружены. Со стороны, обращенной внутрь здания, камни кладки обычно не имеют правильных очертаний, но их оборванные края искусно дополнены до необходимой ширины камнями поменьше, положенными на глине.

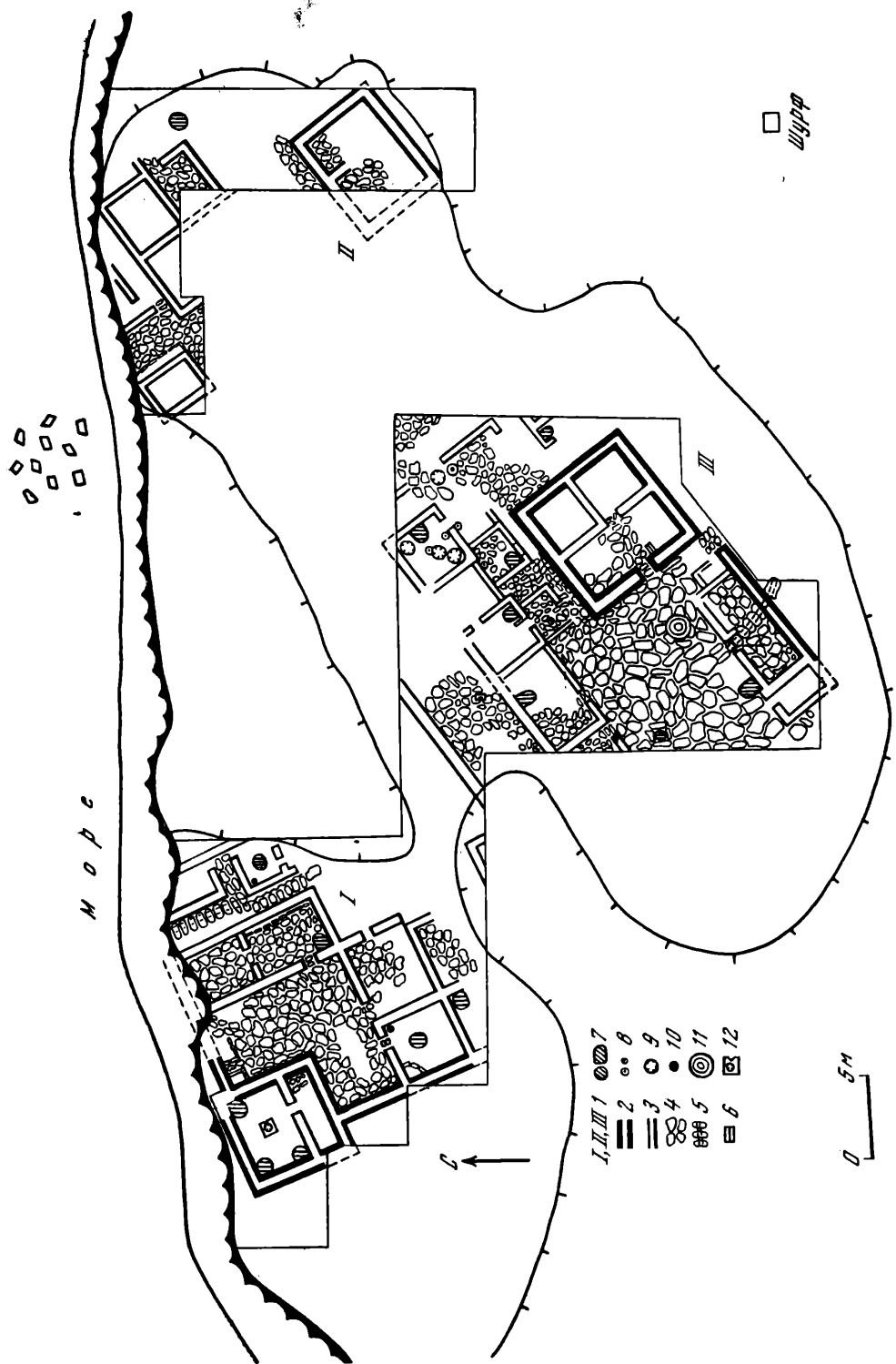
Кладку здания подстилал фундамент, опущенный ниже уровня пола на 0,60 м. Он сложен из необработанных камней различной величины. Поверх фундамента идет цоколь в виде ряда хорошо отесанных блочных плит, которые с внутренней стороны здания выступали по отношению к вышележащей кладке на 0,20 м. На эту ступеньку, по всей вероятности, настилались деревянные плахи пола. На плиты цоколя положен ряд тщательно отесанных блоков с гладким фасом. Поверх этого ряда шли рустованные блоки (сохранилось два ряда). Максимальная высота, на которую уцелели стены, — 1,50 м. Выше стены, по всей вероятности, были разобраны, и блоки использованы для какого-то другого, более позднего строительства.

Блоки положены насухо, без связующего раствора. Прочность кладки обеспечивалась прежде всего тщательностью обработки стыкующихся поверхностей, позволявшей подгонять камни вплотную друг к другу. Применялись, надо полагать, и металлические конструкции: в торцовой части одного из блоков выбит прямоугольный пирон для металлического штифта. Блоки уложены в шахматном порядке, так что швы нижнего ряда перекрыты блоками верхнего. В этом отношении интересна кладка южного угла здания, где сохранились три ряда камней: два блока второго ряда, образующие прямой угол, в третьем ряду перекрывались

стен, горизонтально лежащие плиты вымосток, остатки водостока в виде плит, поставленных на ребро, пятна очажных и хозяйственных ям, большое количество фрагментов керамики, костей животных и других культурных остатков. На исследовании этой части поселения и было сосредоточено внимание экспедиции.

За четыре года раскопок (1972—1975) на трех раскопах вскрыто около 1000 кв. м. Обнаружены остатки трёх монументальных сооружений, отличающихся размерами и техникой кладки стен (рис. 2).

Наиболее интересен строительный комплекс на южной окраине поселения (рис. 2, III). Основным сооружением комплекса было квадратное в плане здание площадью 64 кв. м из огромных блоков пантического известняка, почти точно ориентированное углами по странам

М о р с

Штырь

- I, II, III 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

0 5M

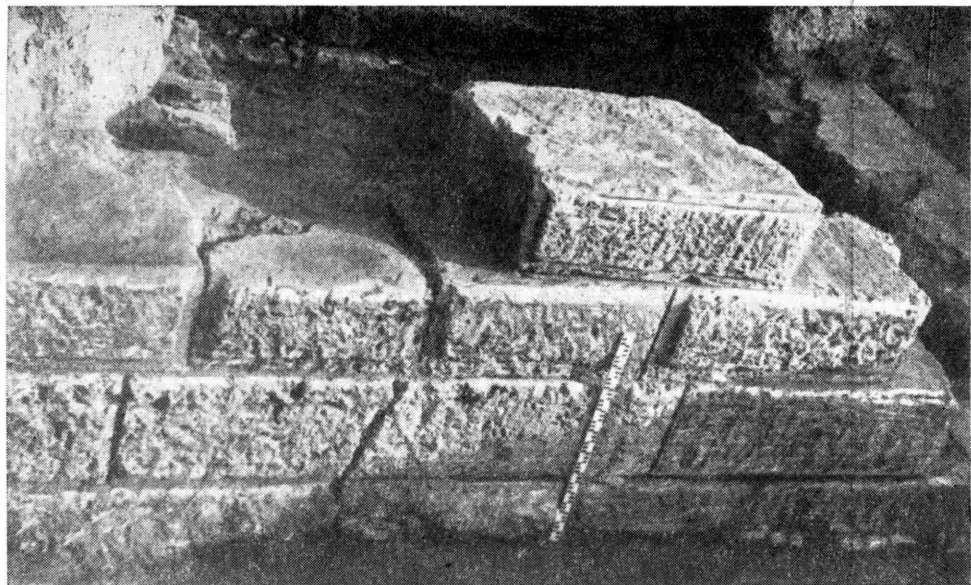

Рис. 3. Стена южной башни

одним монолитом. Такая перевязь в наиболее ответственных узлах кладки, несомненно, повышала прочность всей конструкции здания в целом.

В юго-западной стене был вход в здание. Ширина дверного проема 1 м. Обработка камней, ограничивавших этот проем, явно рассчитана на крепление деревянных конструкций входа. Четко определяется место дверного засова — в камнях кладки тщательно вырублено горизонтальное ложе, прямоугольное в сечении, по которому ходил массивный деревянный брус.

Внутри здания, справа от входа, сохранились две каменные ступеньки, позволяющие предполагать существование второго этажа.

Монуументальность всей постройки — ее размеры, использование в кладке огромных блоков, фундамент, второй этаж, а также квадратный план здания, его пограничное положение на южной окраине поселения — все это дает основание предположить, что здание являлось сооружением типа башни, защищавшим поселение со стороны степи.

Однако назначение здания не исчерпывалось одними оборонительными функциями. Башня одновременно была и комплексом жилых помещений, предназначенных, однако, не для рядовых обитателей, а для представителя высокого социального ранга. Об этом свидетельствует, помимо техники строительства, разнообразный и часто неординарный вещевой материал, найденный в башне. Особенно богатым оказалось помещение в восточном углу здания. Площадь его 3×3 м. На уровне пола не замечено ни следов вымостки, ни глиняной обмазки: по-видимому, пол был деревянным. Значительная часть помещения была занята слоем пожараща мощностью до 0,50 м. Из этого слоя происходит большое количество чернолаковой посуды, в том числе почти целый канфар, орнаментированный светлой глиной (рис. 4, 1), шаровидный сосуд с ручкой в виде гераклова узла, чернолаковый кувшинчик типа лекифа (рис. 4, 2). В этом же помещении найдено восемь терракот. Из них отметим две статуэтки, которые воспроизводят сидящего голубя⁸; две, с прекрасно сохранившейся полихромной раскраской, передающие образ Эрота-Танатоса⁹; еще две, относящиеся к хорошо известному кругу статуэток танагрского типа (рис. 5)¹⁰. Здесь же найдены серебряная оковка какого-то предмета с изображением богини Деметры и разнообразный бытовой материал —

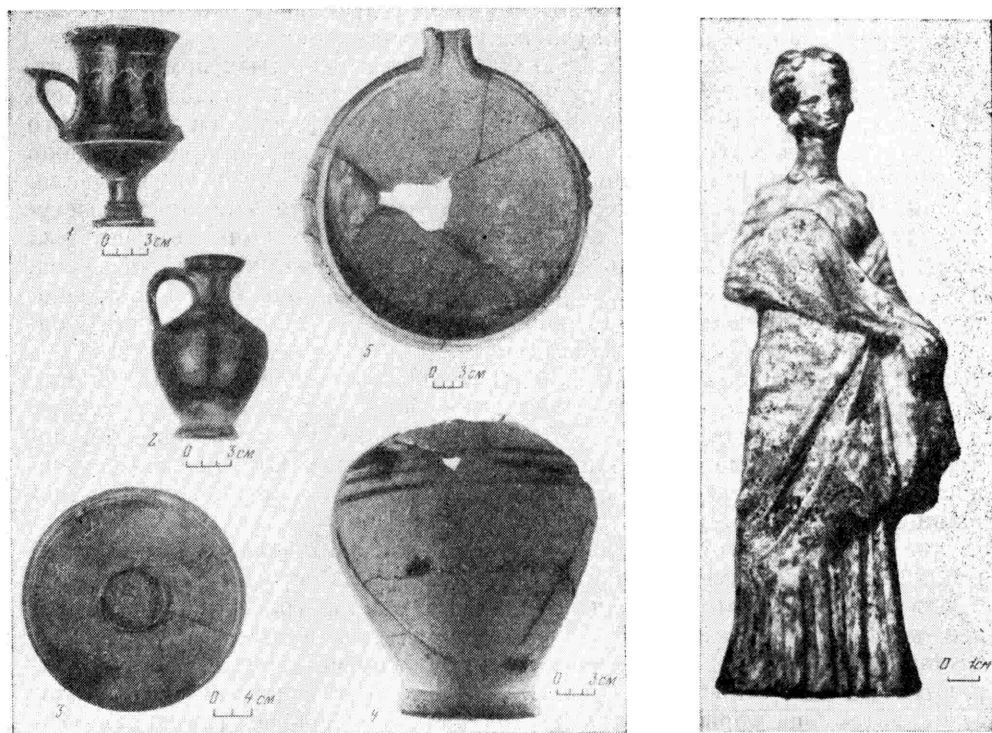

Рис. 4. Керамика

1 — чернолаковый канфар; 2 — чернолаковый лекиф; 3 — рыбное блюдо; 4 — кувшин; 5 — лутерий

Рис. 5. Терракота

бронзовое круглое зеркало, бусы из синей пасты, часть светильника, много костяных проколов, глиняные пряслица, шесть глиняных грузил пирамидальной формы и более 30 грузил из плоских камней с просверленными отверстиями, пять бронзовых монет очень плохой сохранности. Наконец, в этом же помещении при расчистке горелого слоя найдены обгоревшее зерно¹¹ и глиняная модель зерна.

Характер залегания находок — не только на уровне пола, на одном горизонте, но и непосредственно над ним — заставляет предположить, что значительная часть вещей попала сюда при разрушении здания, упав со второго этажа, где могли находиться жилые помещения.

К зданию башни со всех сторон, кроме внешней, юго-восточной, примыкал большой двор, вымощенный камнем (рис. 2, III). На его территории, пока еще не полностью исследованной, открыто по десяти помещений, имевших одинаковую с башней ориентировку, но значительно отличавшихся от нее и размерами, и техникой строительства, и характером материала. Площадь каждого из открытых помещений колеблется в пределах от 9 до 15 кв. м, стены имеют толщину 0,45—0,60 м, все они без фундамента и сложены из необработанного (со следами лишь некоторой подтески) камня различной величины, положенного на глине. Кладка всех этих стен, как правило, не имеет четких горизонтальных рядов.

Из вещевых находок в помещениях преобладает простая хозяйственная посуда — амфоры, главным образом херсонесского и синопского производства, кувшины, в том числе с красными полосами по тулову (рис. 4, 4), лутерий (рис. 4, 5), миски, кастрюли, сковородки, лепная керамика различных типов. Почти в каждом помещении найдены остатки очагов. Перекрытием одного из очагов служил массивный противень из

глины грубого замеса с бортиком по краям, в другом случае для этих целей использовали черепичный солен.

Характерной принадлежностью большинства открытых помещений являются каменные ступы для дробления зерна. Здесь же найдены каменные и керамические (из амфорных ножек) песты и терочки для мелкого ручного помола. Отсюда происходит и верхний камень от прямоугольной зернотерки, тип которой широко известен на Боспоре¹² и в Поднепровье¹³. Таким образом, зерновое хозяйство в этом комплексе выступает как основное. Надо полагать, что и ямы, обнаруженные в некоторых помещениях, использовались прежде всего как хранилища для зерна. Так, в одном помещении обнаружены три ямы, опущенные в материковый суглинок ниже уровня глинобитного пола на 1,20 м; горловина одной из ям сверху была обложена камнем.

В качестве зернохранилища могли использоваться и пифосы, обломки которых (не менее чем от четырех сосудов) найдены на территории двора. На некоторых венчиках есть метки. В 1975 г. встречен один почти целый пифос: не сохранился лишь край венчика, отбитый еще в древности, тогда же образовались и трещины в корпусе, скрепленные свинцовыми скобками.

Во дворе был открыт колодец. Его горловину образует круглый в плане камень диаметром 1,40 м и толщиной 0,28 м, имеющий в центре отверстие диаметром 0,5 м и лежащий на вымостке (рис. 6). На внутренней поверхности горловины — глубокие борозды, протертые веревками. Стенки колодца выложены рваным камнем и по мере углубления расширяются. Кладка тянется на глубину до 3,22 м от верхней точки горловины, затем она обрывается, и до дна идет материковая глина. Дно колодца находится на глубине 3,82 м от устья и представляет собой песчаный грунт; диаметр дна 1,60×1,85 м¹⁴.

На территории двора сохранился водосток, по которому излишки воды отводились за пределы участка. Он тянулся на юго-восток под полом одного из помещений и под юго-восточной стеной, ограничивавшей весь комплекс.

Описанные строительные остатки — мощный двор с расположенными на его территории помещениями, колодцем, водостоком, по всей вероятности, входили в одну систему хозяйственных построек, тесно связанных с башней и обслуживавших ее. Все они лежат на одном горизонте, имеют единую ориентировку, содержат материал одного времени (III—II вв. до н. э.).

Есть основания предполагать, что в западной части поселения существовало четыре подобных комплекса. Кроме описанной южной башни, аналогичный по планировке и назначению башенный комплекс обнаружен на западной окраине поселения (рис. 2, I). И здесь выявлены остатки монументального сооружения типа башни с примыкавшим к ней мощным двором, на территории которого были открыты сравнительно небольшие помещения из рваного камня с очагами, ступами, хозяйственной посудой. Можно отметить лишь некоторые особенности западной башни: она немного меньше по площади (6,5×6,5 м), сложена из крупных, но не рустованных блоков, фундамент ее более мощный — 0,80 м, что объясняется близостью моря и характером материкового грунта в этой части поселения — преобладанием намытого морем песка.

Еще одно монументальное здание на фундаменте, сложенное из крупных, тщательно отесанных блоков, обнаружено на востоке исследуемой части поселения (рис. 2, II). Это, надо полагать, восточная башня, комплекс которой пока еще не открыт полностью. Северная башня сейчас находится в море. Ее остатками могут быть крупные блоки со следами подтески, до сих пор лежащие в воде. Таким образом, западная часть поселения была укрепленной, в плане она приближалась к четырехугольнику с башнями на углах.

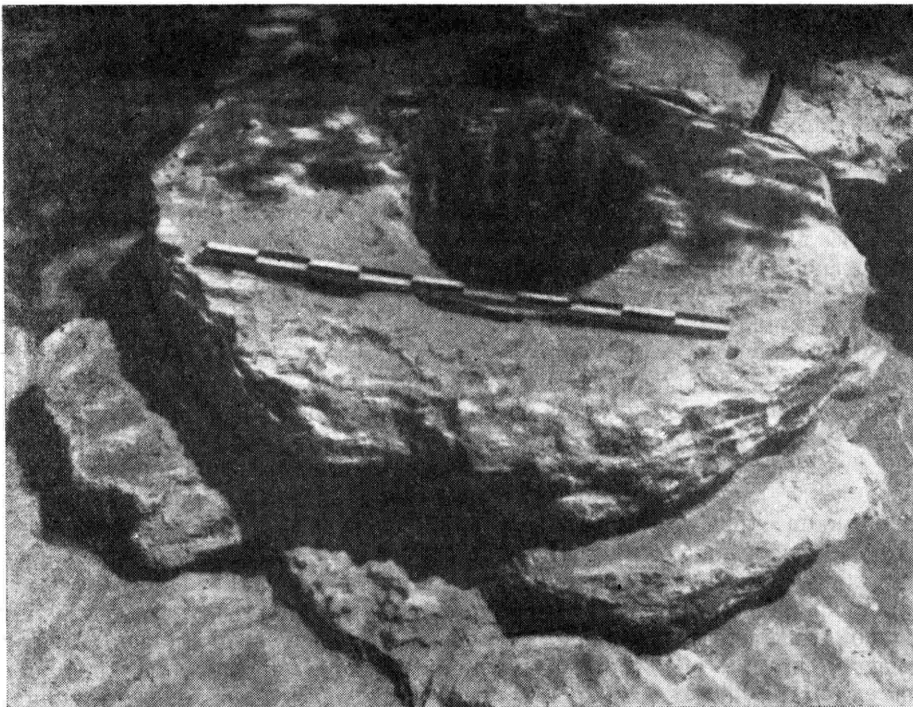

Рис. 6. Горловина колодца

Совсем иной характер носит восточная часть поселения. Здесь нет не только башен, но вообще сооружений из камня. Основным типом жилых построек в этой части поселения были землянки. Одна землянка в виде темного прямоугольного пятна длиной 5 м хорошо заметна в профиле берегового среза на фоне светлого материкового суглинка. Культурный слой здесь и тоньше, и беднее. Исследование его только начато, но уже сейчас можно предварительно заключить, что восточная часть поселения по характеру представляла собой селище, примыкавшее к укреплению.

Поселение возникло не ранее конца IV—начала III в. до н. э. Этим временем датируются три амфорных клейма из 115, найденных на поселении за четыре года раскопок, в том числе херсонесские клейма с именем астинома $\text{HP}\text{J}\text{O}\Delta\text{O}\text{T}\text{OY}^{15}$, в виде монограммы AE и с именем астинома Ксанфа (датируемое В. В. Борисовой концом IV — началом III в. до н. э.¹⁶, а Р. Б. Ахмеровым — первой половиной III в. до н. э.¹⁷). Материал, который можно было бы уверенно датировать IV в. до н. э., на поселении пока не обнаружен. Расцвет поселения, период наиболее активных торговых связей падает на III—II вв. до н. э. Этим временем датируется подавляющая масса керамических клейм. Весь остальной материал — амфоры, чернолаковая посуда, монеты — также хорошо укладывается в рамки III—II вв. до н. э.

Среди керамического материала особенно обилен импорт Херсонеса. Этому центру принадлежат $\frac{2}{3}$ всех клейм, найденных на поселении. Помимо тары, херсонесский импорт представлен и другими типами посуды — кувшинами, орнаментированными красными полосами по тулову; светлоглиняными лутериями со сливом; рыбными блюдами с плохим бурым покрытием; сероглиняными мисочками, покрытыми плохим жидким лаком, больше похожим на краску. На поселении найдены и бронзовые монеты херсонесской чеканки III в. до н. э.¹⁸

Значительную долю керамического материала составляет продукция Синопы: пифосы, амфоры и черепица. Примерно $\frac{1}{3}$ керамических клейм принадлежит синопским мастерским. Не исключено, что вся эта продукция поступала в Маслины не в результате непосредственных контактов с Синопой, а через Херсонес. Другие центры представлены всего четырьмя клеймами.

Материалы поселения свидетельствуют о том, что в III—II вв. до н. э. основными поставщиками вина, масла, столовой посуды, черепицы для поселений Северо-Западного Крыма были Херсонес и Синопа. Этот вывод вполне согласуется с картиной экономических и торговых отношений, которая вырисовывается благодаря раскопкам других памятников в Северо-Западном Крыму¹⁹.

Анализ керамического материала позволяет судить и о времени гибели поселения Маслины. Наиболее позднюю дату определяют синопские клейма хронологической группы VI, относящиеся ко второй половине — концу II в. до н. э.²⁰

Есть основания считать, что жизнь на поселении оборвалась внезапно, в результате военного нападения. Об этом свидетельствуют находки наконечников стрел и обильные следы пожара. У входа в южную башню, в горелом слое на уровне вымостки, был обнаружен скелет человека. Верхняя часть скелета обуглилась. Скорее всего это останки одного из защитников крепости. Поскольку он так и остался лежать у входа в башню, можно думать, что жизнь на поселении более не возродилась. Археологическая дата и обстоятельства гибели поселения Маслины хорошо согласуются с данными письменных источников, свидетельствующими о том, что II в. до н. э. — время наивысшей активности скифов в Крыму. Не исключено, что в материалах поселения Маслины отразился один из эпизодов борьбы Диофанта со скифами.

- ¹ Название древнего поселения по ближайшему современному населенному пункту — с. Владимировка — в данном случае не очень удобно, так как в прибрежной зоне, в радиусе 2,5—3 км от этого села, находятся три древних поселения. Место же самого северного из них известно среди жителей окрестных сел под названием «Маслины» из-за группы растущих здесь серебристых лохов, именуемых «маслинами».
- ² Шепинский А. О., Черепанова О. М. Пам'ятки античного часу на березі Каркінтської затоки. — Археологія, 1974, № 13, с. 63 сл.; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. канд. дисс. Л., 1971, с. 9.
- ³ Лагунева В. А. Раскопки поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. — АО 1972 г. М., 1973, с. 301; она же. Раскопки в Северо-Западном Крыму. — АО 1973 г. М., 1974, с. 298; она же. Раскопки поселений в Северо-Западном Крыму. — АО 1974 г. М., 1975, с. 212.
- ⁴ Контрольные шурфы, заложенные в 25 м к югу от дороги и непосредственно около нее, не имели культурного слоя.
- ⁵ Блаватский В. Д. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. — В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. II, ч. 2. М., 1948, с. 369.
- ⁶ Карасев А. Н. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. — АО 1965 г. М., 1966, с. 115.
- ⁷ Дашевская О. Д., Щеглов А. Н. Херсонесское укрепление на городище Беляус. — СА, 1965, № 2, с. 246 сл.
- ⁸ Аналогии см.: Терракоты Северного Причерноморья, ч. II. — САИ, вып. Г1—11, 1970, табл. 18, 2.
- ⁹ Аналогии см.: там же, ч. I, табл. 6, 3; 20, 5, 6; ч. II, табл. 5, 1; 10, 5; 13, 5.
- ¹⁰ Аналогии см.: там же, ч. II, табл. 14, 1—3, 5—7; 24, 1; 25, 3.
- ¹¹ Палеоботаническое исследование материала проведено З. В. Янушевич, выделившей следующие культуры: рожь сорно-полевая (*Secale cereale ssp. segetale Zhuk.*) и культурная (*Secale cereale L.*); итальянское просо, чумиза (*Setaria italica L.*); ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare L.*) и голозерный; пшеница карликовая (*Triticum monostachyum Host.*) и однозернянка (*Triticum monococcum L.*).
- ¹² Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, № 85, 1958, с. 88.
- ¹³ Либеров П. Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. — В кн.: Материалы по истории земледелия в СССР, т. I. М., 1952, с. 88, рис. 5; Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. — МИА, № 64, 1958, с. 153, рис. 22, 1.

- ¹⁴ Расчистка колодца проведена при участии сотрудников ЛОИА под руководством К. К. Шилика.
- ¹⁵ *Азмеров Р. Б.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4, с. 106, табл. I, 4; *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, XI, 1974, с. 116, № 50—52.
- ¹⁶ *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса..., табл. X, 12, 13; XI, 1, 2.
- ¹⁷ *Азмеров Р. Б.* Об астиномных клеймах Херсонеса, с. 106, табл. I, 12.
- ¹⁸ Расчистка монет произведена в лаборатории ЛОИА, определение А. М. Гилевич.
- ¹⁹ *Наливкина М. А.* Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма (Жеркинитида и Калос Лимен в V—II вв. до н. э.). — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 188 сл.; *Василенко Б. А.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.). Автореф. канд. дисс. М., 1972.
- ²⁰ *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 133; *Василенко Б. А.* К вопросу о датировке синопских клейм. — СА, 1971, № 3, с. 246 сл.

А. Н. ЩЕГЛОВ

ТАРХАНКУТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1969—1975 ГГ.

После завершения общих региональных исследований в Северо-Западном Крыму (1959—1967 гг.) Тарханкутская экспедиция приступила к всестороннему и детальному исследованию крупного археологического комплекса (поселения и некрополя Панское I), расположенного в северной части подвластных Херсонесу земель, на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова, между Ярылгачской бухтой и соленым озером Панское.

Поселение Панское I лежит на северо-восточном берегу лагуны, отшнурованной от оз. Панское узкой песчаной пересыпью вторичного происхождения. В 100—200 м к северо-западу и северу от него проходит современная береговая линия моря. Неподалеку от западного края поселения начинается широкая (до 150—200 м) песчаная пересыпь, отделяющая мелководное оз. Панское от Ярылгачской бухты. К востоку от поселения сохранились следы древней дороги, которая, начинаясь у берега бухты, шла в глубь суши к юго-востоку. Непосредственно за дорогой, к северо-востоку от поселения, расположена компактная группа курганов, насчитывающая более 50 видимых на поверхности насыпей высотой от 0,3 до 2 м.

Поселение в современном состоянии занимает площадь около 4 га. Однако часть его подтоплена в результате повышения уровня воды в оз. Панское. В процессе повышения уровня воды и образовалась упомянутая выше лагуна, размывшая и затопившая западную сторону поселения. На пересохшем дне лагуны зафиксированы остатки по меньшей мере трех почти полностью разрушенных усадеб. На остальной поверхности поселения отмечены следы примерно 12 крупных зданий, большинство из которых имело квадратные очертания и одинаковые размеры (около 35×35 м). По форме, размерам и наличию легких западин в центре можно было предполагать, что по планировочной структуре эти постройки близки типичным сельским усадьбам, известным на хоре Херсонеса. Планировка поселения регулярная, ее оси направлены с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток, а все строения ориентированы углами по странам света.

Курганная группа занимает почти прямоугольный участок площадью около 4 га (170×235 м), ориентированный в длину с северо-запада на юго-восток. Могильник окружала ограда. Ее следы в виде едва заметных валиков сохранились с северо-западной и юго-восточной сторон участка. Курганные насыпи располагаются гнездами, по нескольку курганов, так, что их полы сливаются в основании. В то же время размещение гнезд насыпей и отдельных курганов подчинено направлению главной оси участка: они вытянуты рядами с северо-запада на юго-восток. Наиболее крупные курганы сосредоточены в северо-западной и центральной частях некрополя.

Взаимосвязь планировочной структуры поселения, курганного могильника и разделяющей их дороги очевидна. Ориентировка планировочных осей под углом $45 \pm 10^\circ$ к линии север—юг свойственна системам земельных наделов и крупным эллинистическим сельским усадьбам в окрестностях Херсонеса¹ и подвластной ему Калос Лимен², наделам и усадьбам на остальной херсонесской хоре в Северо-Западном Крыму³, а также усадьбам на хоре европейского Боспора⁴. Можно предполагать, что такая ориентировка систем и планировки сельских поселений вообще была распространена на хоре причерноморских государств, по крайней мере в IV—II вв. до н. э., а может быть, и в более раннее время.

Планировочная структура описываемого памятника, выявленная еще до раскопок, дала возможность предположить, что он представляет собой практически полностью сохранившийся единовременный крупный археологический комплекс — остатки аграрного поселка, его некрополь и следы землепользования. Собранные в процессе разведок материалы показывали, что хронологически памятник укладывается в период, когда территория Северо-Западного Крыма входила в состав хоры Херсонеса, а то обстоятельство, что полностью отсутствовали следы какого-либо предшествующего или последующего поселения, позволило предварительно заключить, что памятник этот однослойный. Материалы разведок свидетельствовали также о том, что поселение и некрополь существовали, по-видимому, относительно недолго и что жизнь на поселении оборвалась внезапно. Это давало возможность рассматривать поселение и некрополь в целом как единый крупный закрытый археологический комплекс (что и подтвердилось в дальнейшем раскопками).

Достаточно хорошо известно, что крупные эллинистические сельские усадьбы, чаще всего укрепленные, типичны для греческого мира вообще⁵. Однако во всех известных случаях они возводились в отдалении одна от другой, каждая на своем земельном участке, с которым она и составляла единое хозяйство. Особенно показательна в этом отношении для восточной (причерноморской) колонизации хора Херсонесского государства, а для западной — хора Метапонта в Лукании⁶. Но разбросанность укрепленных и неукрепленных усадеб наблюдается и в других районах, например в Аттике⁷ или на Боспоре⁸. Здесь же, на поселении Панское I, такие типичные крупные усадьбы оказались сгруппированными в единый поселок с регулярной планировкой. Явление это пока уникально для античной археологии Средиземноморья и Причерноморья времени раннего эллинизма и предшествующего периода. Впрочем, не исключено, что на хоре Херсонеса это поселение было не единственным⁹. Возможно, что поселения такого рода при более детальном изучении хоры будут открыты и на земледельческой территории других государств Причерноморья.

Курганная группа на берегу Ярылгачской бухты была впервые описана П. Н. Шульцем в 1933 г., но материалы не публиковались. Расположенное рядом поселение открыто случайно в 1964 г. В 1965 г. Тарханкутская экспедиция обследовала комплекс и сняла схематический план поселения¹⁰. В 1966 г. участвовавшим в экспедиции К. В. Шишкиным по материалам аэрофотосъемки была дешифрована древняя дорога (и

другие в этом же районе), а затем в процессе разведок она была идентифицирована на местности и прослежена на протяжении до 2 км. В 1967 г. разведочные работы на поселении и могильнике проводили Донузлавская¹¹ и Тарханкутская¹² экспедиции. С 1969 г. Тарханкутская экспедиция начала планомерное исследование этого комплекса, продолжающееся и в настоящее время¹³.

Полевые работы подчинены следующим конкретным задачам: 1. Детальное разведочное обследование ближайших окрестностей комплекса для выяснения археологической ситуации в данном районе. 2. Палеогеографическое изучение района, сбор материалов для реконструкции экологических условий в древности. 3. Экспериментальные исследования, изучающие возможности применения различных методов для получения наиболее полной информации о памятнике до его раскопок, и археолого-геофизическая съемка поселения. 4. Параллельные раскопки поселения и некрополя.

Первые следы заселения изучаемой территории относятся к периоду финальной бронзы. Единичные находки этого времени в насыпях курганов античной эпохи давали возможность предполагать наличие поблизости остатков поселения. В 1975 г. такое поселение было обнаружено в 0,8 км к юго-западу от комплекса Панское I на берегу южного отрога Ярылгачской бухты. Разведочные раскопки на нем, проведенные М. Ю. Вахтиной, дали материал, относящийся к позднекатакомбному и, возможно, срубному времени (определение А. М. Лескова и В. С. Бочкарева). Поселение представляет интерес как единственный пока опорный пункт для датировки по археологическим данным участка кривой, которая отражает изменение уровня Черного моря во II тысячелетии до н. э., на этапе перехода от пика новочерноморской трансгрессии к максимуму фанагорийской регрессии. Можно констатировать, что у берегов Тарханкутского полуострова уровень Черного моря в позднекатакомбное время был ниже современного.

В период херсонесской колонизации Северо-Западного Крыма изучаемый участок был, очевидно, довольно густо заселен. Помимо известных здесь ранее поселений IV—III вв. до н. э. (Панское I, Панское II и Межводное), на северном берегу оз. Панское в 1972 г. Ю. С. Монахов нашел еще одно поселение (Панское III), подвергающееся интенсивной абразии. Заложенный на нем шурф показал, что это была, по-видимому, сравнительно небольшая отдельная усадьба, синхронная поселению Панского I и погибшая во время пожара. Возможно, следы еще одной такой усадьбы (строительный камень и керамика, в основном фрагменты амфор) обнаружены на дне озера, примерно в 0,8—0,85 км к юго-западу от поселения Панского I, во время дноуглубительных работ в 1973—1974 гг. Материал был поднят с глубины около 3 м. Он находился над поверхностью коренных пород и был перекрыт лиманными отложениями.

Палеогеографический отряд, используя как археологические наблюдения, так и специальные методы исследования (геоморфологическую и геофизическую разведки, бурение пересыпи и дна озера, локацию дна бухты, отбор образцов иловых отложений для палинологического, диатомового и радиоуглеродного анализов), получил материалы, свидетельствующие о серьезных изменениях ландшафта, окружающего поселение, за последние 2,3—2,5 тысячи лет. По-видимому, ко времени освоения этого участка, т. е. в IV в. до н. э., озера (Панского) не существовало. Период жизни античных поселений, заканчивающийся в III в. до н. э. (кроме поселения Панского II, видимо продолжавшего существовать и во II в. до н. э.), совпадает с этапом фанагорийской регрессии, выделенной П. В. Федоровым. Тогда уровень Черного моря был значительно ниже современного (по оценкам разных исследователей, от —3 до —10 м). На месте озера, вероятно, находилась довольно обширная (около 10 кв. км) приморская низменная долина, пересеченная системой балок и весьма удобная для зем-

леделия. По краям долины и, возможно, внутри нее располагались сельские поселения нескольких типов: отдельные неукрепленные усадьбы, укрепленная усадьба с мощной квадратной башней (Панское II), значительной величины поселок с некрополем (Панское I). Таким образом, здесь возник, по-видимому, своего рода земледельческий оазис. Затопленные устьевые части балок, вероятно, образовывали далеко вдающиеся в долину узкие извилистые бухты. На берегу одной из них и находился комплекс Панское I. Остальные поселения тяготели к склонам балок и водоразделам. Иные очертания имела и Ярылгачская бухта. Палеогеографические исследования еще не завершены, но, как видно из сказанного, они уже сейчас помогают глубже раскрывать причинные взаимосвязи в отношениях человека с природной средой.

Геофизический отряд (руководитель В. В. Глазунов) с 1970 г. приступил к общей площадной съемке поселения Панского I методами электропрофилирования и магнитной съемки. Конечная цель работ — получить достаточно достоверный детальный план погребенных строительных комплексов, не прибегая к раскопкам. Уже первые результаты показали, что такая задача достижима. С помощью одного из способов электроразведки — метода срединного градиента — была отснята площадь около 1400 кв. м, на которой находилась нераскопанная часть крупного здания У6. В результате получен детальный план скрытых в земле стен¹⁴. Последующие раскопки здания, осуществлявшиеся с уже имеющимся на руках его подробным планом, подтвердили достаточно высокую достоверность и точность примененного метода. К настоящему времени методом электропрофилирования отснято около 1 га, что составляет примерно половину площади поселения, пригодной для археолого-геофизического изучения. Магнитной съемкой с помощью магнитометра М-27 и протонного магнитометра охвачена пока меньшая территория — около 0,38 га. Этот метод, являясь дополнением к электроразведке, детализирует планировку и дает дополнительные сведения о культурном слое.

Помимо археолого-геофизических исследований проводятся эксперименты с другими методами (изучение микрорельефа, флорографическое картирование, метод биофизического эффекта), комплекс которых позволяет получить наиболее полную предварительную информацию о памятнике (его планировке и характеристике культурного слоя) до или без раскопок.

Раскопками на поселении Панском I исследованы два здания — У6 и У14, расположенные в юго-восточной и северо-западной частях поселения.

Остатки полностью разрушенного абразией здания У14 находились на затопленной озерной лагунной части поселения и к началу раскопок представляли небольшой (10×5,75 м) островок, возвышающийся над поверхностью воды на 0,65 м. Летом 1971 г. уровень воды понизился, что позволило завершить раскопки.

Постройка имела в плане прямоугольные очертания и была ориентирована углами по странам света. Сохранился только (и то частично) ее западный угол с неполными остатками трех помещений и части внутреннего двора. По открытым строительным остаткам и другим признакам можно с достаточной степенью вероятности определить, что здание было типичной квадратной в плане усадьбой с первоначальным поперечником около 32—35 м. Усадьба погибла во время пожара. Ее существование датируется в пределах второй половины IV — начала III в. до н. э.

Полностью завершены раскопки здания У6, остатки которого прекрасно сохранились (рис. 1). Здание представляло собой квадратную постройку, занимавшую площадь около 1200 кв. м (34,5×34,5 м) и ориентированную углами почти точно по странам света. Стены ее были сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей двух размеров (20×40 и 40×40 см при толщине около 8 см) на каменных цоколях высотой 0,1—1 м или без них. Расположенные в юго-западной стороне ворота вели во

внутренний двор (площадь около 600 кв. м), в центре которого находился вырубленный в скале прямоугольный колодец. По сторонам двора, образуя замкнутое каре, находились помещения. К моменту гибели здания нижний этаж состоял из 35 помещений, часть которых объединялась в изолированные блоки, состоявшие из двух и более комнат. О существовании второго этажа свидетельствуют остатки лестниц, выявленные раскопками следы межэтажных перекрытий и другие признаки. Два помещения в западном углу были заняты общими для всего дома святилищами. Одно из них было, судя по комплексу находок, посвящено Гераклу, а другое, основное, — земледельческим божествам — Сабазию и, по-видимому, Деметре.

Здание, имевшее характерную для крупных раннеэллинистических сельских усадеб планировку, существовало сравнительно недолго. Комплекс добытого при раскопках материала позволяет говорить о том, что усадьба была возведена в конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э. и погибла в первой половине III в. до н. э., скорее всего в первой трети столетия, в результате катастрофического пожара. Гибель была внезапной, очевидно связанной с нападением на поселение скифского, по-видимому, отряда. О внезапности гибели свидетельствует не только то обстоятельство, что при случившейся катастрофе были оставлены на месте все вещи, но и то, что не все жители успели спастись. При раскопках в одном из помещений и в колодце обнаружены скелеты трех человек, погибших при разгроме усадьбы. Раскопками добыто огромное количество разнообразного материала — керамической тары, столовой и кухонной посуды, орудий труда, различных предметов быта и культа, монет, органических остатков и т. п., характеризующего различные стороны хозяйства, быта и идеологии обитателей усадьбы. Таким образом, впервые в античной археологии Причерноморья и Средиземноморья получен полный закрытый комплекс раннеэллинистической сельской усадьбы, позволяющей дать всестороннюю характеристику отдельного крупного хозяйства на хоре Херсонеса конца IV—первых десятилетий III в. до н. э.

Стратиграфический шурф, заложенный на месте случайной бульдозерной траншеи в центре поселения, показал, что культурный слой центральной части поселения, в отличие от его окраин, состоит из двух стратиграфических горизонтов, нижний из которых относится к IV в. до н. э., а верхний — к концу IV—первой трети — первой половине III в. до н. э. С обоими стратиграфическими горизонтами связаны два основных строительных периода и два слоя пожаров.

Раскопки курганного некрополя, начатые в 1969 г.¹⁵, проводятся широкой площадью параллельно с раскопками поселения (рис. 2). К настоящему времени раскрыто около трети могильника с пятью гнездами курганов, состоящими из 17 могильных насыпей. В курганах и межкурганном пространстве исследовано около 70 склепов из сырцовых кирпичей, грунтовых могил, плитовых могил и захоронений младенцев в амфорах. В целом некрополь датируется IV—началом III в. до н. э. и синхронен поселению.

Принадлежность некрополя поселению не вызывает сомнений. Однако социальная и этническая интерпретация погребенных остается неясной, кроме одного момента: это население жило на территории хоры Херсонесского государства, а следовательно, находилось в какой-то политической и экономической зависимости от него. Было ли оно греческим, смешанным или сильно эллинизированным варварским, вопрос пока открыт.

В этой обзорной статье я не могу останавливаться ни на тех выводах и гипотезах, к которым подводят результаты работ Тарханкутской экспедиции за семь лет, ни тем более на их аргументации. Коснусь только двух моментов. Некоторое подтверждение в материале, по-видимому, находить уже высказывавшаяся рабочая гипотеза¹⁶, что Панское I относилось к категории военно-хозяйственных поселений, т. е. несло двойную

Рис. 1. Здание У6 на поселении Панское I. Общий вид в процессе раскопок

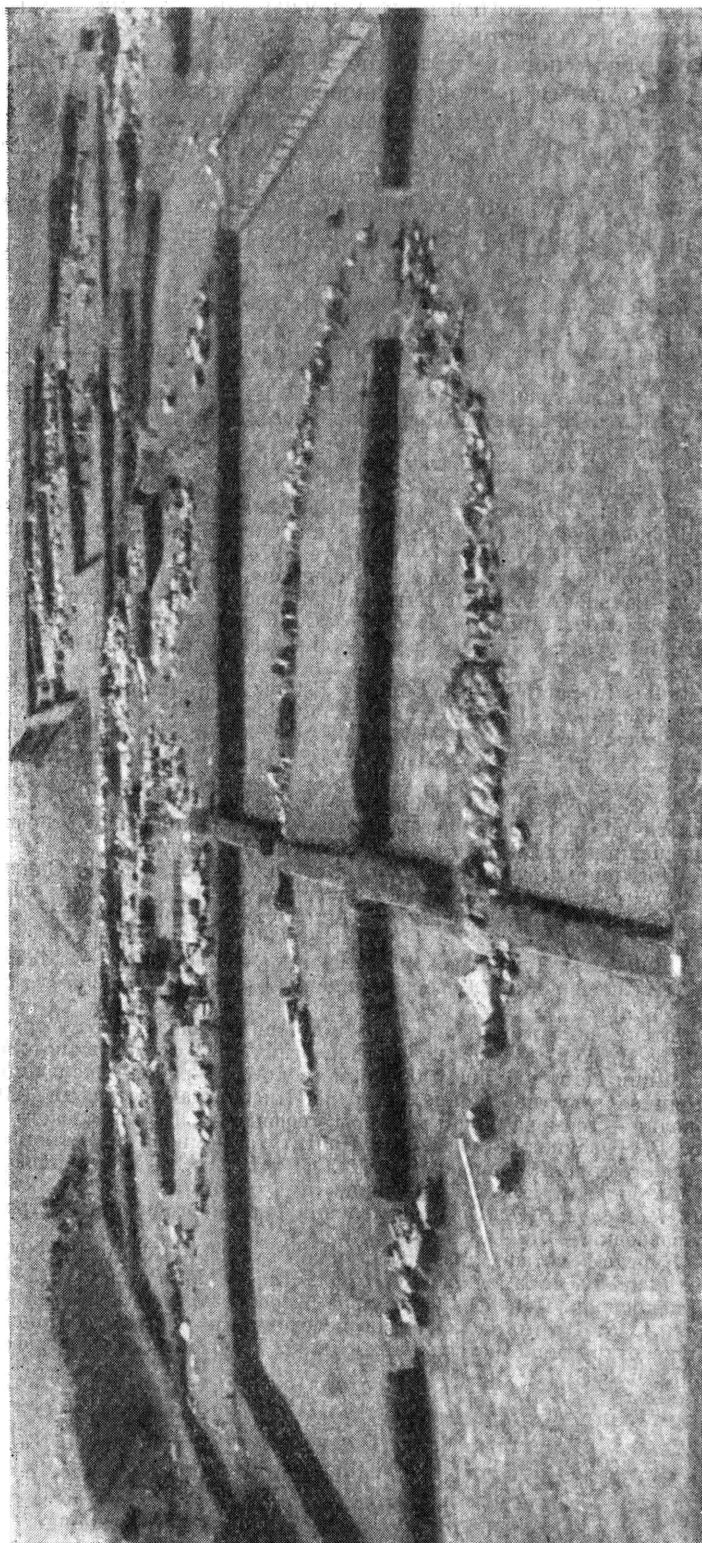

Рис. 2. Общий вид раскопок некрополя Панского I (участок Б)

функцию: экономическую (освоение и эксплуатация земледельческой территории) и военную (охрана отдаленного района херсонесской хоры). Катастрофическая гибель этого и других поселений, а также следы пожаров и разрушений на некоторых других памятниках Северо-Западного Крыма, относящиеся к первой половине III в. до н. э., вероятно, могут быть связаны с начальным периодом завоевания бывшей херсонесской территории скифами. Вместе с тем прекращение жизни на сельских поселениях в первой половине III в. до н. э. — явление общее для всей степной зоны Причерноморья. По-видимому, оно связано с крупными перестройками в пришедшем в движение степном варварском мире, что не могло не отразиться на развитии греко-варварских взаимосвязей.

- ¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — ХС, VI, 1961, рис. 1, 2, 19—26, 65, 93.
- ² Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена. — СА, 1967, № 3, с. 240 сл., рис. 2, 6, 9.
- ³ Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. — КСИА, 103, 1965, с. 141, рис. 49; он же. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. — КСИА, 124, 1970, с. 21, рис. 6.
- ⁴ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 56, рис. 19; с. 86, рис. 40; с. 115, рис. 61.
- ⁵ Хорошую сводку см.: Pecirka J. Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas. — In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Recueil de travaux publié sous la direction de M. I. Finley. Paris—La Haye, 1973.
- ⁶ Adamesteanu G. Problèmes de la zone archéologique de Metaponte. — RA, 1, 1967, p. 25—27; idem. Le suddivisioi di terra nel Metapontino. — In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. . . , p. 49—61; Uggeri G. Κλῆροι arcaici e bonifica classica nella χῶρα di Metaponto. — In: La parola del passato. Rivista di studi antichi, CXXIV, 1969, p. 55.
- ⁷ Young J. H. Studies in South Attica, Country Estate at Sounion. — Hesperia, XXV, 2, 1956, p. 122—143; Jones J. E., Graham A. J., Sackett L. H. An Attic Country House below the cave of Pan at Vari. — BSA, 68, 1973, p. 356 f.; Jones J. E. Two Attic Country Houses. — AAA, VII, 3, 1974, p. 303—313; Pecirka J. Homestead Farms. . . , p. 133—137.
- ⁸ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 149 сл.
- ⁹ Вероятно, аналогичное поселение недавно обнаружено неподалеку от евпаторийского маяка экспедицией МГУ под руководством И. В. Яценко.
- ¹⁰ Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма. . . , с. 21, рис. 6. Однако план устарел. В 1970 г. была выполнена инструментальная съемка некрополя, а в 1971 г. топографом Н. К. Торшиным — инструментальная съемка всего комплекса в масштабе 1:500.
- ¹¹ Дашевская О. Д. Работы Донузлавской экспедиции. — АО 1967 г. М., 1968, с. 215.
- ¹² Щеглов А. Н. Исследования в Северо-Западном Крыму. — АО 1967 г. М., 1968, с. 213.
- ¹³ Работы проводятся совместно с кафедрой истории древнего мира Саратовского университета (В. И. Кац) и кафедрой археологии ЛГУ, студенты которых проходят в экспедиции полевую практику. Кроме того, в работе экспедиции принимают постоянное участие специалисты из Института географии АН СССР (Н. С. Благоволин — геоморфолог), кафедры геофизики Ленинградского горного института (В. В. Глазунов — геофизик), Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР (Г. А. Ввучков — геофизик) и Эрмитажа (А. М. Гилевич и И. И. Саверкина).
- ¹⁴ Подробнее см.: Глазунов В. В. Опыт выявления детального плана постройки методом электроразведки. — КСИА, 152, 1977.
- ¹⁵ Щеглов А. Н. Курган-кенотаф близ Ярылгачской бухты. — КСИА, 130, 1972.
- ¹⁶ Щеглов А. Н., Гилевич А. М., Глазунов В. В., Кац В. И., Рогов Е. Я. Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса. — АО 1974 г. М., 1975, с. 376; Щеглов А. Н. Итоги раскопок на поселении и некрополе Панское I. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, ч. II. Киев, 1975, с. 83.

АТТИЧЕСКАЯ КРАСНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ХЕРСОНЕСА

В результате многолетних археологических раскопок Херсонеса накопилась значительная коллекция аттической краснофигурной керамики. До настоящего времени она не подвергалась специальному исследованию, лишь отдельные предметы упоминались в литературе¹. Между тем, помимо художественной ценности, этот материал дает возможность ставить и в какой-то степени решать общие и частные проблемы истории Херсонеса.

Типологический и стилистический анализ краснофигурной керамики (1860 единиц; в основном фрагменты) показал, что хронологически она укладывается в рамки середины—второй половины V и IV в. до н. э. Фрагменты сосудов свободного стиля немногочисленны. Мы сделали попытку определить принадлежность некоторых из них известным аттическим мастерам. Массовым материалом — 94,6% всей коллекции — является керамика беглого стиля IV в. до н. э.

Настоящая статья посвящена публикации керамики второй половины V—IV в. до н. э.²

Первую, самую многочисленную группу (671 фрагмент) составляют обломки кратеров. Среди них единичные фрагменты венчиков с изображением стилизованных бутонов лотоса принадлежат кратерам с ручками в виде парных стержней V в. до н. э. (к началу IV в. до н. э. этот тип кратера исчезает)³. Более многочисленны (212) фрагменты венчиков, украшенных ветвью оливы, которые могли принадлежать кратерам как колоколообразной, так и чашевидной формы (*calix-krater*). Большую часть (382) обломков, не определенных при распределении кратеров по периодам, составляют фрагменты стенок с изображением складок одежды или орнаментов.

Самым ранним является обломок кратера с изображением фиаса Диониса (инв. № 204⁴; рис. 1, 1). От рисунка сохранились верхняя часть фигуры стремительно бегущего сатира с тирсом в протянутой руке и нога второй фигуры, касающаяся левой руки сатира. Рельефной линией, местами сливающейся с фоном, исполнены шишка тирса, контуры лица и фигуры сатира. Толстыми резкими штрихами обозначены пряди волос и борода. Белой краской намечен венчик на голове и полоса, перехватывающая тирс. Рисунок близок изображениям сатиров на скифосе из Эрмижажа, расписанном «мастером Пенелопы»⁵. Фрагмент может быть датирован 40—30-ми годами V в. до н. э.

К наиболее позднему времени относится фрагмент из раскопок 1936 г. в северном районе города — с изображением Диониса в виде сидящего юноши с пышными волосами, украшенными венком из плюща (инв. № 4657/36; рис. 1, 2). Сохранились часть руки фигуры менады и орнамент — ветвь плюща с листьями и плодами. Рука менады и плоды плюща исполнены белой краской. Хорошее качество лака, довольно четкий рисунок, тип головы, а также использование мотива, встречающегося на вазах мастерской Мидия (сидящий в пол-оборота юноша), позволяют отнести фрагмент к началу IV в. до н. э.⁶

Заслуживает внимания фрагмент стамноса, расписанного в манере мастера Клеофона, с изображением головы молодого комаста в профиль и палочного орнамента вверху (раскопки северо-восточной части городища, инв. № 1467/11; рис. 1, 3). За фигурой комаста — раздваивающиеся побеги. Рельефная линия в контуре фигуры отсутствует. Волосы отделены от фона узкой полосой в цвете глины. Форма головы, профиль с характерным рисунком широко открытого глаза, полные губы, трактовка

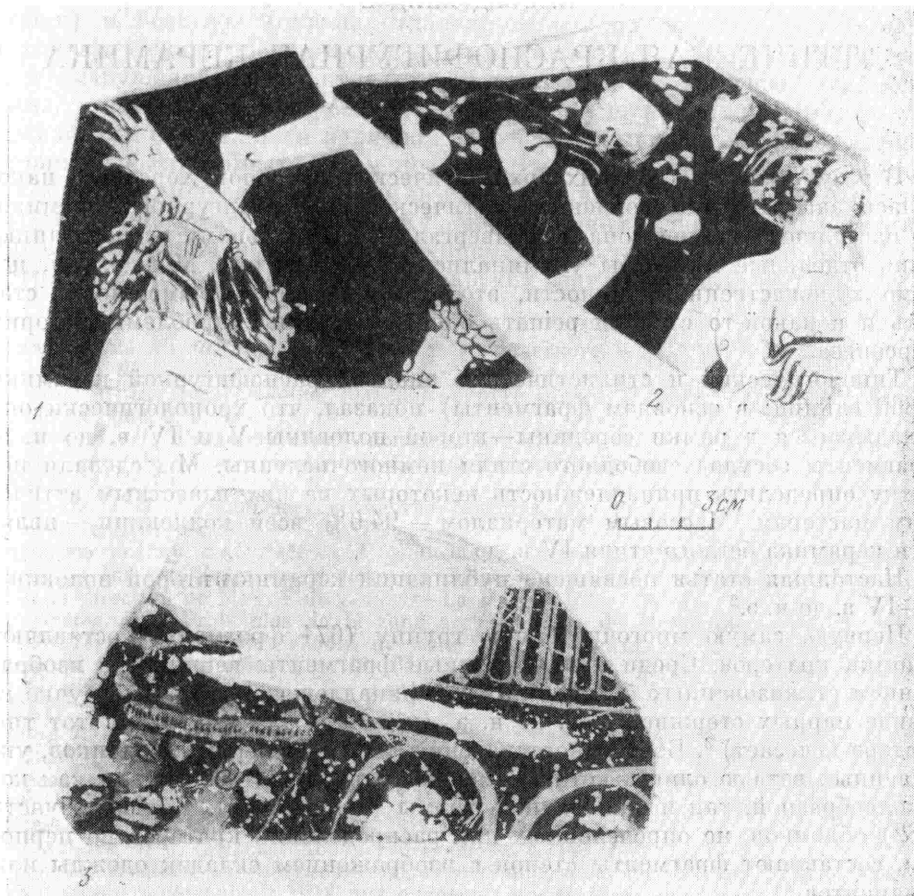

Рис. 1. Фрагменты краснофигурных кратеров (1—3)

бороды, частично исполненной разбавленным лаком, находят ближайшую аналогию в изображении комастов на стамносе Эрмитажа, приписываемом Д. Визли мастеру Клеофону⁷.

Вторую группу составляют 34 фрагмента пелик. Преобладают обломки «боспорских пелик» второй половины IV в. до н. э. с изображением задрاپированных фигур и грифонов⁸. Наиболее ранним является фрагмент из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича с изображением юного Гермеса (инв. № 3214; рис. 2, 3). Тулово от горла отделяет орнамент — ионийский киматий, выше которого проходит полоса из шашек. У основания ручки — пальметта. Рельефная линия в контуре фигуры Гермеса отсутствует, но ею исполнены мышцы груди. Пряди вьющихся волос и контуры петаса переданы разбавленным лаком. Изображение Гермеса в виде стройного, подвижного юноши характерно для классического искусства. Наш фрагмент может быть отнесен к первой половине IV в. до н. э.

Третью группу составляют скифосы (162 фрагмента), представленные несколькими типами. Наиболее ранними являются фрагменты скифосов коринфского типа — высоких сосудов на низком тонком кольцевом поддоне, имеющем форму усеченного конуса. Тулово, расширяющееся к устью, в нижней части украшено продольными линиями, нанесенными черным лаком по глине (рис. 3, 3). Подобные сосуды датируются серединой — второй половиной V в. до н. э.⁹

Более многочисленны фрагменты сосудов аналогичной формы, но меньших размеров (рис. 3, 2), с орнаментом в нижней части тулова

Рис. 2. Краснофигурные сосуды

1 — рыбное блюдо; 2 — скифос; 3 — фрагмент пелики

Рис. 3. Фрагменты краснофигурных сосудов (1—6)

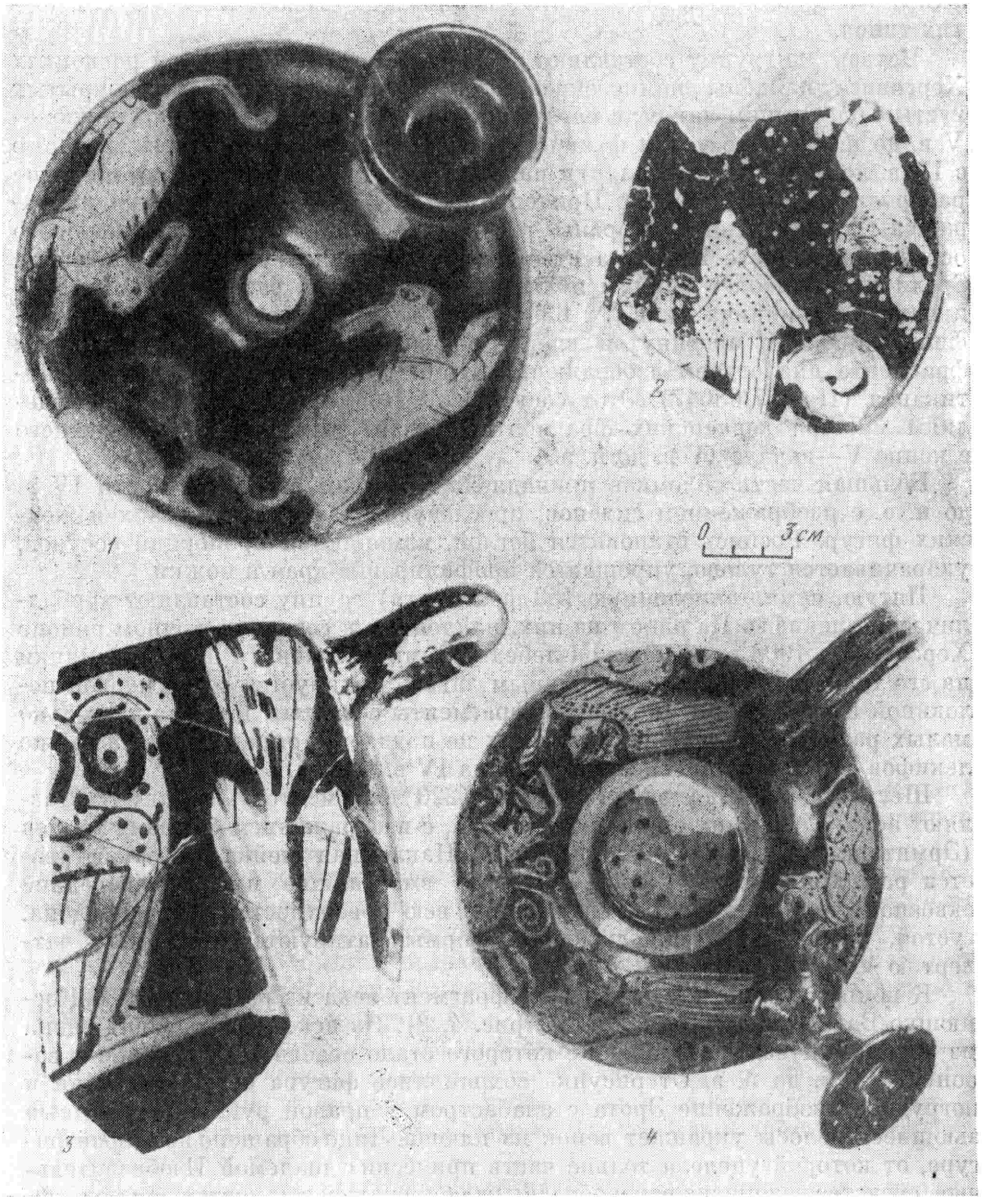

Рис. 4. Краснофигурные аски и скифос (1—4)

в виде косой сетки. Д. Робинсон относит подобные сосуды из Олинфа к концу V—началу IV в. до н. э.¹⁰ По инвентарю гробницы некрополя Аполлонии они датируются третьей четвертью IV в. до н. э.¹¹ Обломок подобного скифоса встречен в Херсонесе в цистерне с материалом последней четверти V—70-х годов IV в. до н. э.¹², что позволяет согласиться с датировкой этих сосудов, предложенной Д. Робинсоном.

Больше всего в этой группе фрагментов скифосов с изображением пальметт и стоящих попарно юношей (рис. 2, 2). Сосуды этого типа датируются первой половиной—серединой IV в. до н. э.¹³ Обнаружены два фрагмента скифосов IV в. до н. э. с изображением совы и ветки маслины (рис. 4, 3). Аналогичные обломки известны в материалах Пантикапея¹⁴. Встречающееся в литературе название подобных сосудов «панафиней-

ские»¹⁵ неправомерно, так как эти изображения бывают и на сосудах других типов.

Четвертую группу составляют 153 фрагмента киликов. При раскопках Херсонеса найдены немногочисленные фрагменты киликов, покрытых густым блестящим лаком, с неглубоким вместилищем на высокой ножке — V в. до н. э. Более часты фрагменты глубоких «скифо-киликов», которые в IV в. до н. э. сменяют килики на высоких ножках¹⁶ и получают широкое распространение в городах Причерноморья¹⁷. Отогнутые венчики их украшены с внутренней стороны изображением плюща, листья которого оставлены в цвете глины, а стебли и плоды исполнены белой краской. Среди них наиболее ранним является фрагмент из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 6363; рис. 3, 1). Изображена Ника в профиль, вправо, с протянутой вперед правой рукой. Рисунок на нашем фрагменте аналогичен изображению Ники на килике из раскопок Пантикаея (П-1867/68647). Этот сосуд А. А. Передольская отнесла к изделиям мастера керченских фрагментов с горы Митридат¹⁸, работавшего в конце V—начале IV в. до н. э.

Большая часть обломков принадлежит сосудам второй четверти IV в. до н. э. с изображением силенов, преследующих менад, мужских и женских фигур. Роспись становится беглой, изменяются пропорции сосудов, укорачивается тулово, упрощается профилировка края и ножки.

Пятую, немногочисленную (53 фрагмента) группу составляют арибаллические лекифы. На одном из них, найденном в северо-восточном районе Херсонеса в 1908 г., изображен лебедь (Эрмитаж, инв. № 454). Крапинки на его теле выполнены разбавленным лаком. Датируется сосуд первой половиной IV в. до н. э.¹⁹ Встречены фрагменты сетчатых лекифов настолько малых размеров, что точная форма их не поддается определению, а также лекифов с пальметтой середины и конца IV в. до н. э.

Шестую, довольно значительную (220 фрагментов) группу составляют аски. Среди них один аск глубокий, с изображением бегущих зайцев (Эрмитаж, инв. № 2418/08; рис. 4, 1). Наклонная шейка его заканчивается расширяющимся устьем. Высокое вместилище имеет в середине сквозное отверстие. Лак, покрывающий всю поверхность, кроме поддона, густой, блестящий. Аски подобной формы датируются последней четвертью V в. до н. э.²⁰

К концу V в. до н. э. относится фрагмент аска из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 184; рис. 4, 2). На аске представлена сцена из жизни гинекея, изображение которого стало особенно популярно в вазописи IV в. до н. э. От рисунка сохранились фигура бегущей собаки и погрудное изображение Эрота с алабастром в правой руке. Его длинные вьющиеся волосы украшает венчик из плюща. Лицо обращено ко второй фигуре, от которой уцелела только часть прически с диадемой. Изобразительные средства вазописца разнообразны: в контурах еще присутствует рельефная линия, волосы отделены от фона узкой полосой в цвете глины, разбавленным лаком переданы шерсть на крупе животного и прическа Эрота.

Основную массу составляют популярные в IV в. до н. э. аски с плоским дном, низким вместилищем, дугообразной или петлевидной ручкой. Большая их часть представлена обломками с орнаментами (овы, ветвь оливы, пальметки). Далее следуют аски с изображением пантер, грифонов, амазонок и др. Подобные сосуды распространены в городах Северного и Западного Причерноморья (рис. 4, 4). Они известны также по раскопкам Олинфа, Фасоса, Кипра²¹ и представлены во многих музеях²². Датировка их первой половиной—серединой IV в. до н. э. общепринята²³.

Седьмую группу рассматриваемой коллекции составляют 103 обломка лекан. Большинство принадлежит стенкам сосудов с орнаментами в виде волны, ветвей оливы и пальметок (рис. 3, 4). Подобные сосуды начала IV в. до н. э. встречены в Ольвии, Олинфе²⁴ и других центрах. Аналогичные леканы обнаружены в слое с монетой 369—338 гг. до н. э. в некрополе

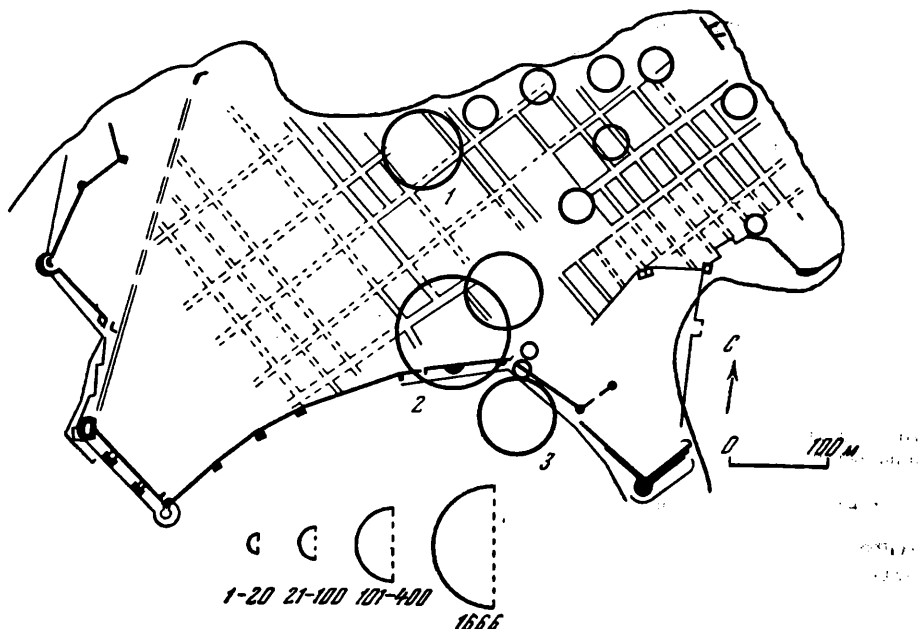

Рис. 5. Схема распространения аттической краснофигурной керамики Херсонеса
 1 — северный район; 2 — «храм с ковчегом»; 3 — юго-восточные городские ворота
 За основу измерения взят диаметр полукружка, его сравнительная величина пропорциональна количеству керамики

Эридана²⁵. К более позднему времени (середина—конец IV в. до н. э.) относятся фрагменты лекан с изображением сцен из жизни гинекея (рис. 3, 5).

Восьмую, также немногочисленную (28) группу составляют обломки рыбных блюд небольших размеров. Отдельные фрагменты по форме профилированного поддона и по росписи относятся еще к концу V в. до н. э.²⁶ Имеются обломки с незначительными остатками росписи, но форма довольно высокого поддона с плоско срезанной опорной поверхностью позволяет отнести их к середине IV в. до н. э.²⁷

Блюдо с изображением рыб из раскопок 1902 г. в районе «храма с ковчегом» покрыто черным лаком хорошего качества (инв. № 206; рис. 2, 1). Рисунок четкий, но несколько беглый. Линии контура отсутствуют. Детали исполнены разбавленным лаком. Все это позволяет отнести блюдо к началу IV в. до н. э.²⁸

Изучение аттической краснофигурной керамики показывает, что некоторые ее формы преобладали в течение недолгого времени, большинство же бытовало на протяжении всего рассматриваемого периода — конец V—IV в. до н. э. (табл.)²⁹. В целом аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса отражает тот же характер импорта из Аттики, что и керамика из городов Боспора — Пантикапея и Фанагории — в конце V—IV в. до н. э. С момента основания города общее количество краснофигурной керамики неуклонно растет, достигая максимума к концу второй четверти IV в. до н. э. Это положение подтверждено исследованием выборки из 568 единиц, достаточных для статистически достоверного вывода (рис. 5).

Увеличение импорта объясняется, с одной стороны, возрастанием заинтересованности Афин в торговле с Северным Причерноморьем³⁰, а с другой — ростом экономических возможностей Херсонеса, без чего немислима была бы взаимная торговля. Об увеличении размеров морской торговли Херсонеса в середине и второй половине IV в. до н. э. говорит и огромный амфорный материал из раскопок северо-западного участка

Распределение обломков аттической краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса по типам и периодам

Типы сосудов	V в. до н. э.					Рубок V—IV вв. до н. э.	IV в. до н. э.					Всего	% (по типам)		
	1-я чет-верть	2-я чет-верть	3-я чет-верть	4-я чет-верть	неопределенные		1-я чет-верть	2-я чет-верть	1-я половина	середина	3-я чет-верть			4-я чет-верть	неопределенные
Кратеры		3	5	11	8	2	17	6	34	14	11	10	550	671	3,6
Пелики					2	2		5	4		11		10	34	1,8
Ойнохой										1		2	2	5	0,3
Скифосы			3			3	32	124						162	8,7
Килики			4	6		3	35	62	38	5				153	8,2
Лекифы								3	7	6	12	25	53	2,8	
Аски				1				4	113	9		97	224	12	
Леканы		6		4			38			14	30	11	103	5,5	
Рыбные блюда				6			4		3	4		1	10	28	1,5
Закрытые сосуды	Не определено		2	4	5			9			9		40	69	3,7
Открытые сосуды	Не определено	5	4	17	6	2	23	22	6	23	8	212	328	17,6	
Неопределенные сосуды												30	30	1,6	
Итого:		14	18	49	21	12	149	201	226	46	74	63	987	1860	100

античного театра. Именно на середину IV в. до н. э. приходится наибольшее число керамических клейм³¹.

Относительно резкое падение количества аттической краснофигурной керамики со второй половины IV в. до н. э., вероятно, также можно связать с экономикой города³² — появлением и развитием местного ремесленного производства. Существует мнение о быстром развитии с этого времени в Херсонесе гончарного производства³³. Это явление, наблюдаемое в Херсонесе, полностью соответствует отмеченной В. Д. Блаватским закономерности, согласно которой импорт расписной керамики в города Северного Причерноморья уменьшается с развитием в них местного гончарного ремесла³⁴. Однако мы должны отметить и общий упадок вазовой живописи в IV в. до н. э.

В топографии находок краснофигурной керамики на территории Херсонеса наблюдается определенная закономерность: керамика эта сравнительно равномерно распределена по всей восточной части городища³⁵. Таким образом, подтверждается предположение о первоначальной застройке именно этого района³⁶. Скопление краснофигурной керамики наблюдается на тех участках, где зафиксировано большое количество и другого керамического материала, — на свалках. Такими участками являются северный район, район античного театра и район юго-восточных городских ворот³⁷. Некрополи, открытые в северном районе³⁸, а также на участке античного театра³⁹, датируются IV в. до н. э. Строительные остатки того времени на местах раскопок указанных свалок не обнаружены. Следует отметить также группу погребений IV в. до н. э., открытых в 1913 г. в центре городища; здесь же была раскопана стена из рустованных блоков⁴⁰.

По мнению А. Н. Щеглова, исследование остатков древнейшей оборонительной стены, выявление слоя IV—III вв. до н. э., установление границ некрополя и датировка открытых погребений определят юго-восточную границу города. Первоначальное возведение 20-й куртины и создание цитадели предположительно относятся к IV в. до н. э., возможно даже к его первой половине⁴¹. Эллинистической считается стена, участок которой открыт у «храма с ковчегом»⁴². Сопоставляя это с данными, полу-

ченными нами, мы можем сделать вывод, что западная граница раннего города проходила примерно по линии некрополь на северном берегу — район античного театра — юго-восточные городские ворота. Датированные фрагменты краснофигурной керамики из свалок позволяют считать, что свалки возникли по крайней мере на рубеже V—IV вв. до н. э. Это дает возможность предположить, что в то время здесь проходила граница города. С другой стороны, наиболее поздние фрагменты краснофигурной керамики из свалок относятся к концу IV в. до н. э. — по-видимому, до этого времени граница города еще не отодвигалась на запад. Напрашивается естественный вывод, что территориальный рост города отставал по времени от его экономического роста.

- ¹ Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, с. 21—23; *Белов Г. Д.* Краснофигурный кратер из Херсонеса. — ТОАМ, I, 1945, с. 141; *Гриневич К. Э.* Аттический краснофигурный оксибаф № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены. — ХС, V, 1959, с. 115; *Блаватский В. Д.* Рец. на книгу: *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический, — ВДИ, 1949, № 3, с. 149; *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, с. 147.
- ² Более древняя керамика, составляющая около 1% общего количества краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса, готовится к публикации совместно с другими материалами, предшествующими дате основания Херсонеса.
- ³ *Cook R. M.* Greek Painted Pottery. London, 1960, p. 231.
- ⁴ Если описываемые фрагменты находятся в Херсонесском музее, место хранения не указывается; во всех прочих случаях место хранения оговаривается особо.
- ⁵ *Передольская А. А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967, с. 181, табл. CXXXVIII.
- ⁶ *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея. — МИА, № 103, 1962, с. 176, рис. 4, 5.
- ⁷ *Beazley, ARV²*, p. 1145, N 30.
- ⁸ *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики. — МИА, № 19, 1951, с. 142.
- ⁹ CVA, Roumania, București, 2, tabl. 31, 8.
- ¹⁰ *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus, XIII. Baltimore, 1950, p. 306.
- ¹¹ *Иванов Т.* Антична керамика от некрополя на Аполония. — В кн.: Аполония. София, 1963, табл. 109, 503а.
- ¹² *Кац В. И.* Массовый амфорный материал конца V—IV в. до н. э. как источник по истории торговли Херсонеса в позднелатинскую эпоху. — В кн.: Тезисы докладов на научной конференции 1966 г. Борисоглебск, 1966.
- ¹³ *Иванов Т.* Антична керамика. . ., с. 200.
- ¹⁴ *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея, с. 178, рис. 5, 3.
- ¹⁵ *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen, I. München, 1923, S. 333; *Simon E.* Ein Anthesterien Skyphos des Polignotos. — Antike Kunst, 6. Jg, 1963, H. 1, Taf. 3, 5.
- ¹⁶ *Cook R. M.* Greek Painted Pottery, p. 235.
- ¹⁷ *Лосева Н. М.* Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938—1962 гг. — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств, IV, 1968, с. 86; *Передольская А. А.* Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат. — Archeologia, XIV. Warszawa, 1963, с. 41 сл.
- ¹⁸ *Передольская А. А.* Мастер керченских фрагментов. . ., с. 41, 47, рис. 1.
- ¹⁹ CVA, Roumania, București, 2, tabl. 25, 6.
- ²⁰ *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the VIth, Vth and IVth Centuries B. C. — In: *The Athenian Agora*, XII, pt 1, 1971, p. 158, N 1172.
- ²¹ *Иванов Т.* Антична керамика. . ., с. 137, см. приведенную литературу.
- ²² CVA, Great Britain, 1, tabl. XLV, 9.
- ²³ *Лосева Н. М.* Краснофигурная керамика Фанагории. . ., с. 86.
- ²⁴ *Леви Е. И.* Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. — В кн.: Ольвия, т. I. Киев, 1940, табл. XII, 1; *Robinson D. M.* Excavations. . ., pl. 119, 201.
- ²⁵ Eridan Nekropole. Berichte über die Grabungen 1964 und 1965 südlich heiligen Strasse. — AM, 81, 1966, Beilage 72, S. 9, 10.
- ²⁶ *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery. . ., N 1065.
- ²⁷ Ibid., N 1078.
- ²⁸ *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея, с. 176.
- ²⁹ Пельзауекс возможностью выразить глубокую благодарность К. С. Горбуновой за помощь в работе над аттической краснофигурной керамикой из раскопок Херсонеса.
- ³⁰ *Scheffold K.* Untersuchungen zu der kertscher Vasen. Berlin—Leipzig, 1934, S. 1; *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 70, 74; *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье. . ., с. 95.

- ³¹ Зедгенидзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе. — КСИА, 145, 1976, с. 31—33.
- ³² Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. — АИКСИ, с. 335.
- ³³ Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. — САИ, вып. Г1—20, 1966, с. 13; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. канд. дисс. Л., 1971, с. 19; Брашинский И. Б. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону. — КСИА, 124, 1970, с. 13.
- ³⁴ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 257, 265 сл.
- ³⁵ Эта часть Херсонеса в основном раскопана еще дореволюционными исследователями и требует исследования из-за неудовлетворительной методики раскопок. См.: Золотарев М. И. Отчет о раскопках на северо-восточном участке Херсонеса, 1974 г. Архив ГХМ, д. № 1711, л. 2 и сл.
- ³⁶ Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 69.
- ³⁷ Схема сделана на основании учета аттической краснофигурной керамики Херсонесского музея, Эрмитажа, архивных данных и отчетов о раскопках.
- ³⁸ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. — ВДИ, 1948, № 1, с. 274.
- ³⁹ Зедгенидзе А. А. Исследование северо-западного участка. . . , с. 28, 29.
- ⁴⁰ ОАК за 1913—1915 гг., с. 60.
- ⁴¹ Щеглов А. Н. Рец. на «Сообщения Херсонесского музея», вып. IV. — ВДИ, 1970, № 3, с. 174.
- ⁴² Домбровский О. И. Отчет о раскопках в 1955 г. в Херсонесе на участке «храма с ковчегом» и «античного театра». Архив ГХМ, д. 712, л. 14.

Г. М. НИКОЛАЕНКО

О ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПИФОСЕ ИЗ «СТАРОГО ХЕРСОНЕСА»

При раскопках на Маячном полуострове в 1910 г. в усадьбе земельного надела З. Н. М. Печенкин нашел фрагмент венчика пифоса гераклейского производства с меткой ΔΔΔΠ и дважды оттиснутым английским клеймом, содержание которого исследователь не зафиксировал¹. В. Д. Блаватский предположил, что хранящиеся в фондах Херсонесского музея два обломка венчика пифоса с одинаковым клеймом ΕΡΑΤΩΝ ΛΥΣΙΘΕΟ и меткой, упомянутой в статье Н. М. Печенкина, принадлежат одному сосуду².

Клейма на этом пифосе нанесены на боковую сторону венчика, одно оттиснуто глубоко и четко, другое — гораздо слабее (рис., 1, 2). Вероятно, поэтому В. Д. Блаватский не прочел начальную букву во второй строке. На верхней плоскости венчика процарапана метка ΔΔΔΠ (рис., 3).

Среди изданного керамического материала из Северного Причерноморья известно лишь одно клеймо на гераклейском пифосе. Это случайно найденный в Лузановке обломок венчика пифоса с английским клеймом ΕΠΙ ΒΑΚΧΟ ΕΡΑΤΩΝΟΣ, которое Б. А. Василенко датирует концом первой—началом второй четверти IV в. до н. э.³ И. Б. Брашинский относит клейма с двумя именами ко второму этапу клеймения и определяет хронологические рамки таких клейм второй и третьей четвертями IV в. до н. э.⁴

Имя Эратон в керамической эпиграфике Гераклеи не отмечено, имя Лиситей встречается часто. Так, Е. М. Придик зафиксировал английское клеймо ΕΠΙ [ΛΥ]ΣΙΘΕΟΥ ΒΛΑΣΘΟΣ с изображением виноградной грозди, нанесенное на горло амфоры⁵. Магистрат Лиситей упомянут и в работе Б. А. Василенко⁶, отнесшего его деятельность к концу первой—началу второй четверти IV в. до н. э. Эмблемой Лиситея является виноградная

гроздь или канфар, но есть клейма Лиситея и без эмблемы. Возможно, существовали несколько носителей этого имени, деятельность которых проходила примерно в одно время. Клейма с двумя именами Б. А. Василенко относит к трем последним четвертям IV в. до н. э.⁷ Б. Н. Граков высказал предположение, что предлог ΕΠΙ перед именем магистрата появился в гераклейских клеймах во второй четверти IV в. до н. э. и бытовал до 330 г. до н. э.⁸

Имя Эратон, чрезвычайно редкое для Гераклеи Понтийской, зарегистрировано пока только на пифосах в сочетании с именами Лиситея и Бакха. Бакх — явно магистрат. Что касается Лиситея, то мы также имеем все основания считать его магистратом. Прежде всего, в публикуемом клейме его имя стоит в родительном падеже, имя же Эратон — в именительном, а в практике гераклейского клеймения, как правило, имя в именительном падеже принадлежит керамевсу, в родительном — магистрату. Деятельность Лиситея и Бакха протекала в одно и то же время⁹. Некоторые исследователи считают, что появление предлога ΕΠΙ в гераклейских клеймах следует относить еще к первой четверти IV в. до н. э. и что долгое время клейма с предлогом и без него сосуществовали¹⁰. Учитывая сказанное, можно констатировать, что и Лиситей был магистратом. В результате мы узнаем новое имя — керамевса Эратона, который работал при Лиситее и Бакхе, и довольно точную дату изготовления его пифосов: конец первой — начало второй четверти IV в. до н. э.¹¹ Учитывая редкость имени Эратон и тот факт, что оба клейма помещены на пифосах, вряд ли можно сомневаться в изготовлении обоих сосудов в одной мастерской. Более того, судя по всему, керамевс Эратон занимался исключительно производством пифосов.

Отметим, что херсонесские пифосы указанного времени нам неизвестны. Возможно, их производство в этот период еще не было налажено, и нужды населения удовлетворялись привозной продукцией.

На венчике пифоса стоит цифровая метка ΔΔΔΔΠ (42), причем конец метки виден плохо (рис., 3). Если предположить, что справа от цифр был знак, обозначающий денежную единицу, то тогда эта метка относится к категории меток, обозначавших цену¹². Возможна и другая интерпретация этих цифр. Они могли обозначать вместимость пифоса, выраженную в крупных единицах скорее всего понтийских мер. Понтийские крупные стандарты для жидких тел того времени нам неизвестны. Однако результаты нашей работы по выявлению стандартов херсонесских амфор эллинистического времени позволяют предположить, что одним из наиболее распространенных стандартов в конце IV — начале III в. до н. э. была единица, равная понтийскому марису (название распространено в более поздний период), т. е. 30,3 л. Если предположить, что и в первой половине IV в. до н. э. в понтийских центрах существовал тот же стандарт, то тогда описанный пифос мог вмещать более 1200 л. Вычисленная нами емкость

Клейма на пифосе (1, 2); граффито на пифосе (3)

синопского пифоса с подобной меткой¹³ позволяет заключить, что пифосы вместимостью более 1000 л были обычной тарой, выпускаемой такими центрами, как Гераклея и Синопа.

Таким образом, можно считать установленным факт существования в Гераклее Понтийской мастерской по изготовлению пифосов определенной емкости, снабжавшей своей продукцией в конце первой—начале второй четверти IV в. до н. э. центры Северного Причерноморья.

- ¹ Печенкин Н. М. Дневник раскопок «Старого Херсонеса» в 1910 г. Архив ХМ, д. 184, л. 23, 31; он же. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса. — ИАК, 42, 1911, с. 123. В рукописном отчете клеймо не упомянуто, а в статье отмечена находка двух клейм одинакового содержания, но клейма не приведены. Они упомянуты В. И. Кацем (*Кац В. И.* О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове. — В кн.: *Античный мир и археология*, вып. 1. Саратов, 1972, с. 31, 32).
- ² Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 62, примеч. 4.
- ³ Василенко Б. А. Давньогрецькі керамічні клейма з Одеси. — *Археологія*, V, 1972, с. 89.
- ⁴ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. — *НЭ*, V, 1965, с. 14, 23, 24.
- ⁵ Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 121.
- ⁶ Василенко Б. А. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. — *НЭ*, XI, 1974, с. 19, табл. 3; с. 21, табл. 5.
- ⁷ Там же, с. 7.
- ⁸ Брашинский И. Б. Керамические клейма..., с. 20; Василенко Б. А. О характере клеймения..., с. 3.
- ⁹ Василенко Б. А. О характере клеймения..., с. 19, табл. 3.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Грамматические особенности и характер шрифта также указывают на ранний IV в. до н. э.
- ¹² Нам известны метки на пифосах из Олинфа со знаком обола, указывавшие на цену пифоса в пределах от 31 до 53 драхм. См.: *Robinson D. M., Graham J. W. The Hellenic House*. — In: *Excavations at Olynthus*, VIII. Baltimore, 1938, p. 314 f., fig. 31. Наш пифос мог стоить 42 драхмы (вероятно, персидские).
- ¹³ Николаенко Г. М. Метки на античных пифосах. — В кн.: *Херсонес Таврический. Ремесло и культура*. Киев, 1974, с. 29.

А. И. АЙБАВИН

АНТИЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ФЕОДОСИИ

В ноябре 1973 г. в Феодосии, в районе маяка на мысе Ильи, во время земляных работ был частично разрушен курган, который затем был исследован Феодосийским краеведческим музеем. Этот курган входил в группу, состоявшую из пяти погребальных холмов. Три из них были разрушены в годы Великой Отечественной войны. Курганная группа расположена в 2 км к юго-востоку от феодосийского Карантина — места античной Феодосии¹. Публикуемый курган принадлежал, таким образом, к некрополю Феодосии. В 1852 г. этот некрополь копал А. А. Сибирский, а в 1853 г. — И. К. Айвазовский², который раскопал пять курганов на мысе Ильи, возле одноименного монастыря. Поскольку эти исследователи не оставили отчетов о своих раскопках, данные о некрополе античной Феодосии крайне незначительны. Публикация исследованного нами кургана поможет хотя бы в некоторой степени восполнить существующий пробел.

Круглый в плане курган сохранился на высоту 1,25 м (рис. 1, 4). В XVIII—XIX вв. на его вершине существовало кладбище монастыря

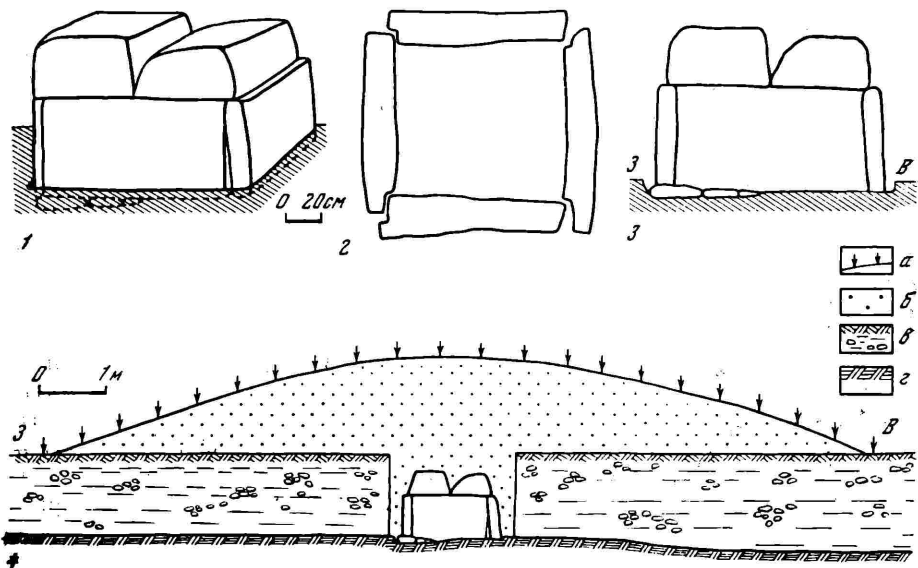

Рис. 1. Планы и разрезы

1 — каменный ящик; 2 — план ящика; 3 — разрез ящика по линии запад—восток; 4 — разрез кургана по линии запад—восток

а — современная поверхность; б — насыль кургана; в — древняя дневная поверхность и предметный слой; г — материковая скала

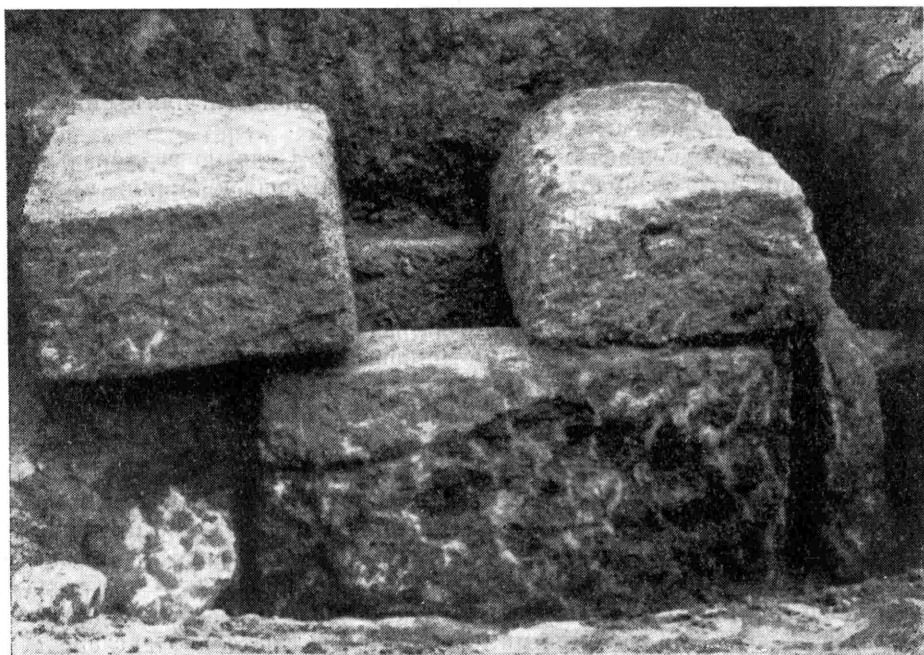

Рис. 2. Каменный ящик

Рис. 3. Амфора

цах сделаны вертикальные пазы (рис. 1, 2). Размеры плит стенок: $110 \times 60 \times 25$; $105 \times 60 \times 25$; $105 \times 60 \times 20$; $120 \times 60 \times 20$ см. Полем ящика служила неровная материковая скала. Для нивелировки уровня стенок под две из них были подложены плоские камни высотой 5—7 см. Пространство между стенками ящика и могильной ямы в некоторых местах забутовано камнями. Сверху ящик накрыт двумя массивными плитами ($130 \times 60 \times 35$ и $125 \times 60 \times 30$ см).

Внутри ящика на дне лежала урна с прахом. Судя по размерам гробницы, ее соорудили специально для этой урны. Обряд кремации преобладал в ранее раскопанных феодосийских курганах³. Возможно, в некоторых из них урны с прахом также находились в каменных ящиках. Так, из рапорта А. Е. Люценко министру уделов от 26 ноября 1854 г. видно, что знаменитые феодосийские золотые серьги были найдены в гробнице с трупосожжением⁴. На месте одного из разрушенных в годы войны курганов также лежали массивные известняковые плиты от гробницы, аналогичной публикуемой. Подобный погребальный обряд зафиксирован в некрополе Пантикапея. По мнению Е. Г. Кастанаян, он характерен для греческого населения Боспора⁵.

В исследованном кургане урной служила целая расписная амфора сравнительно редкого типа (рис. 3), дающая основание для датировки кургана. Высота амфоры 33 см. Ее тулово расширяется к плечикам и суживается к кольцевидному поддону. Высокое цилиндрическое горло завершается треугольным в сечении венчиком. На плечиках — две невысокие горизонтальные ручки. Глина желто-розовая с примесью красного шамота и черными вкраплениями. Поверхность тщательно заглажена и покрыта бесцветным ангобом. Венчик амфоры украшен чередующимися черными, белыми и охренными треугольниками. Горло и плечики декорированы горизонтальными орнаментальными поясами из тонких полосок — черных, белых и нанесенных разведенной черной краской. Верхняя часть ручки покрыта широкой черной полосой, которая по сторонам ручки переходит в стрелки, разделяющие широкую незакрашенную

святого Ильи. При рытье могил насыпь кургана была почти полностью перекопана. По словам строителей, остатки пяти гробов нового времени были открыты на перекрытии древнего каменного ящика. Диаметр кургана 12 м. Его насыпь состояла из светлого суглинка, перемешанного с мелким сланцем. В профиле кургана удалось проследить древнюю дневную поверхность, отделявшую насыпь от предматерикового слоя из суглинка и гравия. Глубина предматерикового слоя 1,2—1,4 м. Под ним лежала материковая скала. В центре кургана, в яме, вырытой в предматериковом слое и частично выдолбленной в материковой скале (на глубину 7 см), стоял каменный ящик (рис. 1, 1—3; 2). Высота его 90—95 см, длина 132 см, ширина 120 см. Он был сложен из шести прямоугольных массивных отесанных плит известняка. Для более плотной стыковки стенок ящика на их тор-

среднюю часть тулова амфоры на две зоны. Каждая зона украшена тремя стрелковидными бутонами лотоса. Два крайних бутона исполнены охрой, а средний — черной краской. Сверху центральный фриз окаймлен поясом из охренной, черной и белой полосок, а снизу — из двух черных и одной белой. На внутренней стенке горла, у его края, черной и белой краской нанесены две полоски.

На нижней части горла поверх росписи краской сделана надпись (рис. 4), по поводу которой Э. И. Соломоник дала следующее предварительное заключение: «Надпись — *dipinto*, имеет хорошую сохранность и состоит из десяти знаков высотой 1—1,4 см. После первой буквы поставлены две точки в виде небольших треугольников».

Рис. 4. Прорисовка надписи на амфоре (по Э. И. Соломоник)

На близких по форме и времени расписных сосудах из Александрии, использованных в качестве погребальных урн, часто встречаются надписи краской и граффити с указанием имени покойного, должности и места, откуда он приехал в Египет⁶. Однако последние семь знаков на амфоре из Феодосии представляют собой обозначение цифр, и их скорее всего можно расшифровать как указание на объем сосуда, его вместимость.

По акрофонической системе XXIIIIIC = 2 хуса и 4½ котилы⁷. Так как по средним стандартам, принятым в Афинах и других античных городах, хус = 3,283 л, а котила = 0,273 л, то 2 хуса и 4½ котилы = 7,797 л. Опытным путем установлено, что именно такое количество воды (7,8 л) входит в амфору, если воду наливать до уровня нижней белой линии на внутренней поверхности горла. Это подкрепляет приведенное чтение и заставляет предполагать, что, во-первых, линии на внутренней поверхности горла не были декоративными, а указывали уровень, до которого в амфору наливали жидкость; во-вторых, надпись сделана еще до использования сосуда в качестве погребальной урны.

Подобные торговые метки встречаются на расписных и чернолаковых сосудах, а также на амфорах и пифосах классического и эллинистического времени. Начало надписи не вполне ясно: в этом контексте здесь могло быть указание цены, количества сосудов, сокращенное название сосуда, города, имени и пр.

Точками обычно отделяли различные элементы в торговых метках. Например, АНКΥ:ΙΓ:ΙΔ понимают как 13 лекифов за 14 обол⁸, а Δ:ΔΙΙΙ — как 10 сосудов за 13 обол⁹.

Амфоры такой же формы, как феодосийская, но меньших размеров, найдены в Коринфе и Афинах¹⁰. Тулово и горло этих сосудов украшено аналогичным орнаментом. Правда, в отличие от феодосийской амфоры, они расписаны только черной краской и охрой, а их венчики вовсе не декорированы. Из Истма и Олинфа происходят обломки сосудов, орнаментированных подобными бутонками лотоса¹¹. Амфору, аналогичную феодосийской, опубликовал И. Г. Шургая. Она была куплена в 1888 г. в Керчи. Керченская амфора отличается от феодосийской лишь некоторыми деталями декора¹². Ч. Вильямс, Б. Спаркс и Л. Талкотт считают такие амфоры подражаниями кипрским сосудам и датируют коринфские находки третьей четвертью IV в. до н. э., а афинские — 375—330 и 320—290 гг. до н. э.¹³ Д. Робинсон относит фрагменты сосудов из Олинфа

к V в. до н. э.¹⁴ И. Г. Шургая считает керченскую амфору александрийским изделием и датирует ее 70-ми годами III в. до н. э.¹⁵ На наш взгляд, феодосийскую амфору можно датировать по афинским аналогиям второй четвертью IV—первой четвертью III в. до н. э., а само погребение — концом IV—первой половиной III в. до н. э.

- ¹ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л., 1949, с. 192; *Зеест И. Б.* Разведочные раскопки в Феодосии. — КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 187—190.
- ² Древности Босфора Киммерийского, I, 1854, с. 77; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 251, 252.
- ³ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 251; *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 205.
- ⁴ Рапорт А. Е. Люденко. Архив ЛОИА, ф. 9, д. 29.
- ⁵ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 181; *Касаная Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов. — МИА, № 69, 1959, с. 274, 275.
- ⁶ *Meritt A. C.* Inscribed Sepulchral Vases from Alexandria. — AJA, I, 1885, p. 18—33; *Pagenstecher R.* Dated Sepulchral Vases from Alexandria. — AJA, XIII, 4, 1909, p. 387—416; *Шургая И. Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи. — КСИИ, 138, 1974, с. 53.
- ⁷ Ср.: *Lang M.* Numerical Notation on Greek Vases. — Hesperia, XXV, 1, 1956, N 7, 24, 28 и др.
- ⁸ *Amuz D. A.* An Amphora with a Price Inscription. — Classical Archaeology, I, 1941, p. 190 f.
- ⁹ *Lang M.* Numerical Notation. . . , N 69.
- ¹⁰ *Williams C. K.* Excavations at Corinth, 1968. — Hesperia, XXXVIII, 1, 1969, p. 36, 57, 58, pl. 18, a—d, fig. 8; *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. — In: The Athenian Agora, XII, pt 1, 1971, N 1484, 1485, 1488; pt 2, pl. 63, N 1484, 1485, 1488.
- ¹¹ *Broneer O.* Excavation at Isthmia. 1959—1961. — Hesperia, XXXI, 1, 1962, pl. XI, b (left); *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus. Pt III. Vases found in 1934, 1938. Oxford, 1950, pl. 10, 1—3, 6.
- ¹² *Шургая И. Г.* Из истории александрийской эллинистической керамики. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 287, 288, рис. 1, 2.
- ¹³ *Williams C. K.* Excavations at Corinth, p. 57, 58; *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery. . . , N 1484, 1485, 1488.
- ¹⁴ *Robinson D. M.* Excavations. . . , pl. 10, 1—3, 6.
- ¹⁵ *Шургая И. Г.* Из истории александрийской эллинистической керамики, с. 288.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ У С. ЗОЛОТОЕ

В июне 1975 г. Восточно-Крымский отряд Института археологии АН СССР исследовал некрополь, расположенный на каменистом плато, в 300 м к востоку от с. Золотое Ленинского р-на Крымской обл. Некрополь занимает полосу шириной 300—500 м и тянется с юга на север на 2,5—3 км.

В древности северо-восточное побережье Казантипского залива было густо заселено. В окрестностях некрополя находятся остатки поселений и могильники главным образом первых веков нашей эры (раскопки И. Т. Кругликовой, Т. М. Арсеньевой, М. А. Романовской, В. Н. Корпусовой).

В конце XIX в. интересующий нас могильник был поврежден кладовщиками¹. В 1973 г. В. Н. Корпусова исследовала здесь девять разрушенных гробниц, семь из которых оказались ограбленными².

В 1975 г. мы разбили два раскопа и открыли шесть гробниц.

На раскопе I в северной части некрополя вскрыто четыре могилы. Камни кольцевых оградок трех из них выступали над землей. Гробницы — частично углубленные в материк каменные ящики — были сложены из нескольких поставленных на ребро крупных плоских известняковых плит, слегка подтесанных с внутренней стороны, и камней меньших размеров. Кроме одного, все каменные ящики были перекрыты одной—четырьмя известняковыми плитами и окружены овальными выкладками диаметром 4,5—4,7 м из камней, лежавших на древней дневной поверхности. Крупные камни находились на границе обкладки, мелкие — между ними и стенками ящиков. Камни заклада гробницы 3 не сохранились, а обкладка представляла собой кольцо диаметром 8,2 м и шириной 1—1,5 м из мелких и средних камней. Пространство между внутренним краем кольца и стенками ящика было свободно от камней.

Каменный ящик 1 размерами 1,6×0,96 м внутри, 2,2×1,6 м снаружи и глубиной 0,82 м вытянут по оси восток—запад. На его дне — материковом грунте — лежали останки двух костяков. Большая часть костей и оба черепа находились у западной стенки ящика. Инвентарь отсутствовал. Судя по отдельным фрагментам гераклейских амфор, найденным среди камней обкладки, эти захоронения можно условно отнести к IV—III вв. до н. э.

Каменный ящик 2 размерами 1,85×0,81 м внутри, 2,1×1,39 м снаружи и глубиной 0,81 м вытянут с северо-востока на юго-запад. Верхняя часть его стенок сложена из горизонтально лежавших в один-два ряда некрупных плоских камней. Пазы между камнями замазаны сине-зеленой глиной. У дна, частично выложенного плоскими камнями, зачищены останки трех костяков. Черепа находились в юго-западной части ящика. Инвентарь отсутствовал. Обломки гераклейских амфор и бронзовых трехлопастных наконечник стрелы с короткой втулкой свидетельствуют о том, что захоронения в гробнице, вероятно, относятся к IV—III вв. до н. э.

Каменный ящик 3 размерами 1,94×0,92 м внутри, 2,35×1,25 м снаружи, глубиной 0,96 м ориентирован по оси северо-запад—юго-восток. Судя по числу найденных черепов, в нем было захоронено 11 человек. Кости почти всех скелетов разбросаны. У дна гробницы удалось зачистить останки погребенного, лежавшего на спине, головой на восток. На запястье его правой руки был надет браслет из медной проволоки с закрученными концами. Справа от костяка у стенки ящика найдены лепной сероглиняный горшочек³ и красноглиняный кувшин⁴, слева — сильно закопченный красноглиняный светильник II—I вв. до н. э.⁵ Среди костей в северо-западном углу ящика найден обломок веретенообразной бусины из глухого синего стекла⁶. Гробница 3, по всей видимости, использовалась для захоронений с середины IV до рубежа II—I вв. до н. э.

Каменный ящик 4 размерами 1,87×0,98 м внутри, 2,3×1,3 м снаружи, глубиной 0,86 м вытянут по оси юго-восток—северо-запад. На дне, частично выложенном плоскими камнями, зачищен костяк, лежавший в вытянутой позе, черепом на запад. Кости и два черепа предшествовавших захоронений были сдвинуты в северо-западный угол могилы. В гробнице найдены три чернолаковые солонки второй половины IV—начала III в. до н. э.⁷, два височных кольца в полтора оборота с пирамидальными утолщениями и шариками на концах⁸, простая красноглиняная чашечка, цилиндрическое глиняное пряслице, круглое бронзовое зеркало (диаметр 15 см)⁹, фрагментированный бронзовый перстень со щитком и бусина из синего стекла¹⁰. Захоронения в гробнице 4 датируются второй половиной IV—III в. до н. э.

Раскоп II был разбит в центре некрополя. Здесь открыты две близкие по характеру захоронений и конструкции гробницы. Камни кольцевых оградок диаметром 6,9 и 8 м отчетливо выступали над землей.

Каменный ящик 1 размерами 1,32×1,26 м внутри, 2,86×1,80 м снаружи, глубиной 1,32 м, сложенный из многочисленных плоских средних

и мелких камней, вытянут по оси восток—запад. Перекрытие гробницы состояло из трех массивных известняковых глыб. Кости почти всех захоронений были перемешаны и вместе с 30 сохранившимися черепами находились главным образом в западной части ящика. В восточной части удалось зачистить останки погребенного, лежавшего в скорченном положении на животе, головой на север. Небогатый инвентарь состоял из бронзового проволочного браслета с незамкнутыми концами (один со змеевидной головкой)¹¹, сильно закопченного буроглиняного светильника, аналогичного найденному в гробнице 3 раскопа I, точильного бруска с отверстием, двух бронзовых перстней без щитков, фрагмента железного ножа с прямой спинкой, лепных сероглиняных чашечки и миски, маленькой буrolаковой чашечки II в. до н. э.¹² и большого числа разнообразных по форме главным образом стеклянных бус, датируемых второй половиной III—началом I в. до н. э. Ранние захоронения могут быть отнесены к рубежу IV—III вв. до н. э., поздние — к концу II—началу I в. до н. э.

Каменный ящик 2 размерами 2,34×1,04 м внутри, 2,94×1,86 м снаружи, глубиной 1,12 м был вытянут с востока на запад. Перекрытие его состояло из трех больших плит. Кости и большая часть черепов, которых было в гробнице 20, сдвинуты в кучу в западной части ящика.

В верхнем слое костей обнаружен скелет, лежавший в вытянутой позе на спине, черепом на юго-восток. На фалангах пальцев обеих рук было два бронзовых перстня, у пояса, справа, — медная боспорская монетка II в. до н. э. В гробнице найдены также медная подвеска из стертой боспорской монеты IV в. до н. э., фрагменты двух сероглиняных лепных чашек, маленькая квадратная костяная пластинка с отверстием, два бронзовых перстня и несколько десятков стеклянных бус второй половины III—начала I в. до н. э. Захоронения в гробнице 2, вероятно, относятся к III—началу I в. до н. э.

В 290 м к юго-западу от раскопа I был исследован разрушенный каменный ящик, сложенный из нескольких необработанных глыб известняка. Размеры ящика, вытянутого с востока на запад, 2,04×0,72 м внутри, 2,62×1,50 м снаружи, глубина 0,70 м. Перекрытие не сохранилось, камни стен и кольцевой оградки сильно выступали над землей. В ящике найдены останки двух захороненных. Оба погребенных лежали в вытянутой позе на спине, головами на запад, инвентарь отсутствовал.

Каменные ящики, аналогичные исследованным, встречаются и в других местах некрополя. Именно такого рода гробницы, раскопанные В. Н. Корпусовой в 1973 г., содержали материал конца VI—начала IV в. до н. э.¹³

Близкое устройство имели и каменные ящики, исследованные А. М. Лесковым и И. Т. Кругликовой у с. Рыбное на мысе Казантип. Погребения в них датированы V—IV вв. до н. э.¹⁴

Большую сложность представляет этническое определение населения, оставившего могилы, раскопанные в 1975 г., и подобные им гробницы в некоторых районах Керченского полуострова¹⁵. Вещи, найденные в этих гробницах, за редким исключением¹⁶, встречаются в погребениях V—I вв. до н. э. на всей территории Боспорского государства. Обращает на себя внимание необычный для скифов Восточного Крыма V—III вв. до н. э. бескурганый характер погребений того же времени в грубых каменных ящиках, отсутствие в этих погребениях костей жертвенной пищи, нередких в скифских гробницах¹⁷, случаи не свойственной скифам восточной ориентировки¹⁸. Однако нельзя не отметить в наиболее поздних из рассматриваемых захоронений черты, общие скифским погребениям III в. до н. э. на Керченском полуострове. Эта общность проявляется в устройстве каменных ящиков, в западной ориентировке погребенных, увеличении числа костяков в одной могиле, исчезновении из инвентаря предметов вооружения.

Однако это, как нам кажется, еще не позволяет уверенно говорить об этническом единстве, во всяком случае в VI—начале III в. до н. э., скифов, оставивших подкурганые захоронения в степной части Восточного Крыма, и населения, обитавшего в наиболее глухих, удобных для обороны прибрежных районах полуострова и хоронившего своих покойников в примитивных каменных ящиках с кольцевыми оградками.

Впрочем, известные контакты обеих этих групп населения между собой и с греками боспорских городов имели место уже в тот период. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, оружие скифского типа (наконечники стрел, акинаки), находимое в каменных ящиках¹⁹, с другой — предметы греческого импорта (посуда, зеркала, серьги, перстни, браслеты, бусы и т. п.), встреченные в могилах скифов и в интересующих нас гробницах.

Вызывает возражение гипотеза о таврской принадлежности рассматриваемых захоронений²⁰, основанная на внешнем сходстве их с таврскими ящиками горного Крыма. Для тавров характерны только скорченные позы и неустойчивая ориентировка покойных²¹, тогда как в каменных ящиках Керченского полуострова господствует вытянутая поза, а ориентировка — западная.

Нам уже приходилось писать об известном сходстве в конструкции исследуемых гробниц ранней группы и могил некоторых типов V—III вв. до н. э., оставленных скорее всего синдским населением, жившим в окрестностях античной Горгииппии²². Однако у синдов, по-видимому, преобладала устойчивая восточная ориентировка, а типы гробниц были разнообразнее.

Таким образом, следует признать, что полных аналогий рассматриваемые нами памятники ни с одним из известных уже типов погребений негреческого населения Северо-Восточного Причерноморья не имеют. Однако достойны внимания сходные элементы в интересующих нас погребениях с гробницами тавров и синдов.

В литературе уже неоднократно высказывалась мысль об определенной близости культур и этническом родстве жителей Прикубанья, Северного Кавказа и горного Крыма в период позднего бронзового и раннего железного века²³. До сих пор не решен окончательно вопрос о причинах удивительного сходства погребений в некоторых нимфейских и Семибратних курганах. Примечательно, что в какой-то степени эти связи, видимо, ощущались и в античную эпоху. Так, у Псевдо-Арриана мы находим свидетельство, правда весьма туманное, о том, что язык древних синдов был родственен языку тавров (*Ps. Arr.*, 63). Страбон — среди меотских (*Strabo*, XI, 2, 11), а Аммиан Марцелин — среди таврских (*Amm. Marc.*, XXIII, 8, 33) племен упоминают весьма похожие названия: «Аррихи» и «Арихи».

Не исключено, что именно племена (или племя), оставившие интересующие нас погребения на Керченском полуострове, были звеном в цепи взаимосвязей культур Прикубанья и Крыма.

Античные авторы отождествляли догреческое население Восточного Крыма с легендарными киммерийцами (*Herod.*, IV, 11—12). Предположение, что следы киммерийцев следует искать по берегам Азовского моря, в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, высказывал еще М. И. Ростовцев²⁴. Представляется очень заманчивым считать во всяком случае ранние из рассматриваемых гробниц памятниками потомков киммерийцев, «некогда господствовавших на Боспоре». В VII—VI вв. до н. э. они были оттеснены скифами в наиболее глухие районы полуострова, где, испытывая скифское влияние и вступая в контакты с греками, обитали и в дальнейшем.

В середине III в. до н. э. на Боспоре происходят большие экономические перемены²⁵. Сельские поселения в глубинных районах Восточного Крыма пустеют, жители их, главным образом осевшие на землю скифы,

переселяются в прибрежные области, где возникает целая сеть новых поселений²⁶. Скифские погребения в курганах степной части полуострова исчезают²⁷. Пришлое население, видимо, смешалось с потомками киммерийцев, что отразилось в погребальном обряде, в котором усилились скифские черты. Одновременно с этим шел процесс известной эллинизации всего негреческого населения европейского Боспора.

В раскопанных в 1975 г. гробницах, датированных III—началом I в. до н. э., заметны и отголоски древних традиций (форма кольцевых обкладок, отсутствие курганных насыпей и костей жертвенной пищи), и скифское влияние (преобладание западной ориентировки, увеличение числа захоронений в могиле, изменения в конструкции каменных ящиков), и отдельные элементы, появившиеся в погребальном обряде вследствие контактов с греками (присутствие в могиле монет, возможно, восточная ориентировка).

Погребенные в каменных ящиках у с. Золотое во II—I вв. до н. э. — это уже не скифы, не киммерийцы, не тавры и не греки. Взаимовлияние и сложное переплетение племен, народов и культур на хоре европейского Боспора к рубежу II—I вв. до н. э., видимо, привело к сложению здесь некой этнической общности, которую античные авторы именовали «боспорянами» (*Strabo*, XI, 2, 10). Аналогичный процесс, но на другой этнической основе и с некоторыми особенностями, протекал в азиатской части Боспора и его городах.

В конце II—первой половине I в. до н. э. Боспор переживает глубокие социальные и экономические потрясения. Усиление натиска сарматских племен, восстание Савмака и походы Диофанта, войны Митридата и его преемников, наконец, разрушительное землетрясение 63 г. до н. э. — все эти события не могли не сказаться на этнической картине европейской части государства. Именно в то время гибнет большинство поселений на азовском побережье Керченского полуострова²⁸. Исчезает (уходит или подвергается истреблению) местное население. По всей видимости, этим объясняется отсутствие среди раскопанных погребений в некрополе у с. Золотое захоронений, относящихся к более позднему, чем начало I в. до н. э., времени.

Поскольку самые ранние из могил, раскопанных В. Н. Корпусовой в некрополе непосредственно в с. Золотое²⁹ и Т. М. Арсеневой — у с. Новоотрадное³⁰, резко отличаются по погребальному обряду от захоронений VI—I вв. до н. э., можно предположить смену населения в этом районе. Видимо, в промежутке был какой-то этап временного запустения и опустошения. Вероятно, именно к этому периоду относится замечание Страбона о том, что берег Меотийского озера, мимо которого приходится плыть из Пантикапея в Танаис, «со стороны Европы пустынен» (*Strabo*, VII, 4, 5).

В заключение подчеркнем, что сделанные нами выводы и предположения во многом еще гипотетичны и нуждаются в проверке и уточнении.

¹ Дирин А. А. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки. — ЗООИД, XIX, 1896, с. 128.

² Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П. Работы у с. Золотое. — АО 1973 г. М., 1974, с. 293.

³ Аналогичные лепные сосуды встречаются в скифских захоронениях IV—III вв. до н. э. в курганах Восточного Крыма (*Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 126, рис. 15, 10).

⁴ Подобные кувшины известны, в частности, в гробницах второй половины IV в. до н. э. в некрополе у поселка им. Войкова (*Капошина С. И.* Некрополь в поселке им. Войкова. — МИА, № 69, 1959, с. 137, 140, рис. 43, 1).

⁵ *Bernhard M. L.* Lampki starożytne. Warszawa, 1955, tabl. XXV, 134.

⁶ Такие бусы датируются второй половиной III—началом I в. до н. э. Все бусы определены и датированы Е. М. Алексеевой, которой автор выражает глубокую благодарность.

- ⁷ *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ, вып. Д1—27, 1970, с. 17, 60, табл. IX, 346, 348, 710, 720.
- ⁸ Аналогичные подвески были широко распространены во всем Северном Причерноморье в IV—III вв. до н. э. (см., например: *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств, IV, 1968, с. 73).
- ⁹ Подобные зеркала часто встречаются в погребениях различных боспорских некрополей IV—III вв. до н. э. (Там же, с. 72, рис. 20).
- ¹⁰ Бусина датируется второй половиной III—началом I в. до н. э.
- ¹¹ Такие браслеты обычны в захоронениях IV—III вв. до н. э. во всем Северо-Восточном Причерноморье (*Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения..., с. 124, 125, рис. 12—14).
- ¹² Чашечка датирована В. Д. Блаватским.
- ¹³ *Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П.* Работы у с. Золотое, с. 293, 294.
- ¹⁴ *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. — СА, 1961, № 1, с. 263, 264; *Кругликова И. Т.* Каменные ящики у д. Рыбное. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 162.
- ¹⁵ Известен материал всего из 21 погребения в каменных ящиках. Установить точное число аналогичных захоронений, раскопанных А. А. Дириним в конце XIX в., не представляется возможным. Подобные гробницы засвидетельствованы у мыса Казантип, у с. Золотое, Кюль-Тепе, мыса Зюк, горы Опук.
- ¹⁶ К числу таких исключений относится чернолощенный сосуд с нарезным геометрическим орнаментом, затертым белой пастой, найденный В. Н. Корпусовой в одной из гробниц некрополя у с. Золотое (*Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П.* Работы у с. Золотое, с. 294).
- ¹⁷ *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения..., с. 121.
- ¹⁸ Помимо обнаруженных в 1975 г. захоронений с костяками, ориентированными на восток, следует обратить внимание на упоминание А. А. Дирина о том, что во всех раскопанных им каменных ящиках у Кюль-Тепе ориентировка костяков была восточная (*Дирин А. А.* Мыс Зюк..., с. 129).
- ¹⁹ *Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П.* Работы у с. Золотое, с. 294. В одной из гробниц найдены два акинака V—IV вв. до н. э., стрелы же были во всех каменных ящиках, датированных временем не позднее второй половины IV в. до н. э.
- ²⁰ *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры..., с. 263, 264.
- ²¹ *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965, с. 89.
- ²² *Масленников А. А.* Об этнической принадлежности погребений в каменных ящиках Восточного Крыма. — КСИА, 145, 1976, с. 19—22.
- ²³ См., например: *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. — КСИИМК, XLVI, 1952; *Лесков А. М.* Горный Крым..., с. 133—136; *Кругликова И. Т.* Каменные ящики..., с. 162.
- ²⁴ *Ростовцев М. И.* Эллинизмо и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 31.
- ²⁵ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 100—106.
- ²⁶ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 20, 96—99, 102.
- ²⁷ Из 62 погребений, раскопанных в курганах степной части Керченского полуострова, нет ни одного скифского захоронения более позднего времени, чем III в. до н. э. (*Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения..., с. 115).
- ²⁸ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора, с. 99, 100.
- ²⁹ *Корпусова В. Н.* Некрополь у с. Золотое. — КСИА, 128, 1971, с. 91.
- ³⁰ *Арсеньева Т. М.* Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. — СА, 1963, № 1, с. 192.

Б. Г. ПЕТЕРС

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ПОЛУОСТРОВЕ КАЗАНТИП

В 1962 г. Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР провел раскопки поселения античного времени на южном мысе полуострова Казантип, западнее с. Мысовое¹. Как сообщили старожилы, участок земли, на котором расположено поселение, подвергался перепланировке в конце XIX в., и тогда были перемещены значительные массы грунта. Кроме того, центральная часть поселе-

ния разрушена окопами и блиндажами во время Великой Отечественной войны и котлованами при позднейших строительных работах, так что культурный слой сохранился только на окраинах поселения.

Культурный слой поселения находится на 2,5—3,0 м выше современного уровня Азовского моря и залегает на известняке или на материковых суглинках. Нижняя часть этого слоя — светло-желтый суглинок с известняковой крошкой. Эта прослойка мощностью 0,4 м залегает на глубине до 1,0 м от современной поверхности и прослежена на всех четырех раскопах. Она бедна находками и относится ко времени строительства поселения и начальному периоду его жизни. В ней обнаружены фрагменты пантикапейских амфор IV—III вв. до н. э.², чернолаковых киликов на низком поддоне со штампованным орнаментом IV в. до н. э. (рис. 1, 4)³.

Средняя часть слоя представляет собой темно-серую мусорную зольную прослойку мощностью до 0,5 м. Она хорошо прослеживается в раскопах I—III. В ней встречены фрагменты пантикапейских амфор IV—III вв. до н. э.⁴, гераклейских и синопских амфор III в. до н. э.⁵, фрагмент ручки херсонесской амфоры с клеймом третьей четверти III в. до н. э.⁶ В нижней части прослойки найдены фрагменты лепных сероглиняных горшков, сделанных из хорошо подготовленной глины с редкими включениями мелкого кварцита. В изломе глина черепков трехцветна: снаружи — мышино-серая⁷, затем — темно-серая, с внутренней стороны — бледно-терракотовая. Поверхность сосудов заглажена, венчик слегка отогнут наружу. На наружном крае венчика прослеживается четкий пальцевой орнамент с вертикальными отпечатками ногтя (рис. 1, 3). В верхних горизонтах прослойки обнаружены фрагменты лепных сероглиняных сосудов, изготовленных из более грубого, плохо подготовленного теста со значительными примесями кварцита. Поверхность фрагментов неровная, бугристая, хотя и заметны следы заглаживания по сырой глине.

По форме и орнаменту фрагментов, найденных в верхних горизонтах прослойки, могут быть установлены два типа сосудов:

1. Горшки с прямым горлом, диаметром около 0,30 м, с нечетким и неровным пальцевым орнаментом по верху венчика (рис. 1, 2). В изломе глина черепков трехцветна: с наружной и внутренней стороны — коричневого цвета, внутри — темно-серая.

2. Горшки с округлым, слегка отогнутым наружу венчиком, диаметром около 0,18 м. В изломе глина черепков двуцветна: с наружной стороны — от черного до темно-серого, с внутренней — коричневого цвета. На внутренней части венчика — орнамент в виде круглых углублений, с наружной стороны венчика и горла спускаются вертикальные полукруглые углубления (рис. 1, 1).

Верхняя часть культурного слоя состоит из светло-коричневых суглинков мощностью до 0,5 м с единичными находками фрагментов стенок амфор IV—II вв. до н. э.

На раскопах I—III при исследовании культурного слоя открыты участки стен 1—5 (рис. 2). Все эти стены двупанцирные, шириной 0,60—0,85 м, с внутренней каменно-глиняной забутовкой. Наружные и внутренние панцири стен сложены из глыб известняка рваных очертаний, иногда со слабыми следами подтески. Все стены лежат на материке.

Можно предположить, что эти стены являются остатками оборонительных сооружений поселения. Стены 1—4, сложенные из сравнительно небольших камней, вероятно, защищали поселение с юга и располагались вдоль высокого берегового обрыва, следуя его изгибам. Часть стены 2 в результате морской абразии берегов разрушена. Сопряженность под прямыми углами небольших участков южной стены избавляла от необходимости строительства угловых башен, так как с выступов стены можно было вести фланговый обстрел. С севера, где поселение не защищено морем, был выкопан ров и насыпан вал, на котором построили

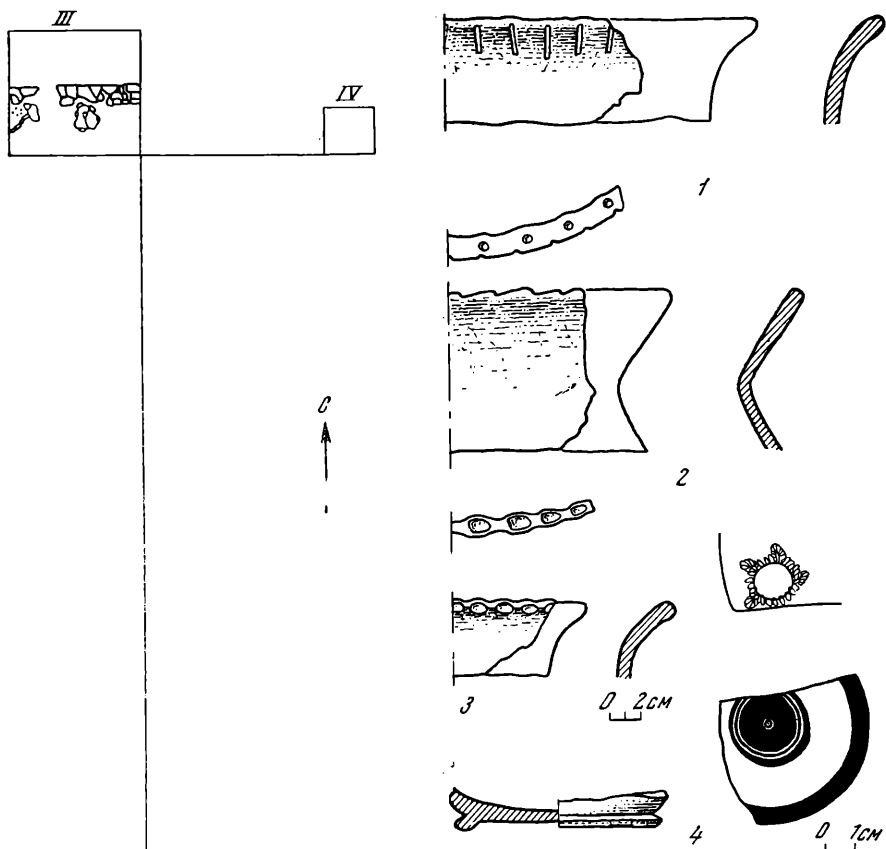

Рис. 1. Фрагменты лепной и чернолаковой керамики

1 — раскоп I, квадрат 5, штык 2; 2 — раскоп II, штык 2; 3, 4 — раскоп I, квадрат 3, штык 4

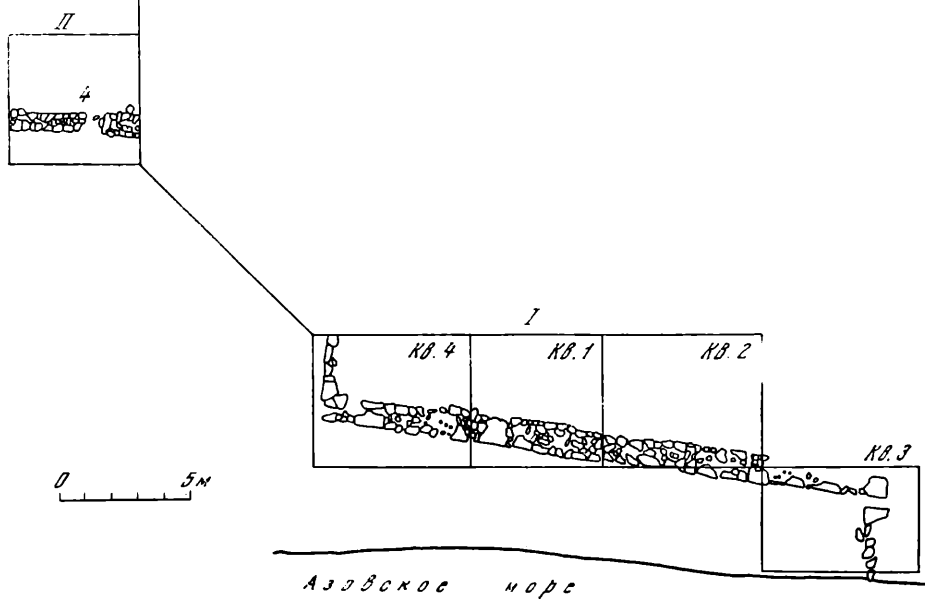

Рис. 2. План раскопов I—III

северную стену 5 из более крупных камней, чем остальные. Севернее стены прослеживаются линзы зольников.

Разведочные работы дают возможность сделать лишь предварительные выводы о характере поселения.

Поселение существовало с IV по III в. до н. э. С севера оно было защищено рвом, валом и каменной оборонительной стеной, с юга, запада и востока — морем и стеной. На раскопе III обнаружено около 100 округлых камней (известняк) диаметром 0,05—0,08 м — возможно, склад ядер для пращи или метательных орудий. При раскопках найден обломок железного меча. Оборонительные сооружения, склад каменных ядер, оружие говорят о военной деятельности поселенцев.

Внутри поселения в некоторых местах, где сохранился культурный слой, прослеживаются выходы на дневную поверхность каменных стен помещений и вымосток, но эти остатки столь фрагментарны, что не дают возможности определить размеры и характер помещений. Оборонительные стены, стены помещений, вымостки сложены из одних и тех же пород известняка, выходы которых отмечены вдоль берегового обрыва, где, видимо, находились каменоломни.

Жители поселения вели многоотраслевое хозяйство. На плодородных землях Казантипа они занимались земледелием, о чем говорят находки фрагментов пифосов, в которых могли хранить зерно, а также обломка железного серпа со слабоизогнутым лезвием. Сохранившаяся длина обломка 8 см, наибольшая ширина лезвия 2 см. Насколько можно судить, этот серп близок серпам меотского типа III в. до н. э.⁸ Жители занимались и скотоводством. На поселении обнаружены кости трех особей крупного рогатого скота, трех особей мелкого рогатого скота, одной лошади, двух свиней и птиц⁹. Азовское море в этом районе богато рыбой и моллюсками. На поселении найдены кости рыб, а створки мидий в слое достигают большой концентрации и часто прослеживаются отдельными горизонтальными прослойками, свидетельствуя о развитии здесь морского промысла.

Жители поселения изготовляли лепную сероглиняную посуду. В районе поселения обнаружены выходы глины и песка, пригодных для производства керамики. Так как лепная сероглиняная посуда, несомненно, изготовлена на месте, можно связать технику лепки, формы сосудов с определенными этническими традициями местного населения¹⁰.

В культурном слое поселения встречены обломки амфор из Гераклеи Понтийской, Синопы, Херсонеса и Пантикапея, фрагменты привозной чернолаковой посуды и стеклянных изделий. Эти товары могли попасть сюда при посреднической торговле из Пантикапея или при прямом заходе судов в гавань Казантипа. В юго-западной части поселения находилась естественная гавань, в которую могли заходить небольшие суда. На скалах сохранились следы подтесок и сверлений, связанных, возможно, со швартовкой кораблей. В юго-восточной части поселения имеется песчаный пляж, на который можно было вытаскивать суда.

¹ Общая характеристика поселения дана в кн.: *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. Начальник отряда И. Т. Кругликова, начальник раскопа Б. Г. Петерс.

² *Зест И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83, 1960, с. 153, табл. XVII, 34б.

³ *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 47, табл. VI, 73.

⁴ *Зест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 153, табл. XVII, 34б.

⁵ Там же, с. 150, 158, табл. XIV, 30в; XXII, 45. На обломке ручки синопской амфоры имеется клеймо плохой сохранности, возможно аналогичное клейму астинома Гикесия, опубликованному Н. В. Анфимовым (см.: *Анфимов Н. В.* Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи. — ВДИ, 1951, № 1, с. 121).

⁶ *Ахмеров Р. Б.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4, с. 107, 108, табл. II, 17.

⁷ Описание цвета глины дано по кн.: *Бондарцев А. С.* Шкала цветов. М.—Л., 1954.

⁸ *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 111, рис. 39.

⁹ Определение проведено в остеологической лаборатории ИА АН СССР В. И. Цалкиным.

¹⁰ *Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса, II. — В кн.: *Античные древности Подонья — Приазовья.* М., 1969, с. 207.

Т. М. АРСЕНЬЕВА

РАСКОПКИ ТАНАИСА В 1973—1976 ГГ.

Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения продолжала в 1973—1976 гг. раскопки древнего Танаиса¹. Работы велись в западной части основного четырехугольника, на раскопах IV и VI, и в центре, на раскопе XIV².

На раскопе IV была прирезана новая площадь, вытянутая с севера на юг; западный ее борт шел вдоль участка раскопа, на котором находились открытые ранее помещения З, Л и С³. К наиболее ранним сооружениям, выявленным на раскопе, относится стена, западный участок которой был исследован еще в 1970 г. Она служила южной оборонительной стеной города эллинистического времени и, видимо, во II в. до н. э. ограничивала город с юга. Ширина стены 2,20 м, сохранившаяся высота 0,70—0,80 м, восточный конец уходит под борт раскопа. Северный фас стены в I в. н. э. оказался застроенным каменной оградкой из вертикально поставленных плит. Под прямым углом к ней шла такая же оградка, открытая вдоль восточного борта. После того как город расширился к югу и оборонительная стена перестала выполнять свои функции и в значительной степени была разобрана, этот участок оказался застроенным более поздними сооружениями. Сохранились незначительные остатки построек II в. н. э. и перекрывавшие их более поздние стены помещений III и IIII, разрушенных во время разгрома города в 40-х годах III в. н. э. В северо-западном углу помещения III находились каменно-глиняная подставка и смонтированная на ней зернотерка. Кроме того, в помещении найдены лепные и серолощенные сосуды, среди них миска на низком кольцевом поддоне (рис. 1, 11), фрагментированный кувшин (рис. 1, 5) и обломки широкогорлой красноглиняной амфоры, на горле которой с двух сторон имеется двустрочное прямоугольное клеймо с именем Фаустины и изображением ветви. В слое с материалом первой половины III в. н. э. найден краснолаковый светильник с рельефным изображением на щитке (рис. 2, 4). К северу от этих сооружений, вдоль восточной стены помещения С, шла вымостка проулка, значительно понижающаяся к югу. Восточная стена помещения С одновременно служила подпорной стеной, обрамлявшей невысокую террасу, на которой находилась вымостка. Уровень вымостки лежит на 2,30 м выше уровня пола помещения С.

Только в северной части исследуемой площади были открыты сооружения последнего периода жизни города — конца IV—начала V в. н. э. Среди них следует упомянуть округлую в плане монументальную каменную постройку. Ее диаметр составлял около 10 м, а толщина стен достигала 1 м. Как и многие другие сооружения того времени, она была частично углублена в землю, поэтому стены ее имеют только внутренний панцирь.

На раскопе XIV исследовались сооружения и слои конца IV—начала V в. н. э., а под ними — остатки построек II — первой половины III в. н. э.

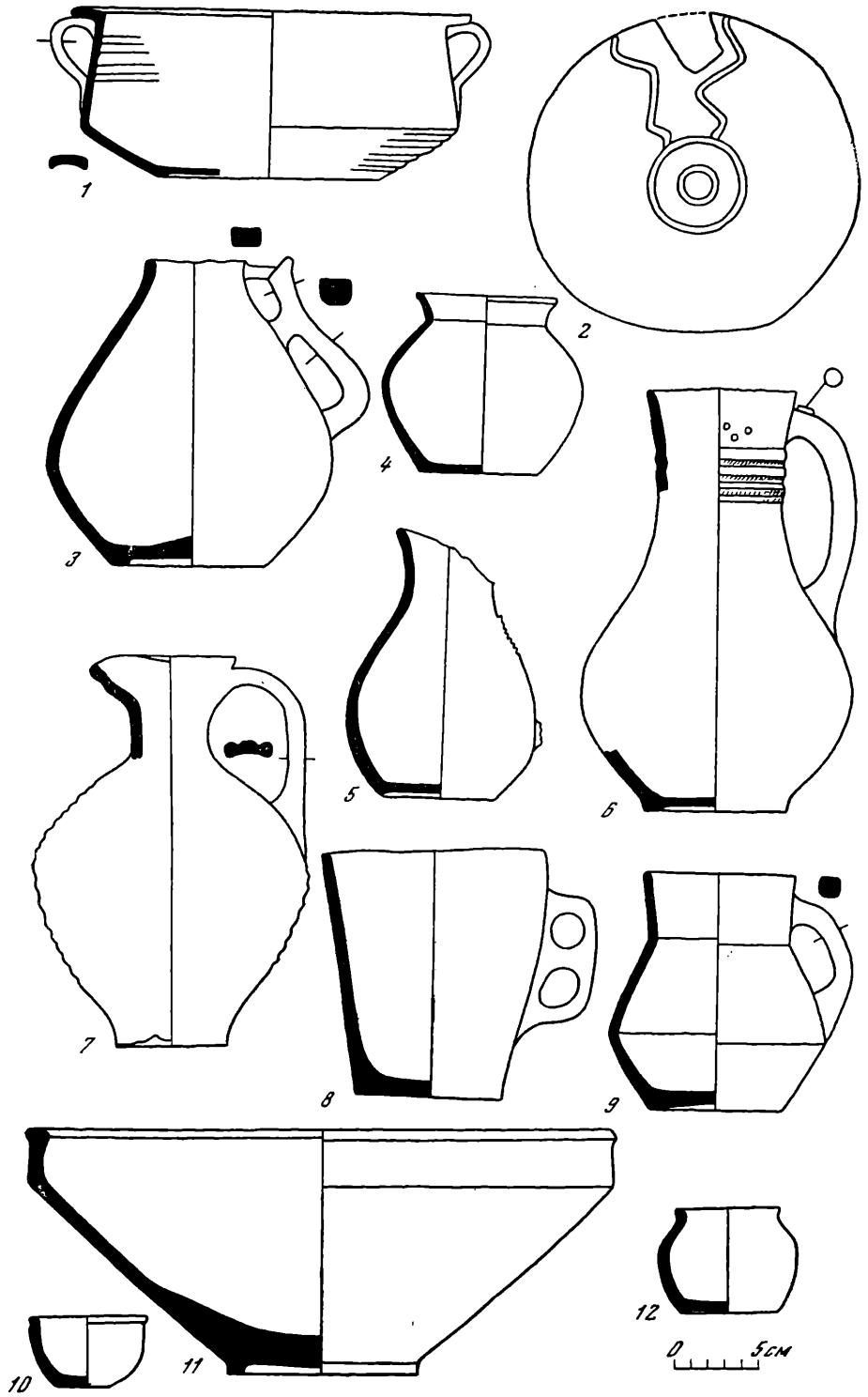

Рис. 1. Керамика (1—12)

Рис. 2. Керамика (1—9)

Здесь вскрыта площадь около 550 кв. м. Самым поздним памятником оказалось погребение, впущенное в слой IV—V вв. н. э. Оно сохранилось плохо, от погребального инвентаря уцелели только обломки костяной накладки лука гунского типа. Обломки такого же лука были найдены на городище в 1961 г.⁴

К последнему периоду жизни города относится несколько разновременных сооружений. Следует отметить большую постройку — помещение К размерами около 50 кв. м, почти квадратной формы. Все ее стены были сложены из рваного камня и покрыты глиняной обмазкой. Пол помещения глиняный, из нескольких подмазок с золистыми прослойками. Выявлены остатки печи в виде глинобитной платформы округлой формы — часть пода из прокаленной глины. Среди находок преобладают обломки

красноглиняных и светлоглиняных амфор IV—V вв. н. э. и лепных сосудов, в том числе мисок черняхоидного типа, часто украшенных фасетками по острому ребру. Интересна миска, изготовленная из нижней части массивного лепного сосуда: верх его был отбит, а придонная часть аккуратно обколота.

Еще бóльшую площадь (больше 52 кв. м) имеет помещение С. Размеры его и толщина стен (до 1,40 м) заставляют предполагать, что помещение С не было обычным жилым или хозяйственным зданием, а выполняло какие-то общественные функции. Об этом говорит и очень большое, по танаисским нормам, количество обломков черепицы в засыпи этого помещения. Видимо, здание покрывала черепичная крыша, что в условиях Танаиса, особенно в позднюю эпоху, было редкостью. Стены помещения С сохранились плохо из-за выборки камня и перекопов в этом районе. Залегают они на очень высокой вертикальной отметке, под самым дерновым слоем. В то же время они покоятся на материковой глине и не имеют под собой подстилающих слоев, что для Танаиса позднейшего периода совершенно необычно. Возможно, при сооружении помещения С в IV—V вв. н. э. были использованы стены более раннего здания. Среди находок помещения С наряду с материалом IV—V вв. н. э. есть и более ранние, вплоть до эллинистического времени: обломки керамики с черным лаком и обломки ручек родосских амфор с клеймами.

Высокое залегание материка позволяет предполагать террасирование поверхности поселения с понижением с востока на запад. Открыты остатки двух, видимо подпорных, стен, обрамлявших невысокие террасы, понижавшиеся уступами с севера на юг.

От остальных построек IV—V вв. н. э. сохранились невыразительные остатки. Часть построек имела округлые стены, и почти все были углублены в землю. Поэтому нижние части стен — однофасовые. Открыты также остатки каменных вымосток и многочисленных ям, иногда выложенных камнем. Некоторые из них, судя по обмозке и находкам рыбьих костей и чешуи, служили цистернами для засолки и хранения рыбы. В ямах было много керамических находок, в том числе и лепная посуда (рис. 1, 9, 12).

Сооружения II—первой половины III в. н. э. представлены в центральной части раскопа большим комплексом подвальных помещений, связанных с ними вымосток и остатков наземных сооружений (рис. 3). Только одно подвальное помещение Р датируется II в. н. э. В нем сохранилось много светлоглиняных амфор с узким горлом II в. н. э.⁵, краснолаковой и лепной посуды (рис. 1, 4). Особо следует упомянуть находки целых кастрюль (рис. 1, 1), дна кругового сосуда с клеймом в низком рельефе в виде тамгообразного знака (рис. 1, 2), ручки красноглиняной амфоры с клеймом (рис. 2, 5), серолощенного кувшина с зооморфной ручкой (рис. 1, 3), светильника в виде серебряной чашечки на железном треножнике, глиняного светильника в виде человеческого лица и монеты. Этот подвал перестал существовать во II в. н. э., остатки III в. н. э. в нем не было. Остальные подвальные сооружения были разрушены во время готского разгрома города в 40-х годах III в. н. э. Открыты и расшищены четыре подвальные постройки — Г, Д, Е и У. Стены наземных помещений сохранились плохо: они в значительной степени были разобраны еще в древности. Все подвалы завалены камнем, вероятно от наземных построек, и грунтом мусорного характера со следами большого пожара: камни обожжены, много золы, угля и спекшейся глины. Следы пожара отмечены и многие находки.

Два подвальных сооружения — Г и Д — соединялись между собой нешироким (0,80 м) проходом, оформленным с обеих сторон крупными хорошо подогнанными камнями. Наличие прохода из одного подвального помещения в другое — факт новый для Танаиса, до сих пор все подвалы были изолированными. Впервые в Танаисе в подвале Г был отмечен

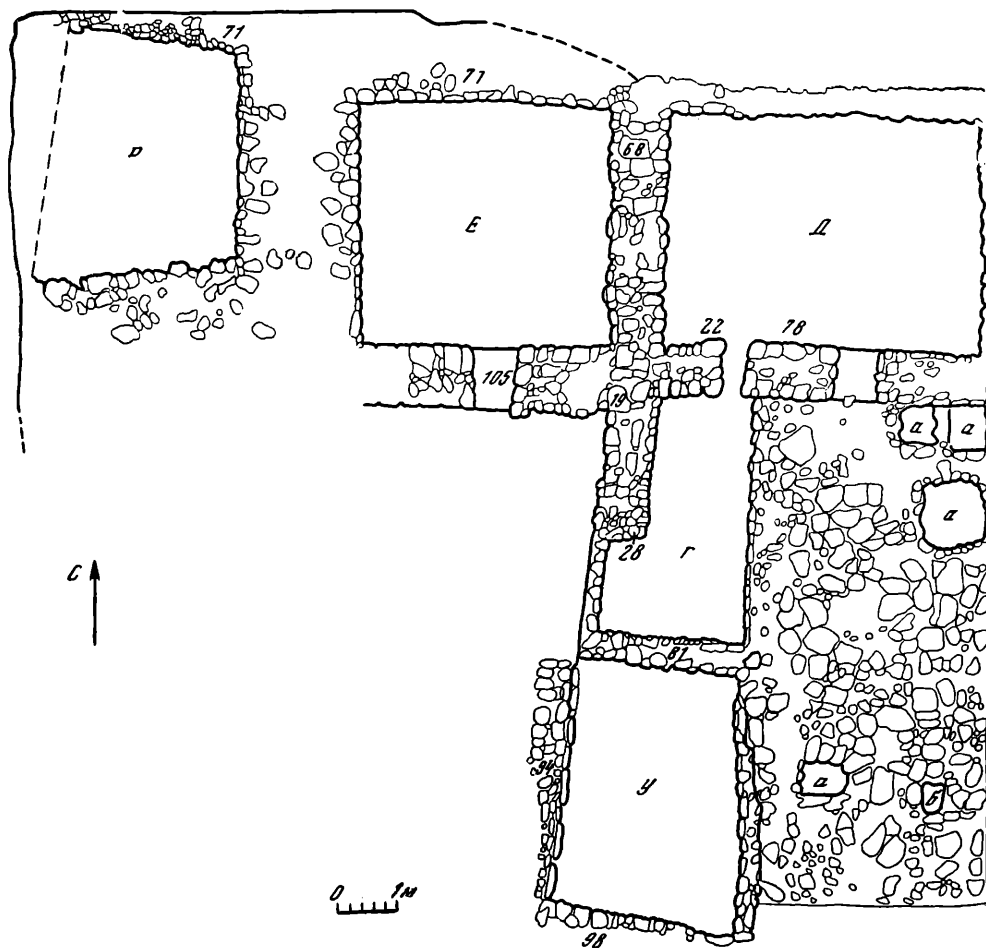

Рис. 3. Схематический план сооружений II—III вв. н. э. на раскопе XIV
Буквами обозначены подвалы; а — ямы IV—V вв. н. э.; б — цистерна I

прием обкладки нижней части стен вертикально поставленными каменными плитками. Они стояли рядом, впритык друг к другу, прикреплялись к стенам плотным раствором зеленовато-серой глины и образовывали как бы плитус, прикрывающий соединение стен подвала с полом.

В подвале Г найдены обломки двух жерновов, каменные грузила, глиняные пряслица, обломки терракоты (рис. 2, 1, 7), многочисленные обломки керамики и шесть монет, три из которых определены: это денарий Рискупорида III и два двойных денария Савромата III и Рискупорида IV. В подвал Г спускались по приставной деревянной лестнице или использовали вход в южной стене подвала Д, расположенного севернее подвала Г. Вход сделан в виде проема в верхней части стены на всю ее толщину, и в нем имеются две выложенные камнем ступеньки. Ниже, как и в большинстве других танаисских подвалов, видимо, спускались по приставной деревянной лестнице. Подвал Д имел значительные размеры (5,80×4,15 м) и содержал большое количество находок. Открыты многочисленные разнообразной формы амфоры, среди которых две необычны: большая светлоглиняная узкогорлая на кольцевом поддоне (рис. 4, 1) и с длинным (1,12 м) сигарообразным туловом, воронковидным горлом, маленькими петлевидными ручками на плечиках и конической ножкой (рис. 4, 2). Среди лепной керамики следует отметить четырехгранную курильницу, вся поверхность которой орнаментирована

вдавлениями, нанесенными ногтем (рис. 2, 8), и закрытый светильник, орнаментированный мелкими вмятинами (рис. 2, 9). Открыты две одинаковые красноглиняные ойнохои, одна из которых — со следами древней реставрации (рис. 1, 7), лощеный круговой тяжелый кувшин с налепом на ручке и тоже со следами починки в древности (рис. 1, 6), лепная кружка (рис. 1, 8), светильник (рис. 2, 3). Упомянем еще бронзовый котел, обломки стеклянных сосудов, две монеты — денарий Рискупорида III и биллоновый статер Инифимея, около 40 больших плоских каменных грузил с одним или двумя отверстиями. Видимо, в подвале хранилась большая рыболовная сеть, снабженная этими грузилами.

Непосредственно с запада к подвалу Д примыкает подвал Е, сохранившийся несколько хуже. Вход в него находился в юго-восточном углу и был оформлен так же, как и вход в подвал Д. Среди находок в подвале следует отметить обломки терракотовой статуэтки⁶, светильников (рис. 2, 2) и монету — сестерций Савромата I.

Непосредственно с юга к подвалу Г примыкает подвал У. Длинные его стороны, западная и восточная, были дополнительно облицованы большими плоскими плитами разных размеров и формы. Прикреплены они к стене так же, как и в подвале Г, — зеленовато-серой глиной, в некоторых местах они еще добавочно вымощены мелкими и средними камнями. Подвал был заполнен вещами. Часть предметов, видимо, хранилась в подвале, часть — провалилась вместе с деревянным перекрытием из наземного помещения в момент разгрома города. Об этом говорят находки черепицы. Найдено девять целых или полностью склеивающихся керамид прямоугольной формы и много фрагментов полуцилиндрических калиптеров. Кроме того, найдены куски турлука, обгоревшие части деревянных плах и железные гвозди. На полу сохранилось много целых или раздавленных сосудов, среди них светлоглиняные амфоры, краснолаковые и лепные сосуды (рис. 1, 4). Особо отметим находки бронзового светильника с изогнутой ручкой, оканчивающейся головой лошади⁷, бронзового ковша, обломка мраморной плиты с остатками надписи, трех монет, из которых определима одна — драхма Савромата II, и более 30 больших грузил конусовидной формы из плохо обожженной глины.

К югу от подвала Д и к востоку от подвалов Г и У находился мощный дворик. Вымостку дворика образуют плоские большие хорошо уложенные камни. В южную часть вымостки была включена горловина водосборной цистерны. Эта горловина имела форму вытянутого с юга на север прямоугольника. Внутренние размеры его 0,50×0,40 м. Стенки цистерны сначала спускались вертикально, а затем резко расширялись. Глубина ее 3,80 м. В цистерне найдено много битой керамики и целая светлоглиняная узкогорлая амфора III в. н. э.

С севера к горловине цистерны подходил водосток. Он сложен из поставленных на ребро плоских камней и перекрыт каменными плитами, включенными в вымостку. Дно его также образуют плоские плиты. Назначение водостока — собирать дождевую воду с поверхности вымостки и отводить ее в цистерну. Уровень вымостки несколько понижается к югу, поэтому вода хорошо шла самотеком по каменной трубе водостока.

К югу от подвала Е и к западу от подвалов Г и У открыты остатки еще одного мощеного дворика. На камнях его вымостки был расчищен большой развал черепиц с кусками обуглившегося дерева. Возможно, это остатки кровли, составлявшей навес над двориком.

На раскопе VI продолжалось исследование вновь открытых городских кварталов II—III вв. н. э., а также кварталов с усадьбами, открытых в предыдущие годы⁸. В усадьбе 3 в середине мощеного дворика расчищена цистерна, расположенная в центре вымостки; плиты вымостки наклонены в сторону цистерны. Глубина цистерны 5,4 м, в нижней части она вырублена в скале, выше стенки ее выложены камнем. Первоначальное назначение цистерны — хранение дождевой воды, но к моменту

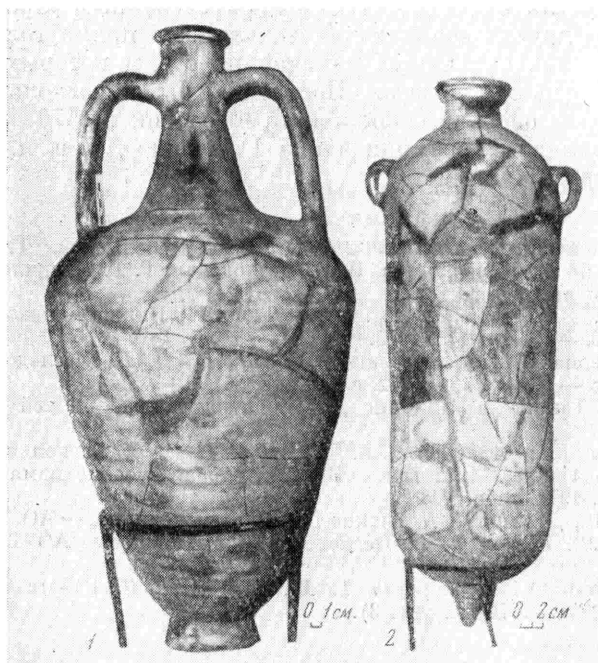

Рис. 4. Амфоры первой половины III в. н. э.

гибели усадьбы, к середине III в. н. э., цистерна уже функционировала как хозяйственная яма. Среди различных керамических находок в цистерне был найден обломок терракоты, изображающей Эрота и Психею (рис. 2, б). Вокруг вымостки дворика открыты северная и восточная галереи. Северная галерея находится к востоку от входа в помещение АФ. Пол галереи на 0,15 м ниже вымостки центрального двора, что заставляет предполагать наличие над галереей перекрытия, с которого вода стекала на вымостку. В ином случае вода в галерее стояла бы. Восточная галерея устроена аналогично северной, но пол ее был сильно поврежден перекопами.

В усадьбе 4 доследован подвал АЮ, расчищены помещение ВВ с подвалом и двор с вымосткой из массивных плит и цистерной в центре, также окруженный галереями с грунтовым полом.

Частично исследована усадьба 5 — помещение с подвалами ВШ, БР, БП и мощным двором. В подвале БР открыты семь больших красноглиняных амфор, стоявших вдоль стен, и развалы еще нескольких амфор, лежавших на полу. В подвале БП, непосредственно примыкающем к подвалу БР с юга, также находились одна целая и несколько раздавленных больших красноглиняных амфор и целый большой лутерий из светлой глины.

Частично исследована еще одна постройка — БЦ, находившаяся в центре большого комплекса сооружений, видимо общественного назначения. С запада и востока к помещению БЦ примыкают два обширных мощных двора БФ и ВГ с аккуратно выложенными камнем проходами, ведущими в помещение. С юга примыкает еще один очень большой двор — ВК, выложенный крупными ровными каменными плитами, площадью около 40 кв. м. Это самый большой мощный двор, открытый в Танаисе.

Поверх развалин построек II—III вв. н. э. на этом же раскопе вскрыты остатки сооружений конца IV—начала V в. н. э. Прослежены два строительных периода и разрушенные строительные остатки, которые из-за

перекопов не могли быть соотнесены с определенным строительным периодом. Лучше других сооружений сохранилась прямоугольная в плане постройка, состоявшая из двух помещений, стены которых были ориентированы по странам света. Постройка была несколько углублена в землю. Найдены одна римская монета Феодосия I (379—395) и многочисленные фрагменты керамики конца IV—начала V в. н. э., жерновов, терочников и грузил.

¹ В работах экспедиции принимали участие Д. Б. Шелов, Т. М. Арсеньева, Д. В. Деоник, Ф. М. Штитильман, В. И. Козловская, Г. Г. Бандиленко, Ф. В. Шелов-Коведяев и др.

² Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг. — КСИА, 143, 1975.

³ См. план раскопа IV (Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Исследования Танаиса в 1966—1969 гг. — КСИА, 130, 1972, с. 90, рис. 36).

⁴ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 323, 324.

⁵ Такие амфоры см.: Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972 гг.). — В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья, I. М., 1974, табл. VI, 2.

⁶ Арсеньева Т. М., Деоник Д. В. Нижне-Донская экспедиция. — АО 1976 г. М., 1977.

⁷ Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Исследования в Танаисе. — АО 1975 г. М., 1976, рис. на с. 109.

⁸ См. план раскопа VI (Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг., рис. 3).

О. Н. УСАЧЕВА

РЕЛЬЕФНАЯ КЕРАМИКА ИЗ КЕП

Среди обильного керамического материала эллинистического времени, накопленного во время раскопок Кеп и их некрополя за 1957—1973 гг., значительное место занимает рельефная керамика. Анализ сосудов с рельефными украшениями представляет бесспорный интерес для изучения истории Кеп. Во-первых, они служат хорошим датированным материалом: находки керамики с рельефными украшениями в городском слое или в могильных комплексах позволяют довольно точно определить время слоев и погребений. Во-вторых, они важны для выяснения экономических связей Кеп и Боспора в период эллинизма.

Коллекция рельефной керамики из Кеп насчитывает 52 экземпляра. Целых сосудов девять, а остальные представлены обломками. По форме рельефную керамику можно подразделить на две группы: так называемые мегарские чаши и закрытые сосуды.

Группа, включающая «мегарские» чаши, — самая многочисленная. В городских слоях найдены только обломки этих сосудов. В могильнике были не только целые чаши (они входили в состав погребального инвентаря), но и их фрагменты, обнаруженные на местах тризны. Оказалось возможным собрать из обломков три сосуда. В целом к этой группе относятся 43 фрагмента «мегарских» чаш (28 — с городища, 15 — из некрополя) и шесть целых сосудов.

Большинство (23) обломков «мегарских» чаш из Кеп принадлежит сосудам делосского производства. Преобладание фрагментов делосских чаш среди материала этого рода из раскопок Мирмекия отмечал В. Ф. Гайдукевич¹, по отношению к Пантикапею это же наблюдение сделано Н. М. Лосевой², а Танаиса — Д. Б. Шеловым³.

Делосские чаши имеют сравнительно тонкие стенки и в целом довольно изящны. Для их орнамента характерны растительные мотивы, которые всегда четко распределены горизонтальными зонами на поверхности сосудов и выполнены в невысоком рельефе. В качестве элементов орнамента чаще всего изображаются листья лотоса, ланцетовидные листья водных растений, небольшие пальмы. Реже встречаются такие изобразительные мотивы, как отдельные, не связанные между собой фигуры комедиантов, эротов и др. Лучшими образцами «мегарских» чаш делосского производства из Кеп можно считать чаши, найденные в некрополе (рис. 1, 1—3; 2, 15, 16, 21; 3, 6, 7).

Делосские чаши с сюжетными изображениями в Кепях, как и вообще на Боспоре, редки. Можно указать только на два фрагмента: обломок стенки чаши с изображением идущего вправо Эрота, который несет в правой руке какой-то длинный предмет, возможно палку (рис. 1, 23)⁴; обломок чаши с процарапанными на дне буквами АРХ, тулово которой украшено эротическими сюжетными сценами (рис. 1, 28)⁵.

Среди кепских находок имеется группа фрагментов чаш, выделяющаяся единством глины и покрытия. Глина их серая с блестками и белыми включениями, черепки покрыты довольно густым черным лаком (рис. 1, 7—9, 11, 12, 16). Форма и орнамент этих сосудов позволяют отнести их скорее всего также к продукции делосских мастерских.

Особую группу «мегарских» чаш составляют сосуды с орнаментом из розеток, окруженных тройными подковообразными рельефными линиями и рельефными точками. Такие чаши встречаются в разных местах античного мира⁶. Обломок одной чаши с таким орнаментом из Кеп принадлежит, судя по глине, продукции малоазийских производственных центров (рис. 1, 19)⁷.

Среди «мегарских» чаш выделяются два обломка с клеймом в виде рельефного медаллона с изображением Тихи в зубчатой короне и рельефной надписью ΚΙΡΒΕΙ. Долгое время считалось, что сосуды с этим клеймом принадлежат изделиям северочерноморских мастерских⁸, однако Н. М. Лосева полагает, что подобные чаши происходят из Малой Азии⁹. По-видимому, вопрос этот более сложен. Местом производства подобных чаш могли быть как малоазийские, так и северочерноморские мастерские. Два фрагмента с клеймом из Кеп подтверждают это. Одну чашу (обломок доньшка и стенки; рис. 1, 20), судя по серой со слабым фиолетовым оттенком и блестками глине, черно-коричневому лаку и довольно высокому мягкому рельефу, можно отнести к изделиям малоазийских производственных центров. Местом производства другого сосуда следует считать северочерноморские мастерские, так как глина его обломка имеет кирпично-красный цвет и большое количество известняковых включений, а лак серый матовый (рис. 1, 21).

Среди фрагментов чаш выделяются два обломка, которые могут быть отнесены к изделиям Самоса. Их объединяют сходство оранжевой слоистой глины с большим количеством включений слюды¹⁰ и довольно высокий рельеф (рис. 1, 26, 27).

Находки форм для производства «мегарских» чаш в Пантикапее и Мирмекии позволяют говорить об изготовлении рельефных чаш на Боспоре¹¹. Для боспорских чаш характерны повторение формы делосских со слегка наклоненным внутрь бортиком; специфическая боспорская глина серого цвета с мелкими известняковыми включениями; как правило, отсутствие лака или его замена матовой темно-серой краской. В Кепях было обнаружено пять фрагментов чаш, которые можно считать боспорскими (рис. 1, 25, 30—33).

Следующая группа рельефной керамики включает пять закрытых сосудов. Один фрагмент принадлежал сосуду на высоком поддоне, тулово его украшено листочками с тремя точками между ними (рис. 1, 29), глина серая, лак черный. Другой фрагмент относился к сосуду на ножке

Рис. 1. «Мегарские» чаши с городища (1—33)

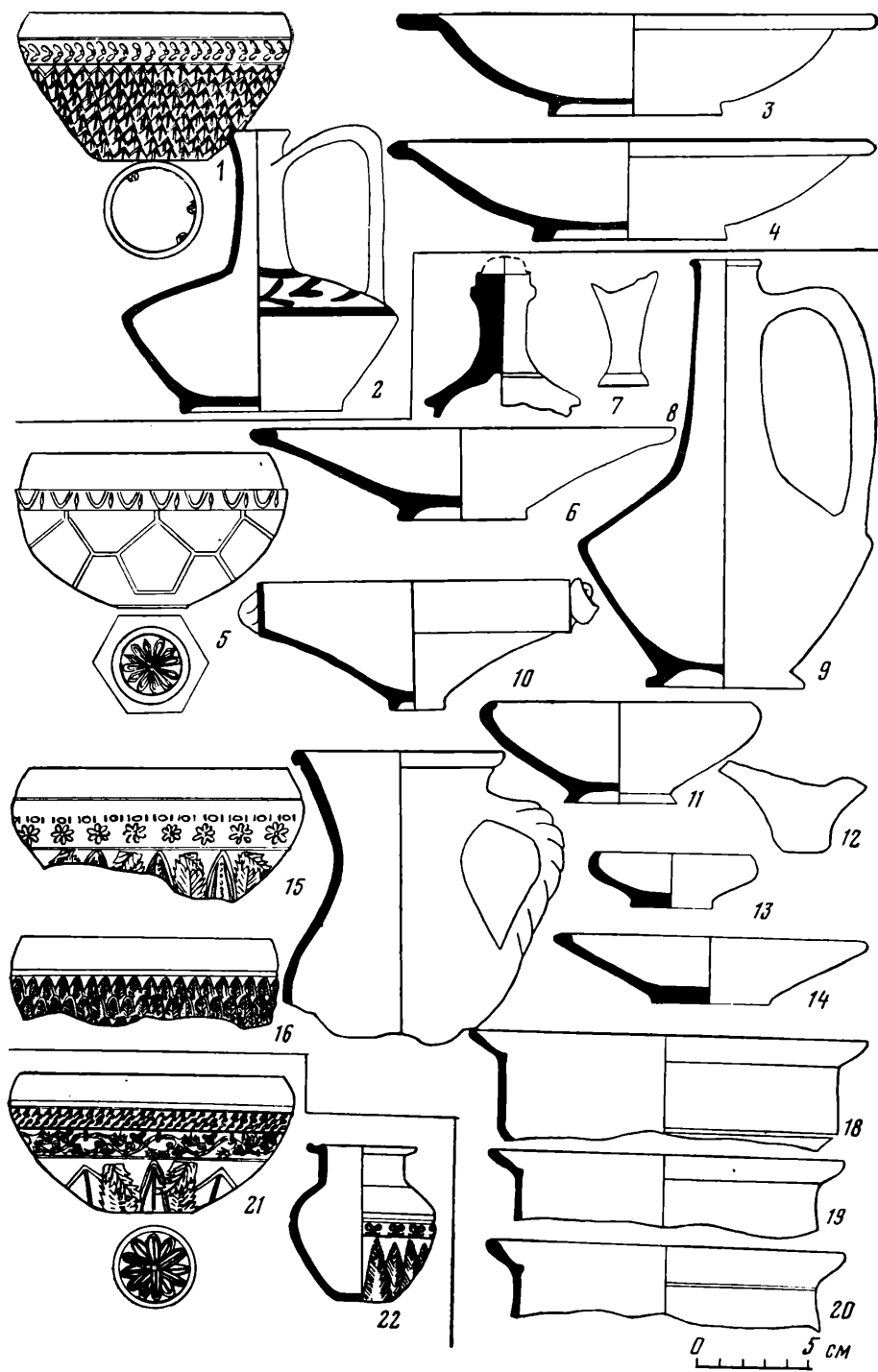

Рис. 2. Рельефные сосуды и керамика из некрополя

1—4 — погребение 373; 5—20 — тризна кургана 14; 21, 22 — погребение 43

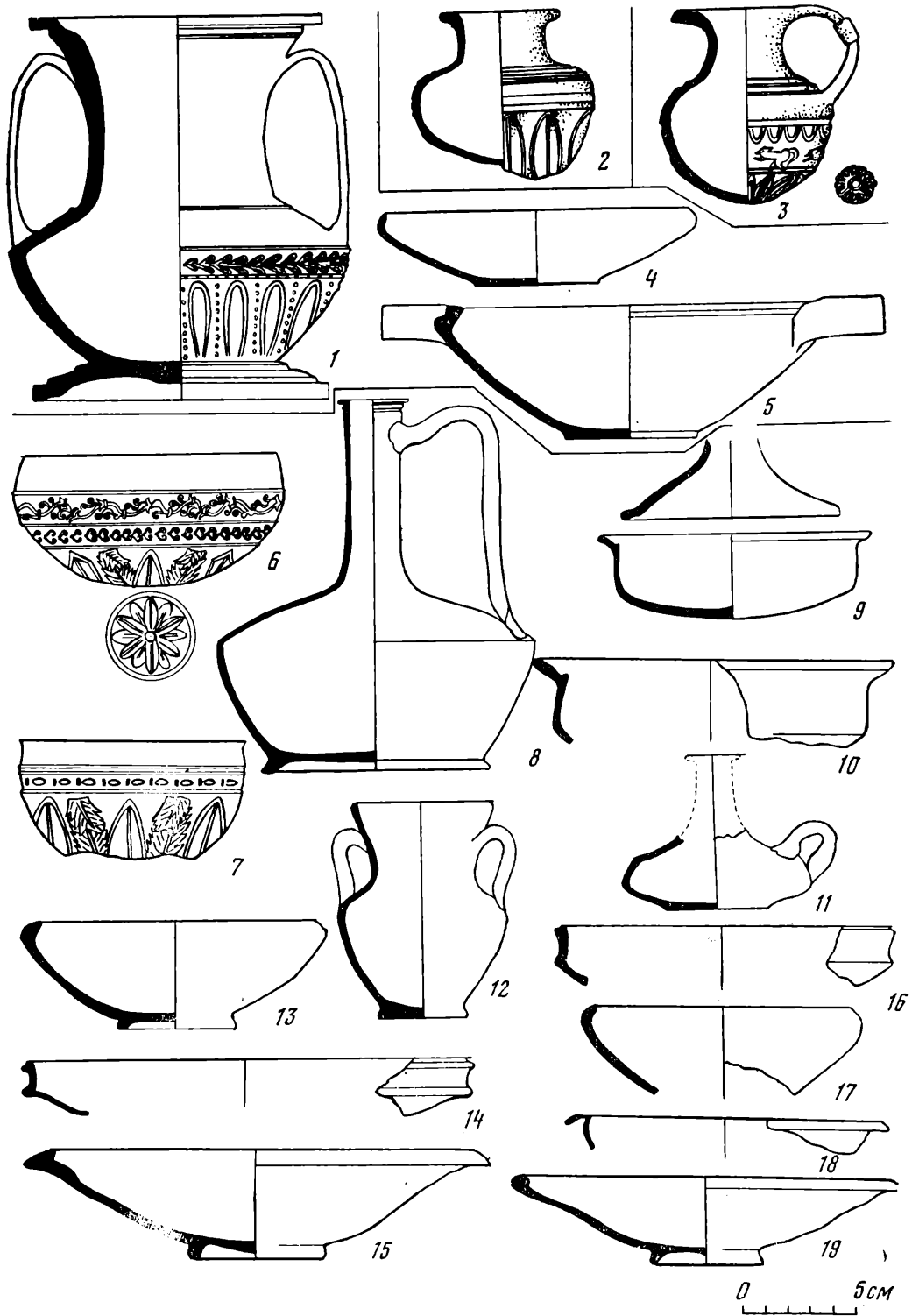

Рис. 3. Рельефные сосуды и керамика из некрополя

1, 4, 5 — погребение 192; 2 — рельефный сосуд из Кеп; 3 — рельефный сосуд из Северного Причерноморья; 6—19 — площадь 59А, тризна

скорее всего типа канфара¹². Орнаментирован он мелкими листочками («чешуйчатый» орнамент). Глина серая, лак коричневый густой (рис. 1, 24).

Среди этой группы выделяются два миниатюрных сосуда с округлым туловом, низким цилиндрическим горлом с отогнутым краем и плоским дном без поддона¹³. Один сосуд орнаментирован стилизованными пальмовыми листьями, а другой — большими листьями лотоса. Глина сосудов серая, лак у первого коричневый, с блеском, у второго — графитово-черный с блеском (рис. 2, 22; 3, 2). Один из сосудов такого типа (рис. 3, 3), в отличие от рассмотренных выше, имеет двустольную ручку с перетяжкой в верхней части, что характерно для пергамских изделий эллинистического времени¹⁴. Этот сосуд из Северного Причерноморья находится в фондах Исторического музея, точное место находки его неизвестно (ГИМ, м/хр. VII 52/16).

Особый интерес представляет пелика с приземистым туловом, цилиндрическим высоким горлом и профилированным венчиком. Поддон трехступенчатый, профилированный. Тулово сосуда имеет орнамент, широко распространенный на «мегарских» чашах: длинные вытянутые языковидные лепестки с точечным орнаментом между ними. Завершается этот орнамент поясом из лавровых листьев (рис. 3, 1). Глина серая, лак черный. Такие пелики довольно широко известны, они имеются в фондах Одесского археологического музея (ОГАМ, № 22681, 22693, 23378), в собрании А. Фогеля, упоминаются у Р. Цана¹⁵.

Кепская пелика среди подобных сосудов выделяется клеймом на дне (рис. 4). Клеймо представляет собой медальон с рельефным изображением мужского лица. Медальон обрамляют лучеобразные линии с точками. Трудно решить, кого изобразил мастер в медальоне. В Северном Причерноморье аналогии подобному клейму на пеликах или на каких-либо других сосудах неизвестны. Единственное аналогичное клеймо есть на дне «мегарской» чаши с Родоса, хранящейся в Берлинском музее¹⁶.

Часть рельефных сосудов из Кеп интересна тем, что найдена в комплексах. В нашем распоряжении имеется шесть комплексов. Обращает на себя внимание, что «мегарские» чаши встречаются с одним и тем же набором вещей. Почти всюду присутствуют лягиносы (рис. 2, 2, 9; 3, 8, 11)¹⁷. Очень распространенными в эллинистических погребениях были небольшие миски на кольцевой подставке с чуть загнутым внутрь краем (рис. 2, 11, 13; 3, 4, 13, 17)¹⁸. Часто встречались кувшины с витыми ручками (рис. 2, 17)¹⁹ и флаконы из серой глины (рис. 2, 8)²⁰. Подобный подбор вещей подтверждает хронологию, установленную для рассматриваемой рельефной керамики — II в. до н. э. Важно, что «мегарские» чаши найдены в двух могилах (тризна кургана 14 и погребение 160) с монетами, которые датируют эти могилы II в. до н. э.²¹

При рассмотрении керамики с рельефным орнаментом нельзя обойти вопрос о пути ее поступления в Кепы. Она представлена здесь в основном импортными образцами. Кепы вряд ли вели самостоятельную торговлю со средиземноморскими центрами. Они, по-видимому, использовали

Рис. 4. Рельефный медальон на дне пелики

для покупки импортных товаров, в частности керамики изучаемой группы, рынки больших портовых центров Боспора. Думается, что Кепы могли пользоваться двумя основными рынками, находившимися в Пантикапее и Фанагории. Обращает на себя внимание близость подбора «мегарских» чаш Танаиса и Кеп. Как в Танаисе, так и в Кепе преобладали «мегарские» чаши делосского производства. Поэтому не исключено, что в оба города эти сосуды попадали через Фанагорию²².

Это предположение можно поставить в связь с наблюдением Д. Б. Шелова, приходшего к выводу, что Танаис вел в эллинистическое время торговлю с иноземными центрами прежде всего через Фанагорию²³. Видимо, рельефные чаши поступали в Кепы отсюда же, так как характер распространения этой керамики в том и другом центре совпадает. Другое дело — закрытые сосуды с рельефными изображениями. Они не найдены в Танаисе и среди известных нам публикаций фанагорийского материала не упоминаются. Но подобные сосуды есть в Пантикапее. Поэтому не лишено вероятности, что они могли приобретаться кепитами в столице Боспора.

¹ Гайдукевич В. Ф. Мирмекий. Варшава, 1959, с. 76.

² Лосева Н. М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре. — МИА, № 103, 1962, с. 195.

³ Шелов Д. Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш. — В кн.: Античные древности Подонья—Приазовья. М., 1969, с. 223.

⁴ Zahn R. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland. — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, XXIII, 1908, Abb. 24; Courby F. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, fig. 80, 2; 87, 24; 88, 38, pl. XIII, 30.

⁵ Полная аналогия — чаша SA 2285 из коллекции Мессаксуды (Jentel M.-O. Bols à relief du Pont Euxin septentrional an Musée du Louvre. — Eirene, III, 1964, p. 116, pl. XI). Чаша определяется как делосская.

⁶ Courby F. Les vases grecs..., p. 382, fig. 77, 16; Baur P. Megarian bowls in Yale University. — AJA, XLV, 2, 1941, p. 235, 236, N 203, fig. 4.

⁷ Шелов Д. Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш, с. 234.

⁸ Л[атышев] В. В. К вопросу об античной посуде со штемпелем КИРВЕИ. — ИАК, 4, 1902, с. 141; Zahn R. Hellenistische Reliefgefäße..., S. 49, 50, Anm. 6, 7; Courby F. Les vases grecs..., p. 395, 411; Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 279, 280.

⁹ Лосева Н. М. Об импорте и местном производстве..., с. 201 сл.

¹⁰ Шелов Д. Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш, с. 232.

¹¹ Блаватский В. Д. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. — Памятники искусства. Бюллетень Государственного музея изобразительных искусств, 2, 1947, с. 14, рис. 8; он же. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее. — КСИИМК, 75, 1959, с. 174 сл.; Пругла В. И. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. — ЗОАО, I, 1960, с. 273, рис. 7; Лосева Н. М. Об импорте и местном производстве..., с. 204, 205; Шургай И. Г. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре. — МАСП, 4, 1962, с. 108, 109, 116 сл.

¹² Vochlau. Griechische Altertümer Südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn. A. Vogell. [Б. г. и м.], Taf. XVII, 9, 12.

¹³ Аналогии см.: Там же, Taf. VII, 7. Аналогичные сосуды хранятся в Керченском музее (К-2822, К-8487).

¹⁴ Леви Е. И. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 255, рис. 18, 1; Altertümer von Pergamon, I, 2, Berlin, 1912, S. 272, Abb. 10.

¹⁵ Zahn R. Hellenistische Reliefgefäße..., Abb. 28, a. Аналогичная пелика издана в ОАК за 1903 г. (с. 157, рис. 315, a, б).

¹⁶ Merker G. S. A new Homeric Illustration. — In: Muse. Annel of the Museum of Art and Archaeology. University of Missouri. Columbia, N 1, 1967, p. 11, fig. 8.

¹⁷ Как правило, подобные сосуды встречаются в погребениях конца III—II в. до н. э. (Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 98, рис. 88).

¹⁸ Датируются они по аналогии с аттическими мисками подобного типа II в. до н. э., найдены в Северном Причерноморье (Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии..., с. 86, рис. 82, 4, 5; Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, № 57, 1956, рис. 14, a).

¹⁹ Имеют аналогии в хорошо датированных закрытых комплексах III—I вв. до н. э. (Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, рис. 52).

²⁰ Подобные флаконы были распространены во многих центрах Северного Причер-

номорья и встречаются в слоях II в. до н. э. (Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — МИА, № 25, 1952, с. 156, рис. 37; Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея. — МИА, № 56, 1957, с. 125, 126, рис. 7, 2; Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории. — МИА, № 57, 1956, с. 114, рис. 3, 9).

²¹ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. ХLI, 13, 14.

²² К сожалению, рельефные сосуды из Фанагории не были пока объектом специального исследования. Поэтому проверить наше предположение не представляется возможным.

²³ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 159, 160.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

СТРАТИГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРГИПСИИ

Территория центра древней ГоргиПСии застроена в настоящее время зданием гостиницы «Анапа». В 1972 г. во дворе гостиницы экскаватором была вырыта яма для насоса к антисептику. В ней обнажились мощные каменные кладки древних сооружений. Вскрытая площадь не превышала 30 кв. м, в глубину она исследована до 2,6 м. Здесь обнаружены остатки пяти строительных периодов.

К первому, наиболее раннему, строительному периоду относятся камни 1 и 2 (рис. 1). Камни 1 являются остатками кладки, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Прослежено два плоских прямоугольных известняковых квадра, подошвы которых обнаружены на глубине 2,04 м. Квадры лежали на очень твердой трамбовке из глины и щебня толщиной не более 0,1 м, положенной на коричневую материковую глину (рис. 2). Эти камни остались от мощного фундамента монументальной постройки, сооруженной на материке. Стратиграфически квадрам 1 соответствуют плоские камни 2. Они положены на ту же плотную трамбовку и, вероятно, были частью вымостки, примыкавшей к зданию, от которого сохранился фундамент 1; поверхность вымостки обнаружена на глубине 1,85 м. В северо-западном углу раскопа на уровне камней 1 культурный слой не потревожен. При зачистке квадров 1 обнаружены обломок горла пухлогорлой хиосской амфоры с нанесенным черной краской крестом и ножка амфоры VI—V вв. до н. э. из глины, подобной хиосской. Эти находки позволяют предположить, что фундамент дома и примыкающая к нему вымостка связаны с монументальным комплексом первого периода существования города — вероятно, V в. до н. э.

От второго строительного периода сохранились водосток 3 и камни мостовой 4. Эти сооружения перекрыли мостовую предшествующего строительного периода, т. е. камни 2. Поверхность вымостки 4 обнаружена на глубине 1,63—1,77 м. Водосток 3 вытянут с юго-запада на северо-восток. Он прослежен в длину на 3 м, устье водостока имеет ширину 0,3 м. Желоб выпилен в известняковых камнях, а сверху перекрыт плоскими плитами. С севера вдоль водостока вытянут ряд красноглиняных двускатных калиптеров IV—III вв. до н. э. с красным лакообразным покрытием. Калиптеры также обнаружены на глубине 1,65 м, они расширяли водосток. Камни 4 подобны плитам, перекрывавшим водосток 3. Вероятно, они являются остатками мостовой, вдоль которой тянулся водосток 3. Культурный слой над мостовой 4 уничтожен строительством. При зачистке камней 4 и водостока 3 обнаружены фрагменты стенок чернотерракотовых сосудов, позволяющих датировать второй строительный период IV—III вв. до н. э.

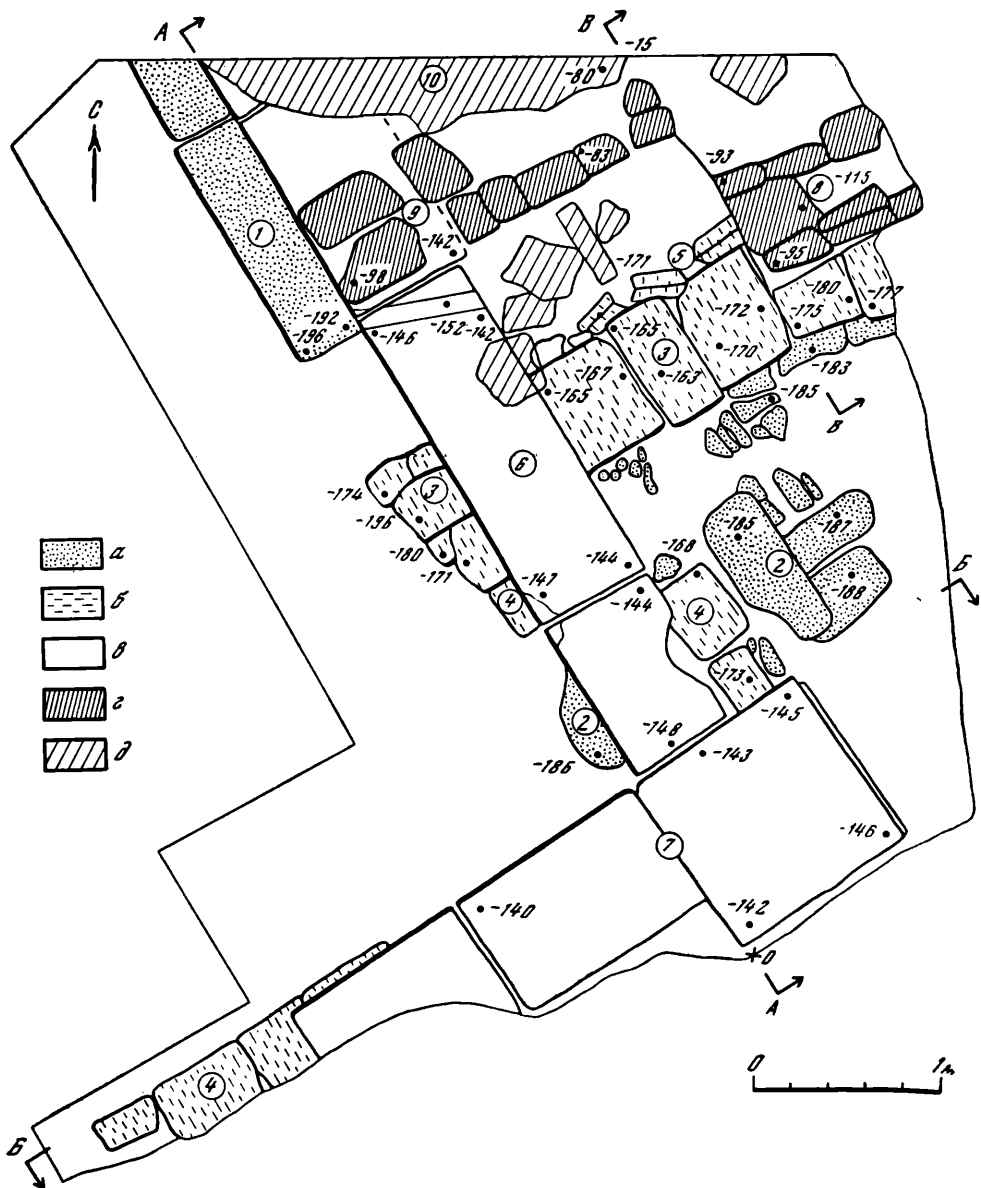

Рис. 1. План раскопа

а—д — строительные периоды: а — первый, б — второй, в — третий, г — четвертый, д — пятый

С третьим строительным периодом связаны кладки 6 и 7, образующие прямой угол и принадлежавшие одной постройке. Они сложены из громадных известняковых квадров, подобных камням кладки 1. Стены 6 и 7 сооружены из блоков вторичного использования, угловой камень имеет руст. Стена 6 прослежена с северо-запада на юго-восток на 4,5 м. Стена 7 сложена из таких же камней, она прослежена с юго-запада на северо-восток на 3,2 м. Постройка, от которой сохранились стены 6 и 7, перекрыла водосток 3 и камни 4 (рис. 2). Мощные квадры стен положены непосредственно на плиты вымостки 4. Там, где плиты вымостки 4 не сохранились к моменту возведения стен 6 и 7, под эти кладки была положена трамбовка из глины с галькой и битыми раковинами. Толщина

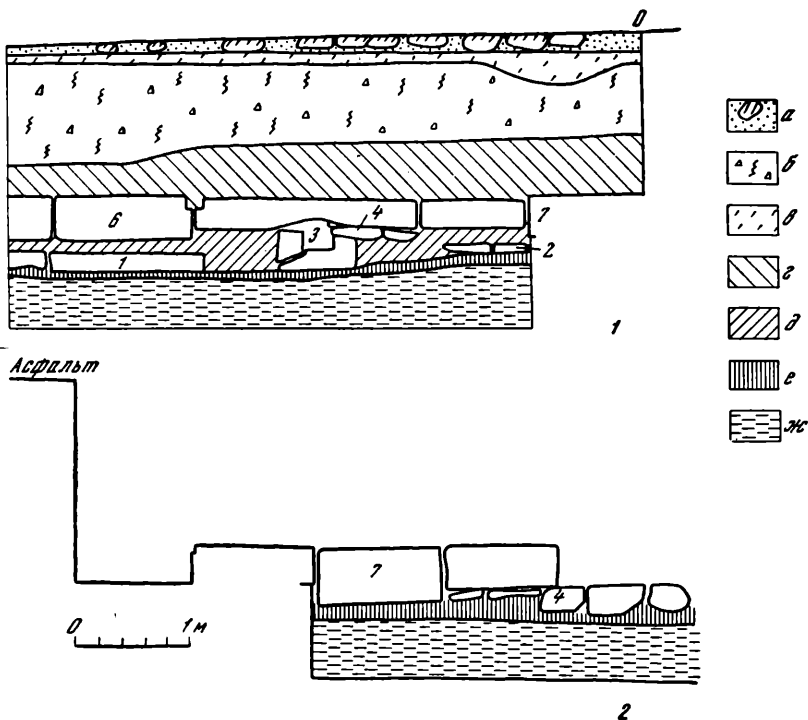

Рис. 2. Разрезы

1 — по линии А—А; 2 — по линии Б—Б

а — трамбовка под асфальт; б — серый мусорный суглинок с керамикой античного времени; в — современный строительный мусор; г — глина-белоглазка; д — трамбовка из глины, раковин и гальки; е — очень плотная трамбовка из щебня с глиной; ж — материковая коричневая глина

трамбовки колеблется от 0,12 до 0,4 м; верх камней 6 и 7 обнаружен на глубине 1,45 м. Культурный слой, связанный с третьим строительным периодом, уничтожен строительством, поэтому трудно определить дату этого периода. Можно только предположительно отнести сооружение монументального здания ко времени больших перепланировок и восстановительных работ в городе, т. е. к I в. н. э. В качестве строительного материала при этих перепланировках были использованы мощные квадры от монументальной постройки более раннего времени. Одинаковый характер камня в кладках 1, 6 и 7 позволяет предположить, что на монументальное строительство в I в. н. э. пошли квадры монументальных построек IV—III и V вв. до н. э. Камни же от построек V в. до н. э. использовались при возведении зданий на той же территории еще в IV—III вв. до н. э.

К четвертому строительному периоду относятся водосток 8 и стена 9. Стена 9 лежит на глине-белоглазке, перекрывающей стену 6. С юго-запада на северо-восток стена 9 прослежена на 2 м, сложена она из камней различной величины и в высоту сохранилась на 0,7 м. Верхние камни стены обнаружены на глубине 0,98 м. На той же глубине обнаружен и водосток 8. Водосток направлен вдоль стены 9 и тоже лежит на глине-белоглазке. Он состоит из подстилающих плит и поставленных на ребро камней, ширина желоба достигает 0,34 м. Остатки стены 9 и водостока 8 подобны множеству кладок II—III вв. н. э., обнаруженных на других раскопках Горгиппии. Очевидно, они относятся именно к этому времени. Как и в более ранние периоды, строительству во II—III вв. н. э. предшествовало выравнивание поверхности глиной.

Пятому строительному периоду принадлежат остатки вымостки 10 ту-рецкого времени. Эта вымостка перекрыла стену 9. Обнаружена она на глубине 0,8 м, сохранилась плохо.

В осыпях по краям ямы антисептика обнаружены керамическое пряслице, амфорные ручки, часть литейной каменной формы.

Таким образом, в центральной части городища Горгиппии на небольшом участке были зафиксированы остатки сооружений четырех строительных периодов античной эпохи. На протяжении веков на этом месте стояли монументальные здания, сохранялось постоянное направление улиц и водостоков. Впервые выявлены остатки фундаментов, которые могут быть датированы V в. до н. э.

Э. Я. НИКОЛАЕВА

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА СО ШТАМПАМИ С ИЛЬИЧЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Краснолаковая керамика постоянно присутствует в составе находок Ильичевского городища с самых ранних слоев, относящихся ко времени основания поселения на рубеже нашей эры.

В настоящей публикации рассматривается лишь один тип сосудов V—VI вв. н. э., имеющих отщипки штампа на внутренней стороне донца (рис. 1, 11). Это невысокие чаши с плоским тонким дном на очень низком кольцевом поддоне. Тонкие округлые стенки плавно расширяются кверху и заканчиваются довольно высоким массивным клювообразным венцом, иногда украшенным насечками.

Глина этих сосудов имеет цвет от оранжево-красного до бурого. По цвету жидкий лак почти не отличается от глины, в которой иногда заметны мельчайшие известковые включения. Черепок тонкий, но очень прочный, что зависит от условий обжига. Размеры сосудов: высота от 4,5 до 5,5 см; диаметр по краю от 19 до 24 см; диаметр донца 9—10 см. Большинство чаш имеет на внутренней стороне донца клейма с изображением христианских символов: крестов (рис. 1, 2, 3, 6, 10—17, 19), хризм (рис. 1, 1, 8, 9), животных (рис. 2, 11, 12), птиц (рис. 2, 7, 9), рыб (рис. 2, 1, 2, 4, 6), дельфинов (рис. 2, 5, 8) и т. д. Кресты имеют самые разнообразные формы. Часто они украшены кружками и завитками (рис. 1, 2, 3, 6, 10, 11, 13, 17), иногда, возможно, возникшими из букв *альфы* и *омеги* («начало и конец всего сущего»). В некоторых клеймах эти буквы сохранились (рис. 1, 11, 17). Изображения животных, птиц, рыб, дельфинов, морских тварей очень широко распространены в византийском искусстве, особенно в мозаике¹. Из орнаментальных мотивов в нашей коллекции встречены пальметты (рис. 2, 10) и пленка (рис. 1, 4), находящая полную аналогию в мраморной пластине VI в. н. э. из Равенны².

Сосуды интересующего нас типа были известны в IV—VII вв. н. э. во всех провинциях Восточной и Западной Римской империи от Египта до Британии³. На территории Советского Союза они встречаются во всех пунктах Причерноморья, где жизнь не прекратилась после гуннских погромов, — в Пантикапее, Фанагории, Тиритаке, Херсонесе, Пицунде и др.⁴, однако вопрос о датировке этих сосудов и о месте их производства все еще остается открытым.

Ф. Вааге на основании изучения краснолаковой керамики афинской агоры и Антиохии относит сосуды подобного типа (группа С) к самому

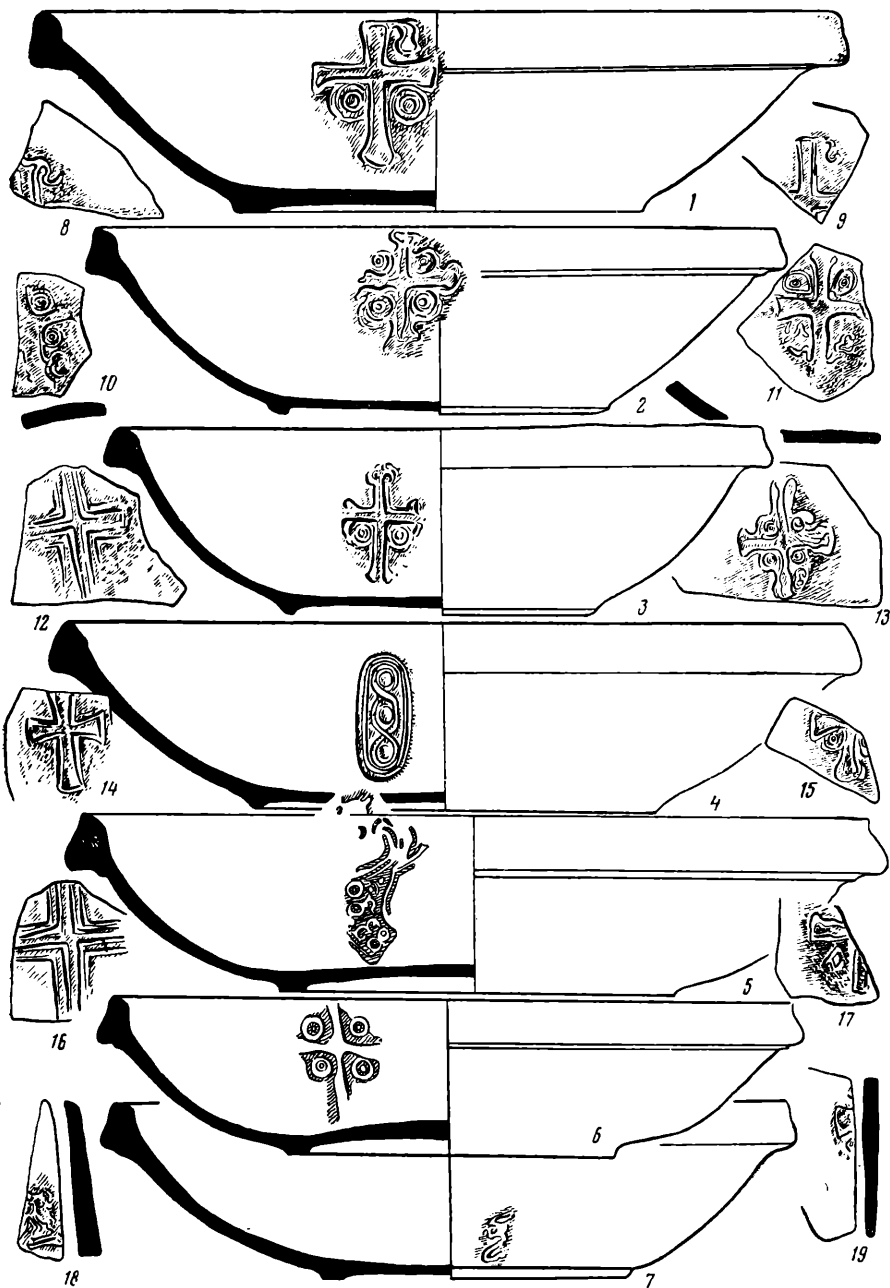

Рис. 1. Краснолаковая керамика с клеймами (1—19)

концу IV—концу VII в. н. э. Т. Н. Книпович по материалам Тиритакки датирует этот тип (24Т) IV в. н. э. и часть изделий считает местными. С. А. Беляев полагает, что сосуды этой группы (3 для Херсонеса) появились не ранее V в. н. э. и существовали до начала VII в. н. э. Материал из Херсонеса он считает привозным, а с хоры — местным. О. Д. Лордкипанидзе датирует начало распространения сосудов подобной формы самым концом IV в. н. э., полагая, что они употреблялись главным образом в V в. н. э., а чаши с изображением зверей — даже в VI в. н. э. Она думает, что локальный центр производства этой керамики находился в окрестностях Пицунды (например, в ущелье Бзиб).

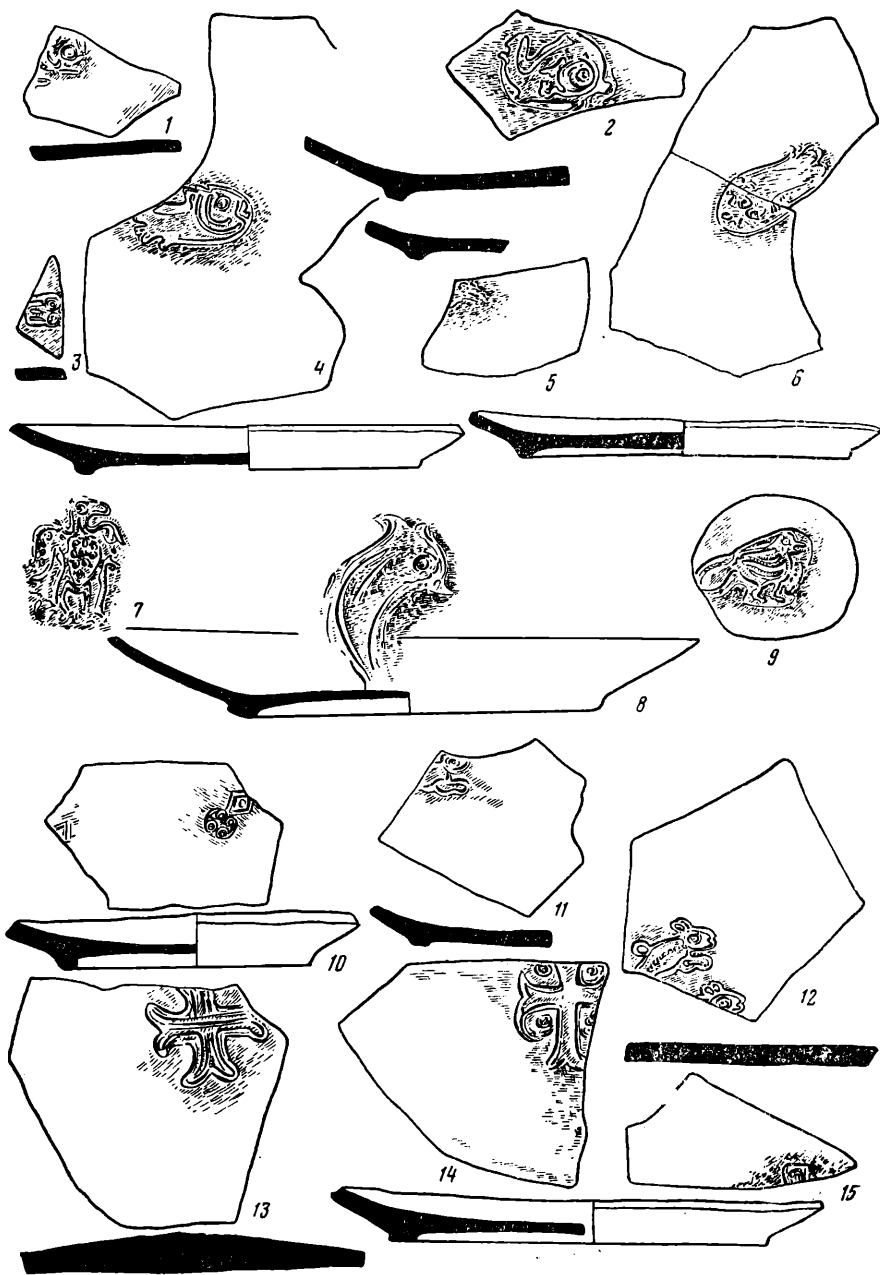

Рис. 2. Краснолаковая керамика с клеймами (1—15)

Чаши Ильичевского поселения происходят из закрытых комплексов. Почти все они (а целые сосуды — все) найдены в помещениях V—VI вв. н. э. Думается, что в датировке типов этой керамики нужно согласиться с О. Д. Лордкипанидзе и С. А. Беляевым. Действительно, если подобные сосуды и появились в IV в. н. э., то только в самом конце его. Поражает огромное количество сосудов этого типа в Причерноморье. На первый взгляд, они очень похожи, но и оформление края, и штампы на донцах, и глина, и лак имеют отличия.

По-видимому, привозными были наиболее ранние образцы, а затем производство этой керамики было налажено и на территории Боспора.

Для Ильичевского поселения местными могут считаться чаши из глины с белыми включениями. Из подобной глины изготовлена целая серия гончарных кувшинов и ойнохой.

На Ильичевском поселении не найдено ни одного целого сосуда с насечками по краю, поэтому мы не можем с уверенностью говорить о том, клеймились ли эти чаши. По наблюдениям над ильичевским материалом получается, что чаши с насечками по краю не имели (или почти не имели) клейм и бытовали чуть раньше сосудов с клеймами (быть может, в конце IV—начале V в. н. э.).

¹ Христианское мировоззрение, по-видимому, уже победило полностью. Показательно полное отсутствие на Ильичевском поселении терракотовых статуэток этого периода, широко распространенных вплоть до IV в. н. э., а также изображение тех же символов, что и в клеймах чаш, на керамике других групп.

² Dalton O. M. *Byzantine Art and Archaeology*. Oxford, 1911, p. 695.

³ Waage F. *The Roman and Byzantine Pottery*. — *Hesperia*, II, 1933, p. 298—301, pl. IX—X, 214—242; *idem*. *Hellenistic and Roman Tableware*. — In: *Antioch-on-the-Orontes*, IV, 1. Princeton, 1948, p. 53, pl. XI, 940—947; *Excavations at Gözlü Kule*. — In: *Tarsus*, I. Princeton, New Jersey, 1950, pl. 208; *Böttger B.* *Die Keramikfunde aus dem Kastell Jatrus und ihr Entwicklungsgeschichtlicher Zusammensetzung mit der spätantiken Keramik der Balkanländer*. — *Klio*, 48, 1967, Taf. XVIII, 102—105; *Alcock L.* *Dinas Powis*. — *Archaeology*, 1964, 2, pl. 17, p. 100—111; *Vulpe R., Barnea I.* *Din istoria Dobrogei*, v. II. București, 1968, p. 493, 494, 543, fig. 54.

⁴ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. — МИА, № 25, 1952, с. 319—321; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — Там же, с. 126, 127, рис. 160, 161; Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. — АИКСП, с. 34—36, рис. 1, 1; 3; Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пидунды (основные типы и их датировка). — Вестник Отделения общественных наук АН ГССР, № 1, 1962; Пягышева Н. В. Отчет о раскопках в Фанагории в 1939 г. — Труды ГИМ, 37, 1960, с. 116, рис. 3, 4.

ХРОНИКА

Э. Я. НИКОЛАЕВА

СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1975—1976 ГГ.

Сектор античной археологии Института археологии АН СССР в 1975—1976 гг. продолжал разрабатывать темы, связанные с изучением античных государств Северного Причерноморья и Средней Азии, их экономики и культуры, взаимоотношений с окружающим их племенным миром и Средиземноморьем.

Ряд сотрудников сектора (Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., Кобылина М. М., Кругликова И. Т., Петерс Б. Г., Цветаева Г. А.) работают над подготовкой тома «Археологии СССР», посвященного античным городам и государствам Северного Причерноморья.

В 1975—1976 гг. в секторе закончены следующие работы: И. Т. Кругликовой «Дильберджин», ч. II (совместно с Г. А. Пугаченковой); Н. А. Онайко «Архаический Торик, греческий город на северо-востоке Понта»; Г. А. Кошеленко «Греческий полис на востоке эллинистического мира» (тема закончена досрочно); Ю. М. Десятчикова «Сираки и Боспор»; В. С. Долгорукова «Оборонительные сооружения Дильберджина». Успешно завершена кандидатская диссертация А. А. Масленникова «Население Боспорского государства VI—II вв. до н. э.» (научный руководитель В. Д. Блаватский).

За отчетный период сотрудниками сектора опубликовано семь книг и сборников и около 100 статей и заметок. Среди книг назовем следующие: М. М. Кобылина «Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры» (книга вышла в Голландии на французском языке); В. Д. Блаватский «Природа и античное общество»; Н. И. Сокольский «Таманский толос и резиденция Хрисалиска»; И. Т. Кругликова, Г. А. Пугаченкова «Дильберджин», ч. II; Древняя Бактрия (Труды Советско-Афганской экспедиции); Художественная культура и археология античного мира; История и культура античного мира.

Более 40 статей и несколько монографий сданы в печать или подготовлены к печати.

В 1975—1976 гг. сотрудниками сектора проведены следующие экспедиции: Анапская (начальник Е. М. Алексеева, начальник отряда Г. А. Цветаева); Фанагорийская (В. С. Долгоруков); Херсонесская (И. Т. Кругликова); Феодосийская (1975, 1976), Михайловская (1975) (Б. Г. Петерс); Нижне-Донская (Т. М. Арсеньева); Таманская: Кучугурский отряд (Ю. М. Десятчиков), Ильичевский отряд (Э. Я. Николаева); Отряд Бактрийской экспедиции (Г. А. Кошеленко); Советско-

Афганская экспедиция (И. Т. Кругликова, участвовали в 1975 г. — Ю. М. Десятчиков, в 1975—1976 гг. — В. С. Долгоруков); Восточно-Крымская (А. А. Масленников). Аспирант А. С. Голенцов работал в Дунайской экспедиции; аспирант В. М. Отрешко — в Ольвийской.

Сотрудники сектора принимают участие в конференциях и симпозиумах, посвященных античной тематике. Большинство сотрудников выступили с докладами на XIV Международной конференции антиковедов социалистических стран (Ереван, 1976). Среди них Т. М. Арсеньева, Ю. М. Десятчиков, Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, Э. Я. Николаева, Н. А. Онайко, Б. Г. Петерс, Г. А. Цветаева. На конференции был зачитан доклад В. Д. Блаватского.

На сессии Института археологии в Киеве выступили с докладами М. М. Кобылина, И. Т. Кругликова, Н. А. Онайко; на конференции «Античные мозаики» в Музее искусств народов Востока — И. Т. Кругликова и Н. А. Онайко; в Одессе на юбилейной конференции Одесского историко-археологического музея — Г. А. Цветаева; в Ростове-на-Дону на конференции, посвященной археологии Нижнего Дона, — Т. М. Арсеньева.

На заседаниях сектора заслушано 58 докладов сотрудников сектора, а также специалистов из других учреждений страны и зарубежных ученых.

Часть докладов была посвящена итогам полевых исследований. По плановым темам обсуждены доклады Ю. М. Десятчикова «Крепость Арифарна» и «Сиракена»; В. С. Долгорукова «Оборонительные сооружения Дильберджина»; Т. М. Арсеньевой «Краснолаковая керамика Танаиса»; А. А. Масленникова «Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н. э.» и «Принцип выделения греческого и варварского на Боспоре»; Э. Я. Николаевой «Лепная и гончарная керамика Ильичевки» и «Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища»; Н. А. Онайко «Архаический Торик, греческий город на северо-востоке Понта». На заседаниях сектора были зачитаны доклады теоретического плана: Г. А. Кошеленко «Некоторые основные проблемы эллинизма в современной зарубежной литературе» и «Греки и варвары в общественно-политической мысли Греции»; Л. А. Лелекова (Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей, Москва) «Вопросы ранней истории зороастризма в свете античных источников» и «Роль античного художественного наследия в истории монументальной живописи доарабской Средней Азии»; Б. Я. Стависского (то же) «Античная традиция и элементы в культуре Бактрии — Тохаристана кушанского периода»; В. Д. Блаватского «Древнейшие пласты эллинского мифологического мировоззрения».

Конкретным вопросам и проблемам посвящены следующие доклады и сообщения: В. Д. Блаватского «О коропластике и злободневности» и «Дионисий Ольвианский»; К. К. Шилика «Палеотопография археологических памятников прибрежной зоны Черного моря»; С. А. Беллева «Принцип классификации краснолаковой керамики IV—VII вв.»; Д. Б. Шелова «Советские исследования античного Северного Причерноморья» и «О симпозиуме в Болгарии»; И. Д. Марченко «Италийские амфоры из раскопок Пантикапея» и «О месте агоры в Пантикапее»; В. А. Раева «Италийская бронза на Нижнем Дону»; В. Василева (Болгария) «Раскопки доспехов IV в. до н. э.»; [Н. М. Лосевой] «Краснофигурная керамика Фанагории»; Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси) «Оборонительные сооружения Ванского городища»; И. Б. Брашинского (Ленинград) «Стандартные емкости некоторых групп греческих остродонных амфор»; А. И. Болтуновой «Аргонавты и Колхида»; Н. М. Секерской (Одесса) «Нижнее Поднестровье в VI—III вв. до н. э.»; О. А. Куприкова «О св-

местных советско-болгарских подводных археологических работах»; Ф. И. Тер-Мартirosова (Ереван) «Фляги как торговая тара древнего Востока»; Р. Ричарди (Италия) «О парфяно-сасанидской керамике»; В. П. Яйленко (Институт всеобщей истории АН СССР) «О двух надписях из Фанагории»; Т. В. Блаватской (Институт всеобщей истории АН СССР) «Горгишский обломок царского письма»; О. Н. Усачевой «О рельефной керамике из Кеп».

Были обсуждены и представлены к защите кандидатская диссертация В. П. Найденовой (Болгария) «Митраизм Нижней Мезии и Фракии» и докторская диссертация В. И. Кадеева (Харьков) «Херсонес Таврический в I в. до н. э.—III в. н. э.».

Сотрудники сектора принимают активное участие в работе методологического семинара института. Так, Г. А. Кошеленко сделал доклад «Процесс исторического развития в современной буржуазной историографии». При секторе работает теоретический семинар по теме «Греки и варвары в Северном Причерноморье», на котором были заслушаны доклады Т. М. Арсеньевой, В. Д. Блаватского, Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, А. А. Масленникова.

На собраниях ассоциации антиковедов при Отделении исторических наук АН СССР (председатель В. Д. Блаватский, секретарь Т. М. Арсеньева) с докладом на тему «Расписной склеп в Анапе» выступила Е. М. Алексеева.

К. К. МАРЧЕНКО

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1975—1976 ГГ.

Как и в предыдущие годы, основные усилия группы античной археологии были направлены на разработку двух основных направлений: 1) культура античных городов Северного Причерноморья; 2) связи греческих городов Северного Причерноморья с варварским миром.

По первому из этих направлений выполнялась следующая работа:

С. А. Беляев закончил исследование «Краснолаковая керамика античных городов Северного Причерноморья IV—VII вв.» и подготовил его к изданию в серии САИ.

Стажер-исследователь группы Ю. А. Виноградов приступил к написанию истории изучения курганов европейской части Боспора.

Е. Г. Кастанаян завершила монографию «Мирмекий», освещающую различные вопросы градостроительства, культуры и экономики этого города. Работа обобщила материалы многолетних археологических исследований, проведенных Боспорской экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича.

Е. И. Леви закончила исследование «Ольвия эпохи эллинизма». В монографию вошли разделы, посвященные истории изучения этого крупнейшего греческого центра в Северо-Западном Причерноморье, его оборонительным сооружениям, жилым кварталам и постройкам общественного назначения. Е. И. Леви работала также над посвященными граффити из раскопок ольвийского теменоса 1973—1974 гг. и начала обобщающую публикацию «Раскопки ольвийского теменоса и агоры».

В. И. Пругло в конце 1974 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник». В 1975 г. она закончила работу «Кульм местного

женского божества на Боспоре», а в 1976 г. приступила к сбору материала для монографии «Ольвия в VI—IV вв. до н. э.».

И. Ю. Шауб завершил работу над темой «Чернофигурная керамика и монеты с изображением горгоны и сфинкса из раскопок ольвийского теменоса и агоры». И. Г. Шургая продолжал писать работу «Исследования Илурата в 1966—1972 гг.». Уже подготовлены разделы «Планировочная структура города» и «Домостроительство». А. Н. Щеглов работал над монографическим исследованием «Страбонов Херсонес». В это же время им была написана книга «Полис и хора (Херсонесское государство IV—II вв. до н. э.)».

Второе направление — связи греческих городов Северного Причерноморья с варварским миром — нашло свое отражение в завершаемой И. Б. Брашинским и К. К. Марченко совместной работе «Елизаветовское городище на Дону». В исследовании, построенном главным образом на новейших материалах Южно-Донской экспедиции, рассматриваются вопросы палеогеографии, домостроительства, обороны этого крупнейшего поселения скифской эпохи в Северо-Восточном Причерноморье. Отдельные главы посвящены культуре, хозяйству и торговым связям жителей дельты Дона с эллинистическими городами Северного Причерноморья, с одной стороны, и различными районами варварской периферии — с другой.

Помимо планомерной работы по основной тематике, большинство сотрудников группы вело разработку отдельных разделов тома «Археологии СССР», посвященного античным государствам, городам и поселениям Северного Причерноморья. Были написаны следующие разделы: С. А. Беляевым и А. Н. Щегловым «Херсонес и Западный Крым»; И. Б. Брашинским «Торговля»; Е. Г. Кастанаян «Керамика античных городов Северного Причерноморья»; Е. И. Леви «Ольвия»; К. К. Марченко «Березань и поселения Нижнего Побужья»; В. И. Пругло «Тира и ее окрестности».

Одновременно сотрудники группы продолжали вести широкие полевые исследования античных и раннесредневековых памятников Северного Причерноморья. Функционировали следующие экспедиции и отдельные отряды экспедиций: Илуратский отряд Боспорской экспедиции (начальник И. Г. Шургая); Порфмийский отряд Боспорской экспедиции (Е. Г. Кастанаян); Ольвийская экспедиция (В. И. Пругло); Периферийный отряд Ольвийской экспедиции (К. К. Марченко); Херсонесская экспедиция (С. А. Беляев); Тарханкутская экспедиция (А. Н. Щеглов) и Южно-Донская экспедиция (И. Б. Брашинский).

На научных заседаниях группы все сотрудники регулярно выступали с докладами по темам своих работ и с отчетами о раскопках. Часть сотрудников приняла деятельное участие в работе конференции, посвященной 150-летию Одесского археологического музея АН УССР (Одесса, 1975); конференции, посвященной 250-летию АН СССР (Киев, 1975); XIV Международной конференции античников социалистических стран (Ереван, 1976), а также в работе Всесоюзного симпозиума, посвященного типологии и социальной структуре городов (Ленинград, 1976).

На заседаниях группы ставились доклады сотрудников других учреждений, отечественных и зарубежных. Отметим выступления В. Василева (Болгария) «Ремонт оборонительного доспеха во Фракии в IV в. до н. э.»; В. П. Копылова (Ростов-на-Дону) «Мечи V в. до н. э. из погребений Елизаветовского могильника»; Е. В. Мавлеева (Ленинград) «Интерпретация фигуративного источника, лишенного пояснительных надписей»; С. Ю. Монахова (Саратов) «Стандартные емкости эллинистических амфор Херсонеса Таврического»; Г. М. Николаенко (Севастополь) «Емкость эллинистических амфор Херсонеса»; О. Я. Савели (Севастополь) «К вопросу о размерах и структуре аграрной территории Херсонеса Таврического в Юго-Западном Крыму в IV—III вв. до н. э.»; А. П. Чубовой (Ленинград) «Надгробные памятники римского времени Херсонеса»; Д. Б. Шелова (Москва) «Светлоглиняные амфоры».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ
 АИКСП — Археология и культура Северного Причерноморья. М., 1968
 АО — Археологические открытия. М.
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 КБН — Корпус боспорских надписей. М., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии. СПб.
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПОДУ — Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова
 САИ — Свод археологических источников
 ТОАМ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
 ХС — Херсонесский сборник
 ААА — 'Αρχαιολογικά ἀναλέκτα ἐφ' Ἀθήνων
 АЖА — American Journal of Archaeology
 АМ — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. Athens
*Beazley, ARV*² — *Beazley I. D. Attic Red Figure Vase Painters.* Oxford, 1963
 BSA — The Annual of the British School of Archaeology at Athens
CVA — Corpus vasorum antiquorum
 ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
 RA — Revue archéologique
 TAPS — Transactions of the American Philosophical Society

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>И. Т. Кругликова.</i> Проблемы античной археологии	3
<i>И. Б. Брашинский.</i> Стандарты родосских амфор	11
<i>Д. Б. Шелов.</i> Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология	16
<i>Н. А. Фролова.</i> Начальные эмиссии меди Савромата I (92—123 гг. н. э.)	22

Полевые исследования

<i>Н. М. Секерская.</i> Результаты раскопок в западной части Никония . . .	27
<i>В. В. Рубан.</i> Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане	32
<i>Е. И. Леви.</i> Раскопки ольвийской агоры и теменоса (1971—1974 гг.) . .	36
<i>В. И. Пругло.</i> Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г.	45
<i>В. А. Латышева.</i> Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму	53
<i>А. Н. Щеглов.</i> Тарханкутская экспедиция в 1969—1975 гг.	61
<i>А. А. Зедгенидзе.</i> Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса	69
<i>Г. М. Николаенко.</i> О гераклейском пифосе из «Старого Херсонеса» . .	78
<i>А. И. Айбабин.</i> Античное погребение в Феодосии	80
<i>А. А. Масленников.</i> Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое	84
<i>Б. Г. Петерс.</i> Раскопки поселения античного времени на полуострове Казантип	89
<i>Т. М. Арсеньева.</i> Раскопки Танаиса в 1973—1976 гг.	93
<i>О. Н. Усачева.</i> Рельефная керамика из Кеп	100
<i>Е. М. Алексеева.</i> Стратиграфия центральной части Горгиппии	107
<i>Э. Я. Николаева.</i> Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища	110

Хроника

<i>Э. Я. Николаева.</i> Сектор античной археологии в 1975—1976 гг.	114
<i>К. К. Марченко.</i> Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1975—1976 гг.	116
Список сокращений	118

Античность и варварский мир

КСИА, вып. 156

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректор В. А. Шварцер

ИБ № 5265

Сдано в набор 25.07.78.
Подписано к печати 10.10.78.
Т-18321. Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 2350 экз. Тип. зак. 618
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я лин., 12